

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

**Человек в современном городе:
облик, образ, образование**

**Сборник научных статей
по материалам V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(Омск, 17–18 мая 2016 г.)**

2016

УДК 008
ББК 71я43
В421

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом ОмГУ*

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. *П.Л. Зайцев* (ответственный редактор)
канд. филос. наук, доц. *С.Н. Оводова*
канд. истор. наук, доц. *Е.В. Кузьмина*
канд. филос. наук, доц. *Н.Г. Красноярова*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *Д.М. Федяев*
канд. филол. наук, доц. *В.А. Мартынов*

В421 **Визуальные образы современной культуры.** Человек в современном городе: облик, образ, образование : сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 17–18 мая 2016 г.) / [редкол. : П. Л. Зайцев (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – 190 с.

ISBN 978-5-7779-2026-3

В сборник вошли научные статьи и доклады ведущих ученых, молодых научных работников, аспирантов и студентов университетов Урала и Сибири. Материалы конференции отражают современный уровень осмысления визуальных маркеров региональной идентичности. Издание адресовано философам, культурологам, дизайнерам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

Рекомендовано для обучения по направлениям подготовки бакалавров 44.03.04 Профессиональное обучение, профиль Декоративно-прикладное искусство и дизайн, 48.03.01 Теология, 51.03.01 Культурология и для магистров 47.04.01 Философия.

УДК 008
ББК 71я43

*Работа выполнена в рамках общественно полезного проекта
«Город, который мы выбираем»
по итогам муниципального конкурса грантов 2016 г., реализуемого
профсоюзной организацией студентов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

ISBN 978-5-7779-2026-3

© Оформление. ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
DOSTOEVSKY OMSK STATE UNIVERSITY

**VISUAL IMAGES
OF CONTEMPORARY CULTURE
(The man in the modern city:
the appearance, image, education)**

**Collected articles
on materials of V All-Russian
scientific-practical conference
with international participation
(Omsk, 17–18 May 2016)**

Omsk
Omsk State University Publishing House
2016

UDC 008
LBC 71z43
V421

Recommended for publication Editorial Committee OmSU

Editorial team:

Dr. philos. sciences, prof. *P.L. Zaitsev* (editor)
cand. philos. sciences, assistant professor *S.N. Ovodova*
cand. hist. sciences, assistant professor *E.V. Kuzmina*
cand. philos. sciences, assistant professor *N.G. Krasnoyarova*

Reviewers:

Dr. philos. sciences, prof. *D.M. Fedyaev*
cand. filol. sciences, assistant professor *V.A. Martynov*

V421 **Visual images of contemporary culture** : The man in the modern city: the appearance, image, education: Collected articles on materials of V All-Russian scientific-practical conference with international participation (Omsk, 17–18 May 2016) / [editorial board. : P. L. Zaitsev et al.]. – Omsk : Omsk State University Publishing House, 2016. – 190 p.

ISBN 978-5-7779-2026-3

The collection includes scientific articles and reports of leading scientists, young researchers, graduate students and students of universities of the Urals and Siberia. Proceedings of the conference reflect the current level of understanding of the visual markers of regional identity. The publication is addressed to philosophers, culture experts, designers, teachers and students of higher educational institutions.

Recommended for training in areas of training bachelors Vocational training profile Decorative and Applied Art and Design; Theology, Cultural Studies and Master of Philosophy.

UDC 008
LBC 71z43

*The work was performed as part of socially useful project
"The city, which we choose"
the results of the municipal grant competition in 2016, implemented
trade-union organization of students of Dostoevsky Omsk State University*

ISBN 978-5-7779-2026-3

© OmSU design. Dostoevsky Omsk State
University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ПОРОЖДАЕМЫХ ЕЮ ФЕНОМЕНОВ

<i>Федяев Д.М., Федяева Л.В.</i> Образы города: организм и отключенный механизм	7
<i>Гуц А.К.</i> Кибергород и киберлюди	11
<i>Оводова С.Н.</i> Городские сообщества: собирая и разрушая города.....	23
<i>Марчин Годава.</i> Три модели религиозности города в поэтической визуализации.....	32
<i>Ополев П.В.</i> Хронотоп современного города	39
<i>Кукенков В.И.</i> Современный город – инновации, проблемы и решения	43
<i>Зайцев П.Л.</i> Анти-Кастельс: глобальные тренды и вызовы управлению региональными процессами	47
<i>Попов Е.А.</i> Urbi et Orbi. О явлении современной муниципальной культуры	53
<i>Кузьмина Е.В.</i> Облик религии или религия в зеркале культуры.....	57
<i>Шарапова М.А.</i> Категории единственного и множественного как инвариант религиозного опыта.....	61
<i>Петров А.В.</i> Деонтическая телеология и некоторые проблемы постсекулярного сознания	65
<i>Васильева Д.В.</i> Религиозное сознание – «трудная проблема»	71
<i>Нагапетян К.Ж.</i> Сакрализация бренда в современной культуре: вербальное и невербальное измерение	74
<i>Кузовлева А.С.</i> Мода и экологическая культура: конфликт ценностей	79
<i>Чебакова Е.А.</i> Деньги и ментальность: перспективы изучения.....	84

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ГОРОЖАНИНА

<i>Жигунов А.Ю.</i> О репрезентации некоторых доминант художественной культуры в Омском региональном медиадискурсе	88
<i>Николина Н.В.</i> Два вектора развития социальной мысли в произведениях писателей Сибири XX века.....	93
<i>Приймак И.В.</i> Конфликт веры в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник»: видимое и скрытое	97
<i>Зверева Ю.Ю.</i> НОМО MILITARIUS: хронотоп конструирования.....	102

<i>Зарипов М.Ю., Степанов А.В., Шуплецова Е.Ж.</i> Фотография как сокровенный объект нашего дома	107
<i>Головнёва Е.В.</i> О мифологической природе кинематографических образов (идеи С.М. Эйзенштейна)	112
<i>Воробьева М.В.</i> Кинематограф как инструмент «экономики впечатлений» (на материале игровых фильмов о Венеции)	116
<i>Коноплева Н.А., Федорова С.Н.</i> Особенности формирования туристического имиджа Республики Саха (Якутия)	121
<i>Жигунова М.А.</i> Современные студенты Сибири: штрихи к портрету	127
<i>Жданко К.Е.</i> Культурный анамнезис города Омска в театральной сфере	135
<i>Романова В.Д., Шуплецова Е.Ж.</i> Эмоциональное обогащение городского пространства	139
<i>Рыбинских К.А., Брагин В.А.</i> Арт-объекты как эффективный способ средовой гуманизации города Екатеринбурга	144
<i>Степанов А.В., Степанова Т.М.</i> Генерализирующая функция архитектурного метода в проектно-преобразующей деятельности человека	149
<i>Егоров С.Б.</i> Исследование ценностной модели участников международной молодежной организации АЙСЕК	153

ОСВОЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

<i>Степанова И.Н.</i> Информальное образование в концепции И. Иллича	161
<i>Тарасова А.Г.</i> Инновационные технологии в дизайн-образовании	166
<i>Шалашова О.Н.</i> Развитие образного мышления студентов в процессе обучения изобразительному искусству	169
<i>Воробьева Л.А., Петрова Л.А.</i> Опыт организации системы доступного и непрерывного образования и психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья с раннего возраста в Омской области	174
<i>Серебrenикова Т.И., Гуляева М.А., Шихова Е.П.</i> Инновационный опыт работы центра медико-психолого-социального сопровождения с семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья дошкольного возраста	180
<i>Барац О.В., Воробьева Л.А.</i> Опыт применения элементов музыкотерапии на занятиях по музыкальному воспитанию детей с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста	184

ФИЛОСОФСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ПОРОЖДАЕМЫХ ЕЮ ФЕНОМЕНОВ

Федяев Дмитрий Михайлович

*Омский государственный педагогический университет,
Россия, г. Омск.*

E-mail: fedyaev@omgpi.ru

Федяева Людмила Викторовна

*Омский государственный педагогический университет,
Россия, г. Омск.*

E-mail: lvfed2007@yandex.ru

ОБРАЗЫ ГОРОДА: ОРГАНИЗМ И ОТКЛЮЧЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Есть две распространенные модели мира и его элементов: механизм и организм. Для города адекватна органическая модель, поскольку организм есть совокупность непрекращающихся процессов. Для городской среды естественна насыщенность людьми и событиями. Между тем в отечественной городской среде нередко создаются заведомо безлюдные фрагменты, аналогичные отключенным механизмам.

Ключевые слова: город; модель; организм; механизм; типы горожан.

Dmitriy Fedyaev

*Omsk State Pedagogical University,
Russian Federation, Omsk*

Ludmila Fedyaeva

*Omsk State Pedagogical University,
Russian Federation, Omsk*

IMAGES OF THE CITY: ORGANISM AND DISCONNECTED MECHANISM

There are two widespread models of the world and its elements: mechanism and organism. The organic model is adequate for a city, because the organism is a combination of unending processes. The city environment is naturally filled with people and events. However, there are intentionally unmanned fragments, which are similar to disconnected mechanisms, often created in the Russian city environment.

Keywords: city, model, organism; mechanism; types of citizens.

Типичная городская ситуация: люди ходят мимо памятника, не замечая его. Замечать начинают только в том случае, если около него что-то происходит.

В зависимости от типа происходящего имеются две распространенные модели мира и всего в нем обитающего – механизм и организм. Различия между ними неоднократно обсуждались. Механизм нужно заводить, а организм в этом не нуждается. Механизм можно разобрать на отдельные детали, а потом снова собрать и вернуть в рабочее состояние. Организм не разбирается. Организм способен к росту и развитию. Механизм только стареет и изнашивается. Одно из различий (существенных применительно к нашей теме) состоит в том, что механизм можно отключить, а через некоторое время включить снова, тогда как организм отключить нельзя, не уничтожив его. Правда, как справедливо заметил К. Маркс, железо ржавеет, а дерево гниет, а потому хранение чего-либо (в том числе поддержание неработающего механизма в работоспособном состоянии) требует затрат труда.

Механистическое мировоззрение по-видимому вечно. Оно подкупает своей наглядностью и живет в языке: политики не устают стремиться к созданию «механизма, который обеспечил бы...», применительно к общественной жизни говорят о строительстве (была даже и перестройка), в современной философии мы встречаемся с конструкцией и деконструкцией, постоянно старается с чем-нибудь разобраться. Согласно Гегелю, механическими могут быть знания, поступки, даже благочестие [1, с. 307]. Тем не менее, все вариации постижения мира человеком, достигнув «взрослости» начинают акцентировать внимание на процессах, то есть переходить от механического к органическому в широком смысле слова, поскольку организм есть совокупность непрекращающихся процессов.

Наука после первичного определения объектов и областей исследования начинает акцентировать внимание на проблемах изменчивости, взаимодействия, эволюции. В развитии философии качественным скачком стало становление диалектики. Противоположности борются, накапливаются количественные изменения, порождаются новые качества. Гегель писал о процессе действительности, цели, истины. Субъект познания становится активным, начинает воздействовать на объект, в теории познания делаются попытки стереть границу субъекта и объекта. Исследуются актуальные события, факты, а не вещи. Литература насыщается событиями. А.С. Пушкин, к примеру, настолько не приемлет статичности, что у него движутся даже объекты, которые

двигаться вообще не должны, разве что вместе с Землей: «В той норе во тьме печальной / гроб качается хрустальный» и пр.

Идеальной моделью города является, несомненно, организм. Организмическая модель адекватна самому духу города и его жителей. Г.В. Горнова выделяет следующие типы горожан: деятель, кочевник, космополит, чужак, фланер, потребитель досуга, этнический крестьянин. Основным типом является деятель, так как свобода, предоставляемая городом, проявляется прежде всего в свободе выбора деятельности, в многообразии возможных видов деятельности и вариантов ее смены. Деятели являются предприниматель и наемный работник [2, с. 301–303].

Другой аспект свободы – свобода перемещения – порождает иные типы городских жителей. Кочевник не укоренен в конкретном городе, но жить вне города он не может. Вот фрагмент из книги про «настоящих» кочевников: Не все ли равно, в какой точке великой степи сидеть вечером у огня и жевать чурек... Но вне великой степи жить нельзя. Горожанин-кочевник принимает определенные обязательства не по отношению к стабильным социальным структурам, соотнесенным с местом его жительства, а по отношению к мобильным и изменчивым структурам, мало зависимым от места (корпорация, профессия). Космополит сегодня, как правило, представитель той или иной элиты [2, с. 303–307].

Чужак не адаптирован в городе. К этому типу относятся мигранты, гастарбайтеры, безработные, люмпены. Чужак не обладает знанием культурных образцов того сообщества, в которое он намеревается влиться. Условия жизни в новом окружении редко совпадают с его ожиданиями. Социально-психологические установки, очевидные для местных жителей, дающие им ощущение надежности и стабильности, воспринимаются чужаком как внутренне противоречивые и непонятные.

Фланер – любитель праздных прогулок. Фланирование стало одним из атрибутов жизни интеллектуальной элиты в 19 столетии. Торопиться, бежать по делам – удел буржуа. Фланер нуждается в толпе, она дает ему возможность ощутить собственное одиночество и уникальность. После того, как идеология фланирования проникла в массы, изменился смысл прогулки, к ней добавилась прагматика – посещение торговых точек и досуговых центров. Так начал складываться тип потребителя досуга.

Современная культура в ее массовой форме представляет собой культуру досуга. В современном городе основным производством не-

редко становится производство досуга. Горожане включены в него и как производители, и как потребители. Поощряемые социумом способности к потреблению начинают довлеть над индивидом, конвенциональные нормы вынуждают его распоряжаться своим свободным временем так, как «принято» в его социальной группе, он отдыхает так, как будто работает. Получается, что принуждение к досугу оказывается сродни принуждению к труду.

Этнический крестьянин, перебравшись в город, стремится сохранить свою идентичность сельского жителя. Этнические крестьяне объединяются в общности, не растворяющиеся в городе, а образующие изолированные группы [2, с. 317–321)].

Горожане нуждаются в адекватной среде. Деятель испытывает естественные потребности в товарах, кроме того, он иногда отдыхает. Кочевник и космополит, хотя и склонны к перемене мест, стремятся жить в среде по-настоящему городской. Фланер, хотя и никуда не торопится, стремится показать себя, ему нужны зрители. Кроме того, для фланирования все же нужна некая точка, которую он посетит, то есть видимость цели. Потребителю досуга необходимы места, где он будет его потреблять. Чужак стремится стать своим, приобщиться к стилю жизни укорененных горожан. Этнический крестьянин, хотя и изолируется от городского уклада, достичь этого полностью не удается. В совокупности они образуют организм города.

Тезис, согласно которому что город существует для людей, звучит весьма тривиально, но не всегда реализуется творцами отечественной городской среды. Иногда возникает антитеза вроде той, которая в XVIII – начале XIX веков сложилась в военном деле: армия для войны, или армия для парадов? Война портит солдата – говаривали во время царствования Николая I. Крымская война стала жестоким уроком парадоманам. Так и в городах иной раз создается заведомое, запланированное безлюдье во имя сомнительного эстетизма. Например, уберем с привокзальных площадей пригородные автобусы, они «портят вид». В результате человек, прибывший в столицу и направляющийся, допустим, в Тулу должен искать автобус где-нибудь в отдалении. Или, например, уберем торговые точки, расположенные около станций метро и разобьем на этих местах эстетичные скверы. Или, расположим магазины подальше от официальных зданий, чтобы не было лишней суеты. Если город расположен у реки, вынесем лодочные стоянки за городскую черту, подальше. На центральных улицах расположим заведомо непосещаемые магазины.

Создаваемые таким образом «эстетичные» пустыри предполагают столь же эстетичное гипотетическое применение, например, однажды проведение запланированного шествия. Они живо напоминают отключенные механизмы, но, как уже говорилось, железо ржавеет, а дерево гниет, их приходится поддерживать в приемлемом состоянии, как и обитаемые городские территории. Создание пустырей противоречит самому духу городской жизни. Их «эстетичности» горожане не заметят и не оценят.

Литература

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. Соч. : в 14 т. – М.; Л., 1929. – 368 с.
2. Горнова Г. В. Философия города. – М., 2014. – 344 с.

Гуц Александр Константинович

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: aguts@mail.ru*

КИБЕРГОРОД И КИБЕРЛЮДИ

Дается классическая и квантовая система описания города. Вводятся понятия «кибергород» и «киберлюди». Представляется квантовый кибергород и квантовый киберчеловек. Показана вечность кода киберчеловека.

Ключевые слова: кибернетика; кибергород; киберлюди; код киберчеловека; вечность кода киберчеловека.

Alexander Guts

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

CYBERCITY AND CYBERMEN

The classical and quantum descriptions of city are given. The concepts of cybercity, cybermen and their codes are introduced. The eternity of cyberman code is shown.

Keywords: cybernetics; cybercity; cybermen; cyberman's code; eternity of cyberman's code.

Введение

Цель доклада – посмотреть на жизнь города и его жителей не столько с научной точки зрения, сколько на основе спекулятивного эмоционального подхода, который, быть может, не дает положительного знания, но зато возбуждает дух желания получить нечто новое, доселе неведомое. Последнее всегда содержит нечто мистическое, таинственное, похожее на истинное знание, но в действительности представляющее то, из чего такое знание складывается после упорных размышлений, уже не допускающих пустых спекуляций.

Будем смотреть на Город и на Людей, живущих в нем, с точки зрения кибернетики.

Кибернетика изучает кибернетические системы, т. е. системы, которые рассматриваются как объекты хранения, поступления информации, переработки информации и передачи информации.

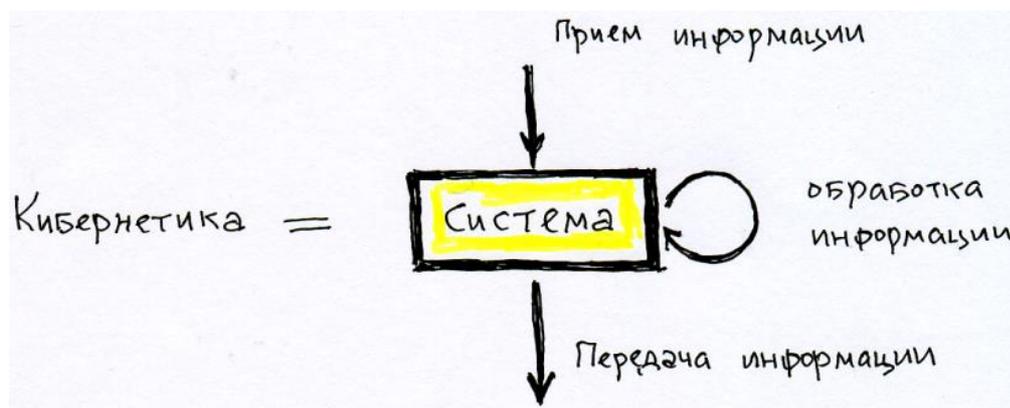

Рис. 1. Кибернетика

Время в кибернетике – это канал связи между разными эпохами, по которому передается код (информация) Города или Человека [1, с. 113].

Код – это конечная последовательность битов, т. е. нулей и единиц. Поэтому будем под кибергородом и под киберчеловеком будем понимать их коды:

$$\begin{aligned}\text{КиберГород} &= \text{код Города } \Gamma . \\ \text{КиберЧеловек} &= \text{код Человека } a_i .\end{aligned}$$

На рис. 2 представлена схемы передачи кодов кибергорода и киберчеловека по каналу связи «Время».

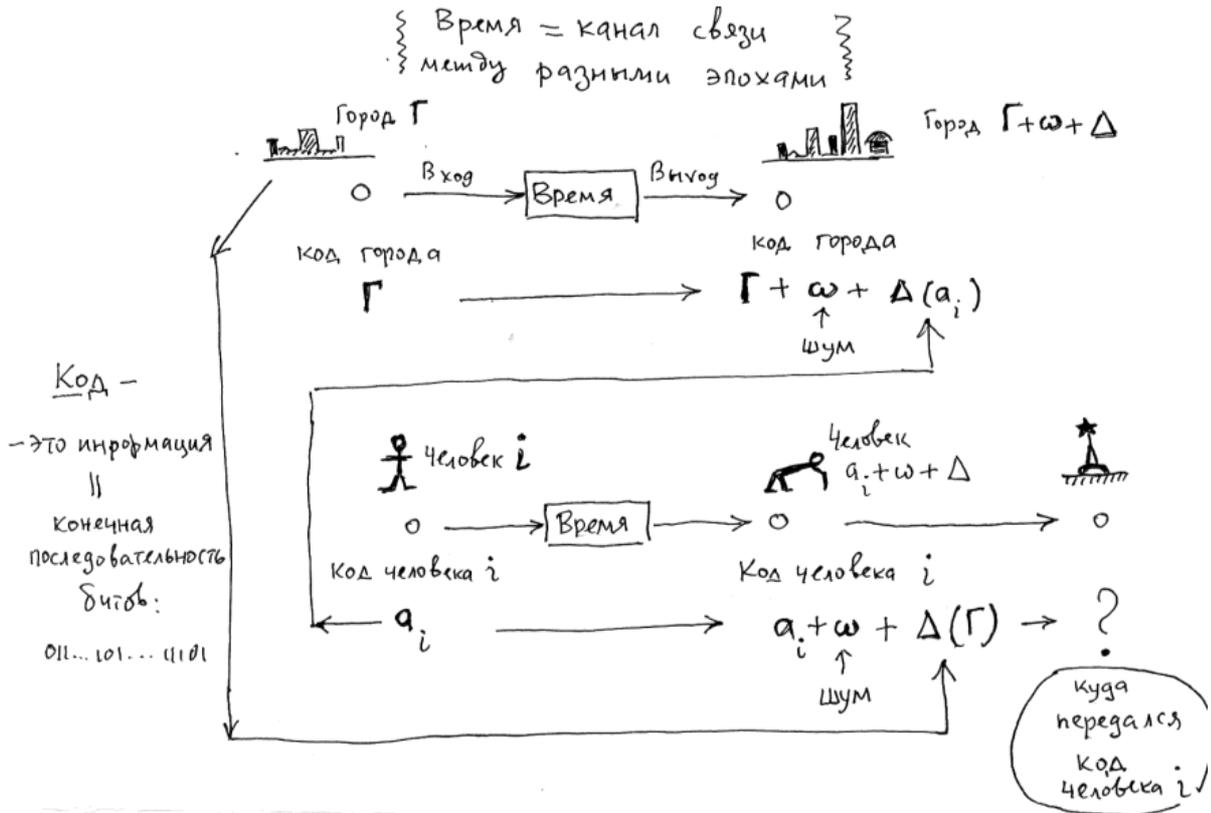

Рис. 2. Время как канал связи.

Возникает вопрос: куда передается код киберчеловека после его смерти?

Существование города или человека состоит в том, что их код передается из одной эпохи в другую. Если передача идет в пределах одной исторической эпохи, то мы наблюдаем старение. Если из разных, да еще отдаленных друг от друга, то при приеме кода имеем то, что представляет интерес разве что для археологов, историков и искусствоведов.

Классическая кибернетика опирается на законы классической детерминистической механики. Однако следует описывать окружающий нас внешний мир и нас самих, основываясь на законы квантовой механики, в которой многое дается с помощью вероятностных характеристик и не предполагает обязательных причинно-следственных связей. Так мы будем поступать в данном докладе.

1. КиберГород

Можно ли сказать, что мы знаем свой город? Знаем досконально, во всех подробностях, с описанием всех закоулков, сломанных дверей, разбитых окон, открытых канализационных люков, свободных незаселенных квартир, перечнем жильцов, неисправных электросчетчиков?

Знаем ли мы свой дом, свой подъезд? Если собрать жильцов подъезда, то смогут ли они описать, что есть в подъезде, а чего нет?

Знаем ли вы свою квартиру? Где есть трещины в потолке, а где нет?

Если посидеть и подумать, то придем к выводу, что мы не знаем ни своего города, ни своего подъезда, ни своей квартиры.

ПОЧЕМУ? Потому, что город, дом, квартира не имеют однозначного точного описания.

В действительности, наш город, дом, квартира – это город, дом, квартира такие, какими мы их знали и видели вчера, какими видим и знаем сейчас, и какими они будут завтра.

Наш город, дом – это город, дом такие, какими мы их знали и видели 10 лет назад, какими видим и знаем сейчас, и какими они будут через 10 лет.

Наш город – это город такой, как мы его знали и видели 100 лет назад, каким видим и знаем сейчас, и каким он будет через 100 лет

Иначе говоря, наш город Γ – квантовое состояние

$$|\Gamma\rangle = c_{(в_прошлом)} |\Gamma_{(в_прошлом)}\rangle + c_{(в_настоящем)} |\Gamma_{(в_настоящем)}\rangle + c_{(в_будущем)} |\Gamma_{(в_будущем)}\rangle,$$

где коэффициенты c – это комплексные числа.

Если же учесть все исторические эпохи, то

$$|\Gamma\rangle = \sum_{\alpha} c_{\alpha} |\Gamma_{\alpha}\rangle,$$

где α – историческая эпоха.

Прошлое, настоящее и будущее влияют друг на друга. Поэтому город меняется не только в будущем и в настоящем, но и в прошлом. Посредством квантового времени коды города и людей отсылаются как в будущее, так и в прошлое. Квантовая реальность, квантовый мир всё время меняется, в нем вещи как бы закреплены пружинками, а не прочно прибыты гвоздями, как в классическом мире (рис. 3).

Однако жесткость классического мира закреплена в постулате абсолютности прост-ранства-времени в специальной теории относительности. Следует учитывать обе теории в изучении кибергорода и киберлюдей.

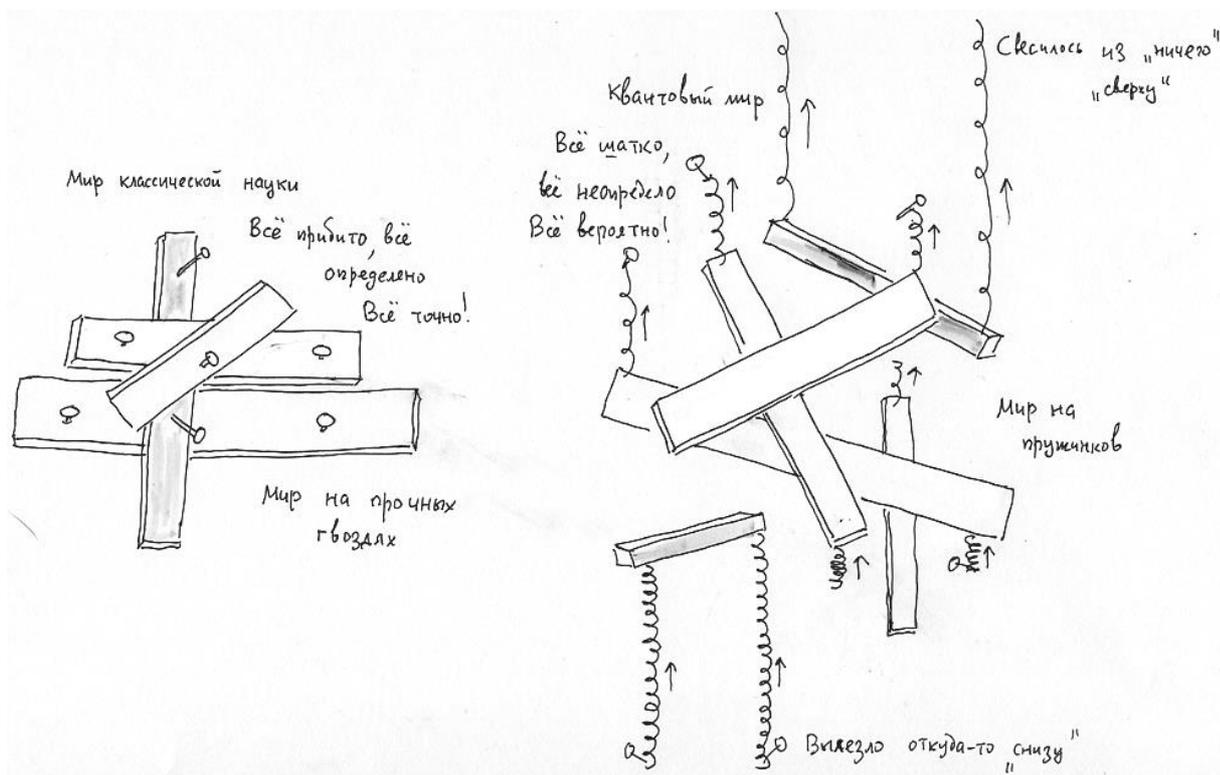

Рис. 3. Классический мир, прибитый гвоздями и квантовый мир, зафиксированный пружинами

Классически обоснованное утверждение:

Настоящее сопротивляется изменению, поскольку будущее уже есть, и оно не желает изменения настоящего.

(Борис Гуц, кинорежисер)

Поэтому с точки зрения постулата абсолютности пространства-времени Прошлое уже есть, и оно не дает менять настоящее. Настоящее, настоящее вне нас «заморожено», оно практически не меняется.

Но мы же видим изменения?!

Но всё ли мы видим?

2. Исторические эпохи

Мир существует в форме исторических эпох.

Каждая историческая эпоха – это совокупность бытующих среди людей представлений о внешнем мире; это соответствующие этим представлениям наука, культура и искусство. Это типы вооружения,

одежда, мода, транспорт, манера письма, повседневная лексика и т. д.
Примеры:

1. Древний Египет.
2. Древняя Греция.
3. Европа от начала XIX века до начала XX века.
4. Европа от начала Первой мировой войны до конца XX века.

Историческая эпоха Ω_α – это «замороженное» бытие людей. Изменения в жизни отсутствуют в каждой конкретной исторической эпохе на протяжении всего времени ее существования, точнее, всей длительности эпохи.

Историческая эпоха – это волна стационарности, волна неизменности в абстрактном бесконечномерном историческом пространстве.

Эта волна имеет вид

$$\Psi(\Omega_\alpha) \equiv \Psi_\alpha({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = A_\alpha e^{-\frac{i}{\hbar} S_\alpha({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu)}, \quad (1)$$

где ${}^{(3)}G$ – геометрия пространства, вмещающую человеческую цивилизацию, пребывающую в конкретной исторической эпохе, μ – ее материально-физическое устройство, B – состояние ее биосферы на «тверди земной», e – этническая организация, σ – государственное устройство и, наконец, ν – учет разумности людей, S_α – действие, удовлетворяющее уравнению Эйнштейна-Гамильтона-Якоби [2].

3. Исторические последовательности

Исторические эпохи – это различные волны стационарности.

Интерференция суммы всех волн исторических эпох

$$\sum_\alpha c_\alpha \Psi(\Omega_\alpha)$$

дает в историческом пространстве разные «цепи горных пиков», каждая из которых представляет изменчивую эволюционирующую историческую последовательность, вселенную, в которой течет объективное время и которая известна под названием пространство-время (рис. 4).

«Цепи горных пиков» возникают для волн-эпох, у которых совпадают фазы, т. е. когда

$$S_\alpha = S_\beta = \dots = S.$$

Тогда

$$\begin{aligned} & c_\alpha \Psi(\Omega_\alpha) + c_\beta \Psi(\Omega_\beta) + \dots = \\ & = c_\alpha A_\alpha e^{\frac{i}{\hbar} S_\alpha} + c_\beta A_\beta e^{\frac{i}{\hbar} S_\beta} + \dots = [c_\alpha A_\alpha + c_\beta A_\beta + \dots] e^{\frac{i}{\hbar} S}. \end{aligned} \quad (2)$$

Формула (2) показывает, что каждая эпоха вносит свой вклад в историю эволюционирующей пространственно-временной вселенной.

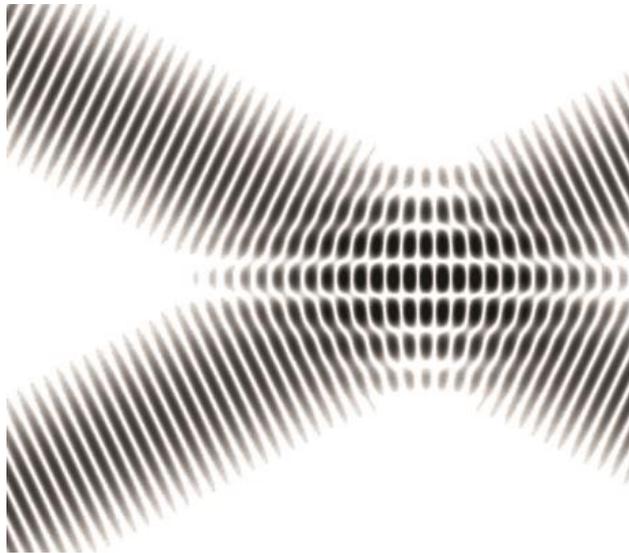

Рис. 4. Интерференция двух плоских волн. Видны параллельные исторические вселенные-реальности = несколько «цепей горных пиков» по выражению Halliwell'a

Изменить свое будущее (или прошлое) можно. Но для этого надо «соскользнуть» со своей «цепи горных пиков». Иначе говоря, изменить свою фазу S_α . **Это достигается для каждого отдельного человека за счет варьирования своих волевых усилий.**

Изменение фазы приведет к тому, что нашей новой «цепи горных пиков», если вообще она имеется, мы не увидим среди тех «цепей горных пиков», в число которых мы входили раньше.

Но чтобы иметь новую изменяющуюся эволюционирующую жизнь нужно, чтобы нашлось достаточно большое число иных исторических эпох, которые имеют фазы равные нашей новой фазе. В противном случае, будем жить в стационарном веками неизменном мире, подобно племенам в сельве реки Амазонка.

**Изменить судьбу и прошлое города можно.
Но для этого надо изменить фазу текущей исторической эпохи.**

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

**Сделать то, что сделать невозможно, надо сломить
сопротивление того, что сломать казалось бы нельзя.**

4. Истины и иллюзии каждой эпохи

Если Вы, например, жили во времена эпохи Древней Индии, то Вы и представить не могли себе смартфон, телевизор, суперЭВМ, истребитель МИГ-29, ракету «Союз». Великие ученые данной эпохи уверяли бы Вас, что вселенная – это блин, лежащий на спинах четырех слонов. И Вы, естественно, считали бы это истиной, поскольку об этом вещают гении эпохи!

Нам, живущим в XXI веке, смешны такие истины. Для нас это чушь. Но людям Древней Индии неведомы истины людей XXI века. Они живут своей жизнью, жизнью своей исторической эпохи, и им нет дела до того, чего они никогда не узнают.

В нашей эпохе, наши гении, к которым причислен, скажем Стивен Хоукинг, вещают нам, что Вселенная возникла из горячей «точки» 15 млрд. лет тому назад и расширилась до современных размеров. И мы считаем это истинной, поскольку это важнейшее и фундаментальное знание наших гениев, наших лучших ученых.

**Но людям некоей эпохи смешны наши истины. Для них это чушь.
Но нам неведомы истины людей этой некоей эпохи...**

Все исторические эпохи существуют, и знание их гениев не чушь, а средство мирозерцания, мироощущения, спокойствия и понимания сути вещей.

5. Код КиберЧеловека

Ответим на вопрос, поставленный на рис. 2: куда исчезает код киберчеловека после его смерти [3]?

КиберГород населяют КиберЛюди.

КиберЧеловек – это носитель кода (информации), определяющим его личность.

КиберЧеловек имеет тело, построенное по коду с использованием подручного материала.

Как устроен код КиберЧеловека?

Квантовая модель сознания Хамероффа и Пенроуза использует молекулы белка тубулина, из которого строятся микротрубочки в нейронах головного мозга и других клетках тела.

Тубулины – это молекулы-димеры, которые могут существовать в двух пространственных конфигурациях – α -тубулина и β -тубулина. Эти два состояния молекулы-димера суть биты 0 и 1 с точки зрения теории информации. Следовательно, с их помощью пишется код киберчеловека.

В теле имеется 10^{21} димеров. Поэтому код киберчеловека имеет вид:

$$a_i = \left| \underbrace{1101\dots 10\dots 01\dots 11\dots}_{10^{21}} \right\rangle$$

6. Гибель тела КиберЧеловека

КиберЧеловек – это квантовый компьютер.

Любой компьютер при стирании информации

$$|a\rangle \rightarrow |0\rangle$$

должен выделять энергию не меньшую, чем $kT \ln 2$ (примерно 3×10^{-21} Дж при комнатной температуре) на каждый стертый или потерянный иным способом бит информации.

Всего в головном мозге человека имеются 10^{11} нейронов. Количество димеров в головном мозге равно $10^7 \times 10^{11} = 10^{18}$.

В случае смерти человека, если в димерах стирается хотя бы один бит, то выделяется энергия, равная $10^{-21} \times 10^{18} = 10^{-3}$ Дж. Стирание происходит за 10^{-12} сек.

Мощность выделения энергии стирания равна $10^{-3} / 10^{-12} = 10^9$ Дж/сек.

Это ВЗРЫВ!

Взрыв, равный мощности взрыва 1 кг тринитротолуола! Должны наблюдаться сильнейшие разрушения на расстоянии до 10 метров!

Но при смерти человека взрыва, уничтожающего все вокруг, никто не наблюдал. Следовательно, безвозвратное стирание информации в

клетках в случае смерти человека – явление крайне незначительное, и эта информация сохраняется в полном соответствии с законом сохранения информации, более известном как второе начало термодинамики.

Принцип Ландауэра: Любой процесс, который стирает бит в одном месте, должен перенести то же самое количество информации в какое-то другое место.

«Когда сердце перестает биться, а кровь перестает течь по сосудам, микротрубки теряют свое квантовое состояние. Однако квантовая информация, которая в них находится, не разрушается. Она не может быть уничтожена, поэтому распространяется и рассеивается по Вселенной» (Хамерофф).

Куда переходит код киберчеловека?

Куда же переходит информация из микротрубочек в момент смерти человека? Каким образом она сохраняется и в какой форме ее можно обнаружить?

Пусть нам дана система S , состоящая из:

1) наблюдателя, а точнее его сознания, которому приписана волновая функция $|\psi^0\rangle$, и

2) совокупности микротрубочек нейронов головного мозга вышеупомянутого наблюдателя. Тогда состояние наблюдателя, память которого содержит представления событий A, B, \dots, C , записываем в виде

$$|\psi_{[A,B,\dots,C]}^0\rangle.$$

Наблюдение физической величины A , которая представляет собой полный перечень a_i битов, зафиксированных при измерении состояния микротрубочек во всех нейронах головного мозга, характеризуем собственной волновой функцией $|\varphi_i\rangle$. В системе S рассмотрим в качестве начального состояния сознания наблюдателя функцию $|\psi^0[\dots]\rangle$.

Осознание наблюдателем момента, равно – информации, закодированной набором битов a_i , состоит в протекании некоторого процесса, который в указанном промежутке времени $[0, T]$ преобразует состояние

$$|\psi^{S+0}\rangle = |\varphi_i\rangle \otimes |\psi_{[\dots]}^0\rangle \quad (3)$$

в новое состояние

$$|{}^n\psi^{S+0}\rangle = |\varphi_i\rangle \otimes |\psi_{[\dots,a_i]}^0\rangle,$$

где a_i характеризует состояние $|\varphi_i\rangle$, то есть отражает регистрацию собственного значения a_i величины A . Под преобразованием мы понимаем нахождение решения $|\psi\rangle(t)$ уравнения Шрёдингера

$$i\hbar \frac{d}{dt} |\psi\rangle(t) = H |\psi\rangle(t)$$

с начальным данным (3) при $t = 0$ и с $|{}^n\psi^{S+0}\rangle = |\psi\rangle(T)$.

Мы описали идеальный случай, когда система остается в собственном состоянии $|\varphi_i\rangle$.

В общем случае, если начальное состояние системы является не-собственным, а общим состоянием $\sum_i a_i |\varphi_i\rangle$, конечное состояние будет иметь вид

$$|{}^n\psi^{S+0}\rangle = \sum_i a_i |\varphi_i\rangle \otimes |\psi_{[\dots,a_i]}^0\rangle. \quad (4)$$

В случае описания процесса стирания информации в микротрубочках головного мозга нужно подобрать гамильтониан H так, чтобы

он характеризовал процесс стирания: $H = H_{\text{стир.}}$. С точки зрения теории квантовых вычислений действия мозга, а точнее, процесс осознания – это квантовое вычисление, задаваемое уравнением Шрёдингера, а гамильтониан – это вполне определенный гейт, которому в классической теории вычислительных машин соответствует некоторая схема, состоящая из логических элементов.

Формула (4) говорит, что по окончании процесса стирания информации возникает бесконечная полная совокупность альтернативных состояний сознания наблюдателя и соответствующая запись информации в микротрубочках нейронов «головного мозга» $|\varphi_i\rangle \otimes |\psi_{[\dots,a_i]}^0\rangle$, среди которых **обязательно имеется** (поскольку ряд (4) перебирает все варианты значений a_i) **элемент самосознания и соответствующая запись информации в микротрубочках нейронов $|\varphi_{i_0}\rangle \otimes |\psi_{[\dots,a_{i_0}]}^0\rangle$, которые имелись у наблюдателя до того как информация в его мозге подверглась стиранию (наблюдатель умер).**

Уникальность личности состоит в том, что *только она* могла иметь информацию a_{i_0} в своем мозгу.

Новое появление в реальности элемента $|\varphi_{i_0}\rangle \otimes |\psi_{[\dots a_{i_0}]}\rangle^0$ после процесса стирания – это проявление закона Ландауэра: информация сохранилась, а в свете вышесказанного следует говорить **о восстановлении личности наблюдателя после стирания информации в его мозгу.**

При этом наблюдатель, как видно из формулы (4), ветвится! Его двойники осознают «собственную» информацию a_i , записанную в их мозге.

Восстановленный код помещен только в одного «КиберЧеловека».

Киберкод a_{i_0} не может оказаться в двух разных телах разных КиберЛюдей, поскольку справедлива теорема о запрете клонирования квантовой информации:

$$\neg (U : |a_{i_0} 0\rangle \rightarrow |a_{i_0} a_{i_0}\rangle)$$

для любого «квантового ксерокса» U .

Код при восстановлении помещается в некоторое новое тело.

Что это за тело?

Ответ дадут биологи.

Код разместится там, где он поместится так, чтобы тело начало функционировать.

Может это кошка? Или собака? Или береза? Или ромашка?

7. Вместо самосомнения и самокритики

Ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким образом, чтобы она не казалась чушью...
(Эразм Роттердамский – Томасу Мору, 1508 г.)

Литература

1. Гуц А.К. Время как канал передачи информации между историческими эпохами // Математическое и компьютерное моделирование: сборник материалов III Международной научной конференции (Омск, 12 ноября 2015 г.). – Омск, 2015. – С. 113–114.
2. Уилер Дж. Предвидение Эйнштейна. – М., 1970.
3. Гуц А.К. Стирания и восстановления информации, записанной в микротрубочках нейронов // Математика и ее приложения: фундаментальные проблемы науки и техники: сборник трудов всероссийской конференции, Барнаул, 24–26 ноября, 2015. – Барнаул, 2015. – С. 256–259.

Оводова Светлана Николаевна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА: СОБИРАЯ И РАЗРУШАЯ ГОРОДА¹

В статье доказывается влияние городских сообществ на процессы формирования целостности города. Анализируется деятельность молодежных городских сообществ Омска и их влияние на процессы формирования гражданского общества.

Ключевые слова: городские сообщества; публичные места; город; досуг; социология города; Омск.

Svetlana Ovodova

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

URBAN COMMUNITIES: DESIGN AND DESTRUCTION OF THE CITY

The article proves the influence of urban communities in the processes of formation of the integrity of the city. Proved the importance of the activities of ur-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в форме гранта, проект № 16-17-55001 «Разработка и внедрение персоноразмерной модели мониторинга этноконфессиональных процессов в Западной Сибири», номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № АААА-А16-116040810159-0.

ban communities, reveals the influence of youth urban communities of Omsk on the processes of formation of civil society.

Keywords: urban communities; public space; city, urban; leisure; urban sociology; Omsk.

Тема урбанистики сейчас находится на пике популярности. Однако если мы обратимся к научной литературе о городе, или проанализируем книги по градостроительству и урбанистике, то мы обнаружим, что в большинстве своем исследователей город интересует как физическое пространство, точка на карте. Город понятие административное, сопряженное с наличием четких физических границ. При этом не всегда акцент ставится на то, какие формы социальной консолидации порождает город. Если же в данной литературе и говорят о горожанах, то при определении является ли конкретное поселение городом, обращают внимание на количество и плотность населения. Однако еще представитель чикагской школы Л. Вирт отмечает: «Социологически значимое определение города пытается найти в урбанизме те элементы, которые отличают его как специфический способ человеческой групповой жизни» [3, с. 172]. Социологическое понимание города связано с тем, что город рассматривается как сообщество или сообщества, т. е. в городе формируются особые социальные практики.

Исторически крупные города – это торговые и коммуникационные узлы. Город – плавильный котел, куда стекаются жители из областей, других городов и других стран. Следовательно, говорить о наличии развитых родовых традиций, охватывающих все население большого города невозможно. Г. Зиммель подчеркивал, что в городе происходит максимальная атомизация общества [8]. Большие города – это плавильные котлы, порождающие переход от общины к сообществам. Существующие городские сообщества, несмотря на свою «невидимость» и порой неинституционализированность играют очень большое значение. Таким образом, городские сообщества – это формы сплочения горожан для решения общих проблем.

Хотелось бы задать вопрос: как взаимосвязаны сообщества и то физическое пространство, которое мы называем городом?

Еще П. Бурдьё говорил о взаимосвязи социального и физического пространств [1], и даже иллюстрировал, как социальный порядок организует и переформатирует физическое пространство, визуализируя в нем социальную иерархию и властные структуры.

Городские сообщества влияют не только на социальное пространство, но и на физическое пространство города, перестраивая его под свои нужды.

Новый урбанизм, родоначальником которого является Дж. Джекобс [6], провозглашает необходимость переустройства городской среды, в связи с тем, что город, не отвечает актуальным потребностям человека. Городская среда должна быть соразмерна человеку, помимо антропометрических характеристик учитывать душевные, духовные потребности человека и многосценарность моделей поведения людей. Джекобс отмечает, что живые улицы города – это улицы с людьми. По ее мнению, можно строить великолепные лучезарные города, но если они не наполнены людскими потоками, то эти города мертвы.

Родоначальник отечественного урбанизма В. Глазычев рассматривает жизнь в городе с подобного ракурса: «Одна из главных особенностей российского бытия заключается в том, что города есть, люди есть, а горожан нет» [5]. В представлении Глазычева город складывается из трех составляющих: 1. публичное пространство; 2. досуг (наличие незанятого трудовой деятельностью населения); 3. *городские сообщества* [4]. Таким образом, с точки зрения Глазычева, город – это то, что формируется в процессе единения публичного пространства, городских сообществ, досуга.

Посмотрим с этой точки зрения на г. Омск. В Омске существуют явно отчетливые проблемы: отток трудоспособного населения; уменьшение платежеспособности региона; некомфортная среда (разбитые дороги, не отремонтированные фасады, мусор и т. п.). В Омской области наблюдается отток трудоспособного населения, миграция молодых специалистов в динамично развивающиеся города. Мы видим проблемы в связи со всеми тремя составляющими города в теории Глазычева.

Однако есть и позитивная тенденция: оставшиеся молодые люди выражают желание изменить Омскую область и создать позитивный образ города. Начиная с 2013 года в г. Омске активно начинают появляться молодежные городские сообщества. Городские сообщества города Омска пытаются работать со всеми составляющими: создают публичные места, создают досуг, т. е. функционируют в рамках стратегии Глазычева, и это неспроста, так как деятельность отдельных городских сообществ по урбанистике строится во взаимодействии с институтом «Стрелка» (Москва), представители которого работают в парадигме В. Глазычева.

Взаимосвязь физического и социального пространств проявляется в том, что городские сообщества преобразуют публичные пространства, а вновь появившиеся публичные пространства формируют городские сообщества и социальные практики. Эту возникающая связь физического пространства и городских сообществ можно проиллюстрировать примером из истории. В процессе так называемой «Османизации Парижа» Барон Жорж Эжен Осман по приказу Наполеона III в сер. XIX значительно перестроил Париж. По размаху и затратам эта модернизация превосходит все предыдущие попытки переустройства городов. Париж был грязным, вонючим городом. Канавы посередине улицы, ужасная санитария. Проект Османа включал в себя снос и переустройство всех маленьких узких запутанных улочек и создание больших проспектов. Осман пробивался сквозь исторические улицы, ломая привычную логику физического пространства. В представлении Османа «город трактовался как единое пространство, где взаимосвязи между отдельными частями подчинялись задаче координации целого» [11, с. 67]. Цель переустройства Парижа – обезопасить город от возможной гражданской войны. Вновь созданные широкие проспекты и щебеночное покрытие затрудняли строительство баррикад. Улицы стали прямыми, широкими и легко просматриваемыми, а не маленькими и извилистыми, улицы легко простреливались артиллерией (у горожан могло быть стрелковое оружие, но не могло быть пушек), отчего в шутку назывались «Бульвары для пушечного ядра». Четкая структура новых улиц позволила прокладывать кратчайшие пути от казарм к рабочим отрядам, что позволяло быстро реагировать на волнения. Строительство улицы Тюрбиго привело к тому, что полностью с карты Парижа исчезла улица Трансоньян, которая представляла собой символическое место биррикад [11, с. 68].

Во вновь перепланированном городе Париже очень важной стала перспектива, открывающийся гармоничный вид улицы. Город стал рассматриваться как целостность не только в системном, но и в эстетическом смысле. Бульвары должны были в лучшем виде показывать монументальную архитектуру. Наиболее значимой становится симметрия не отдельного здания, а городской среды. Новые бульвары породили новый тип жителей: фланеров. «Но если как форма жизни, принадлежащая кварталу, улица уходила в прошлое, то она становилась новой, современной формой жизни – зрелищем. Появление новых экономических потоков сопровождалось новыми формами культурного «спектакля». Строительство бульваров способствовало тому, что

сосредоточенное в кварталах местное кустарное производство вытеснялось фабричной системой, интегрированной в общенациональное хозяйство» [11, с. 72]. Широкие бульвары и большие универсальные магазины позволяли неспешно прогуливаться, наслаждаться видом и воспринимать пребывание на улице не только, как путь из пункта «А» в пункт «Б», но как самозначимое времяпрепровождение, как досуг.

Данный пример иллюстрирует, что для уничтожения городского сообщества, которым являлись революционеры, необходимо было перестроить физическое пространство, устранить символ восстания. А вновь появившееся физическое пространство повлекло за собой появление новых форм взаимодействия с городом (фланерство).

Однако не любое публичное пространство, даже если в его пределах реализуются досуговые практики, повлечет за собой формирование городского сообщества. Концепция культурной политики Пермского края предполагала «запуск процессов, актуализирующих культурные ресурсы самих территорий – как способ поиска человеческой идентичности и формирования своего особого образа и стиля жизни на территории» [13, с. 13]. Культурная политика была призвана создать новую идентичность. Проблема Пермского культурного проекта (2008) состояла в том, что при культурном менеджменте не были учтены потребности городских сообществ [9]. Новый досуг создали, публичные пространства перестроили, но городского сообщества не появилось. Городское сообщество, которого не существовало до Пермского культурного проекта, образовалось как протест на существующие изменения. Следовательно, разрыв этих составляющих и привел к тому, что Пермский культурный проект был нежизнеспособен и в большинстве своем перестал развиваться после того, как с постов были сняты чиновники, т. е. городские сообщества не поддерживали новую досуговую практику. Создание чуждого городскому сообществу досуга привело к невозможности освоения этой культурной и социальной практики. Однако некоторые фестивали были поддержаны городскими сообществами, поэтому продолжили функционировать и без административного продвижения.

Феномен сопряженности городских сообществ, публичных пространств и досуга можно объяснить посредством теории «третьего места». Термин «третье место» предложен Р. Олденбургом для обозначения особых публичных пространств, способствующих объединению людей и формированию локального сообщества: «Чаще всего я называю такие места «третьими» (после дома – «номера первого» и

работы – «номера второго), и это – неформальные общественные места для встреч. Эти места лучше всего служат сообществу в той степени, в которой они *принимают всех* и являются *локальными*» [12, с. 20]. Функции кафе, пивных, пабов как «третьих мест» были направлены на поддержание социальной целостности, единства местного сообщества, что обеспечивалось за счет свободы общения. Коммуникация за пределами дома и работы давала возможность членам этого сообщества демонстрировать свои личностные качества. «В третьих местах развлечение обеспечивают сами люди. Основное занятие там – разговор, который может изменять характер от бурного к беззаботному, от серьезного к остроумному, от поучительного к пустому. А пока идет разговор, «знакомые» превращаются в индивидуальности, а «индивидуальности» становятся личностями – единственными во всем мире, причем каждая из них добавляет яркости к нашей жизни» [12, с. 27]. Посетители «третьего места» знают друг друга, таким образом, сообщество само себя контролирует, что позволяет негласно следить за благополучием всех членов сообщества. В Америке третьи места были разрушены с появлением феномена субурбии – бесконечных однообразных пригородов. В России это разрушалось за счет типового строительства, планировки одинаковых кварталов. Именно в таких кварталах, по мнению Джекобс, Зиммеля и Ольденбурга, тут они солидарны, разрушаются всяческие социальные связи. Здесь нет необходимости знать своих соседей, так как невозможно со всеми познакомиться в огромном многоквартирном доме. Типовое строительство стирает особенности места – стирается идентичность места.

Стоит отметить, что городские сообщества Омска демонстрируют тип консолидации на основе третьих мест. Руководители разных молодежных городских сообществ общаются друг с другом и посещают мероприятия не только своих городских сообществ, что обеспечивает поддержание общности и формирование лояльности по отношению к деятельности иных молодежных городских сообществ. Также представители городских сообществ занимаются восстановлением социальных связей посредством вовлечения жителей города в совместную деятельность по преобразованию публичного городского пространства.

Анализ идентификации городских сообществ позволяет выявить, что в большинстве своем представители омских молодежных городских сообществ – это креативный класс.

При работе с понятием «креативного класса» и его связанности с развитием города мы апеллируем к концепциям Р. Флорида [14; 15],

Ч. Лэндри [10]. Мы можем сказать, что в современном обществе осуществляется переход от труда к творчеству, современная экономическая ситуация характеризуется тем, что все большее количество людей занимается не трудом, а творчеством, что предполагает особый тип занятости. При этом не всегда способ зарабатывания денег у этих людей сопряжен с творчеством, но желание заниматься творчеством у них присутствует, отчего они ищут ресурс, где можно канализировать неисчерпанную творческую энергию.

В городах возникает спрос на интеллектуальный досуг. Музеи, театры, а в большей степени, кофейни, лектории представляют собой (в терминологии Ольденбурга) то самое третье место (помимо первого и второго – дома и работы), где собираются люди и где выстраиваются социальные связи. Третье место создает желанный образ города, место, куда хочется прийти, где хочется отдыхать. Эта тенденция проявляется в том, что современные кофейни чаще всего, помимо чашки кофе предлагают активный досуг – изучение языков, мастер-классы по приготовлению еды, мотивационные встречи и т. п. Таким образом, горожанин, не приобретая желанной функциональной идентичности, помимо тех функциональных идентичностей, которые формируются не по его желанию, находит формы досуга, объединения, в которых у него создается функциональная идентичность. Формирование идентичности в регионе должно быть сопряжено не только с моделью сегментарной идентичности, но и функциональной идентичностью, в противном случае повседневность не соотносится с образом региона.

Процесс формирования идентичности городских сообществ Омска сопряжен с изменением городской среды и вовлечением горожан в активный досуг. Данный процесс происходит посредством коворкингов, в результате которых осмысливается идентичность и вырабатываются проекты по улучшению публичных пространств. Проекты развития Омска, сформированные представителями городских сообществ, подвергаются открытому обсуждению с дальнейшей совместной реализацией этих проектов, как руководителями городских сообществ, так и горожанами. Мероприятия городских сообществ Омска имеют открытый характер, каждый горожанин может не только посещать мероприятия городских сообществ, но и становится активным участником городского сообщества, влиять на преобразование публичного пространства. Городские сообщества открыты для новых участников, однако структура руководителей обычно определена, иерархична.

Для понимания саморепрезентации руководителей городских сообществ мы используем классификацию языка урбанистики В. Вахштайна [2]. Он предлагает выделить три типа урбанистики:

Высокая урбанистика (модернистский город), которая стремится создавать небоскребы, шоссе и т. п.

Левая урбанистика (левацкий город), в рамках которой актуализируются проблемы развития общественных пространств, количества и качества рабочих мест, дискриминации.

Хипстерская урбанистика, представители которой воспринимают город как сцену, как место, где можно получить удовольствие. В рамках этой урбанистики наиболее актуальными являются обсуждения дизайна публичных пространств, наличия велодорожек, парков и т. п.

Язык репрезентирует интересы городских сообществ, позволяет понять потребности жителей. Видение проблем и направления развития города обусловлены определенным концептом города, который проявляется в языке. В связи с этим может возникнуть конфликт между социальными группами, так как каждая из них оперирует разными образами города и, следовательно, видит, ставит и решает разные проблемы. Нестыковку этих интересов можно зафиксировать в дискурсе городских сообществ. Выбирая язык, мы выбираем способ мышления о городе, его проблемах и потребностях жителей. Анализ мероприятий омских молодежных городских сообществ позволяет нам сделать вывод о том, что в этой среде в большей степени актуализирован язык хипстерской урбанистики. Однако, это утверждение не приводит к выводу, что носители языка хипстерской урбанистики являются хипстерами, как отмечает Вахштайн, в современной культуре язык и класс могут быть не связаны.

Городские сообщества Омска воспитывают гражданское общество, формируют навык самоорганизации социальных групп. Своей деятельностью городские сообщества Омска пытаются компенсировать существующие пробелы в социальной и культурной политике региона. У руководителей городских сообществ присутствует осознание недооцененности деятельности городских сообществ со стороны власти. Акцент в деятельности городских сообществ ставится на непрерывающемся самообразовании, саморазвитии. Сложность и не сопряженность с региональной спецификой могут возникнуть в том случае, если сообщества начнут существовать не ради какой-либо цели, а будут функционировать сами для себя, феномен бессмысленного самовоспроизводства социальных практик и их последствия были

осмыслены П. Зайцевым [7, с. 147–148]. Руководители молодежных городских сообществ Омска поощряют в участниках городских сообществ инициативность, лидерство, целеустремленность, признают, что прямо либо косвенно воспитывают данные качества в людях. Ценности, реализуемые городскими сообществами, схожи с ценностями креативного класса. Потенциал развития территории городские сообщества видят в своей деятельности, ставка делается на креативную экономику, воплощение которой возможно при совместной деятельности горожан, направленности усилий на развитие человеческого капитала региона. Не просто территория, ее размер и плотность населения создают город, а город собирается или разрушается наличествующими там городскими сообществами.

Литература

1. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология социального пространства. – М.; СПб., 2007. – С. 49–63.
2. *Вахштайн В.* Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 9–38.
3. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – 1997. – № 3. – С. 172.
4. *Глазычев В.Л.* Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов // Сайт Вячеслава Леонидовича Глазычева. – URL: http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm (дата обращения: 20.03.2016).
5. *Глазычев В.Л.* Среда отторжения // Сайт Вячеслава Леонидовича Глазычева. – URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1995-02_sreda_ottorzhenia.htm (дата обращения: 20.03.2016).
6. *Джекобс Дж.* Жизнь и смерть больших американских городов. – М., 2015. – 512 с.
7. *Зайцев П.Л.* Структура и антиструктура: мужская инициация в становлении человечества. – Омск, 2010. – 164 с.
8. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3 (34). – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 16.08.2015).
9. *Лысенко О.В.* «Пермский культурный проект»: опыт социологического прочтения // Коллизии культуры в информационном обществе (Культурологические чтения – 2014): матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 19–21 марта 2014 г.). – Екатеринбург, 2014. – С. 191–196.
10. *Лэндри Ч.* Креативный город. – М., 2006. – 399 с.
11. *Маккуайр С.* Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. – М., 2014. – 392 с.

12. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М., 2014. – 456 с.
13. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. – URL: <http://kulturaperm.ru/files/Konsept%20polnyi.pdf> (дата обращения: 25.05.2014).
14. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М., 2007. – 421 с.
15. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М., 2014. – 368 с.

Марчин Годова

*Папский университет Иоанна Павла II в Кракове,
Польша, г. Краков.*

E-mail: marcin2409@interia.pl

ТРИ МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОСТИ ГОРОДА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

В данной статье представлено три модели религиозности в городской среде (открытая, закрытая и открываемая) заключённые в визуализации собственной поэтической речи. Презентация основных смыслов основана на анализе польской и русской поэзии и является наброском антропологической темы религиозного сознания.

Ключевые слова: открытая религиозность; закрытая религиозность; открываемая религиозность; город; поэзия; человек; Бог.

Marcin Godawa

*The Pontifical University of John Paul II in Krakow,
Poland, Krakow*

THREE MODELS OF RELIGIOUSNESS OF A CITY IN POETICAL VISUALISATION

In this very presentation three models of open, closed and being opened religiousness are displayed. The topic placed in a city environment is perceived through the visualisation of a poetical speech and based on the analysis of Polish and Russian poetry. It constitutes a sketch of anthropological question of religious awareness.

Keywords: open religiousness; closed religiousness; being opened religiousness; a city; poetry; man; God.

Поднимая тему процесса изменений в религиозности города, стоит использовать поэтическую речь, поскольку она эффективно способствует обозначению персонального, интимного, трансцендентного выживания в форме собственной, языковой визуализации и именно в этом ракурсе раскрывается основная идея этой статьи. Посредством метода синтеза содержащей в себе предыдущий анализ и элементы сравнения в данной работе представляются три избранные модели открытой, закрытой и открываемой религиозности. Анализируемые модели построены на основе польских произведений о Кракове, а в пункте третьим – стихотворений Бараньчака и Иосифа Бродского. Будучи типичными, они составляют набросок темы, обусловленной рамками проекта, и как таковые могут служить дальнейшим сравнениям и исследованиям.

Модель открытой религиозности

Модель открытой религиозности обозначает такое направление человека, которое часто посредством кого-то или чего-то явно стремится к Богу, а в данном случае носит характер общественного опыта связанного с жизнью города. Её обсуждение можно начать с литургических гимнов посвящённых святым Флориану и Станиславу, патронам Кракова. Основой является факт, что святой, будучи даром для города, одновременно привлекает внимание жителей к Господу, что проявляется в прославлении. Флориан, защищающий горожан от «жара зависти»¹ и обеспечивающий их миром появляется в последней строке гимна посвященного Троицы, хотя отличен от неё иным культом чести, а не славы [9]. Также и Станислав представлен поводом для гордости краковян по причине своей муки и заботы о них, что существенно относится к Богу: «Поэтому, счастливый Краков, / ... ты Творца целой вселенной / благословляй в каждом часу» [15]. Очевидны два аспекта: святой проявляет собой Божью мощь к земле и привлекает общество верующих к Богу.

Модель продолжается в современных текстах множеством способов отражающих заданное духовное направление. Часто оно соединено с персоной римского папы Иоанна Павла, поляка и бывшего краковского епископа. Во времени своего паломничества в Краков он показан одновременно в связи с людьми и в противоположности к миру

¹ Польская поэзия в переводе М. Годавы.

как великий герой «перехватывающий» своим путём находящийся напротив него маленький шар [11], который таким образом служит Богу. Город представляет собой место актуализации этого отношения вместе со свершением истории на «реке народа» [4]. Поэтому «Блония», большой краковский луг встречи, является библейским озером, по которого водах папа и Христос в «его лице» приходят к людям [7]. Вследствие сопереживания, они оформлены например его изучением – все плывут в «лодке его слов» [7] или согреты любовью как плащом [17]. В связи с этими мотивами авторы регулярно употребляют множественное число «мы». Их индивидуальная, персональная речь как бы отражает общий опыт, однако надо заметить *условный* характер этого предположения, ведь тождество переживания согласно методологии не доказывается поэтической интуицией. Поэт¹ играет роль свидетеля общего опыта, выделяя себя в следующем ряду: люди – поэт – римский папа – Бог и оставляет за собой право называть межличностное благодаря проекции своего восприятия на других. Согласно поэтическому направлению такой подход представляет собой не узурпацию, а фиксирование поэта в обществе. Со статусом писателя связано качество языка, которое кроме настоящих ценностей (разнообразие метафор) иногда характеризуется *слабостью* формы, т. е. отсутствием полнейшего развития, например через переступление конвенции или теологического жаргона [8]. Такое же высказывание, не ищущее полной совершенности, лучше способствует достижению цели, т. е. отражению общего опыта, в том смысле, что поэт не возвышает себя над другими благодаря форме творчества. В целом искусство подчиняется религии.

Модель закрытой религиозности

Модель закрытой религиозности заключается в том, что в пространстве города взгляд человека остаётся на посредствующем объекте-знаке, не позволяя вести себя к Богу-десигнату. Модель, которая называется религиозной по причине объективно существующей возможности связи с Богом и принадлежности этих объектов к площадке религии, обосновывается разными внутренними предупреждениями. Одной из них может быть доминация в сознании связи субъекта со знаком вместо достижения десигната: «не знаем всегда, или мы мо-

¹ «Поэт» и т. п. обозначает условно субъекта говорящего в тексте.

лимся папе, или Богу» [18]. Иной считается схема, в которой религиозные знаки относятся более к истории чем к Богу. Так может быть осмысленно высказывание: «В живых витражах церквей / Так много мшистых рассказов / Глубокого неба/ Украшенного летом голубей / над мелодией песни» [10] либо описание краковской кафедры как «эха событий» и «атмосферы прошлых столетий» [13]. Также заслуга папы и епископов в преодолении зла понимается как историческое и политическое освобождение народа и страны, помимо явных, религиозных коннотаций [12].

Иным препятствием может быть искусство, по причине возбуждения духовных движений, которые хотя не так как религия, но могут удовлетворять желания. Одно из известных стихотворений о работе скульптора, Вита Ствоша [1447/8–1533] – его известного алтаря, свидетельствует, что живое описание персонажей художником не ведёт к Богу в смысле религиозного отношения с ясным сознанием Бога [16]. В прозе Посвятовской Вит Ствош назван «язычником» кланяется «богу из дерева и краски золотой», значит своему произведению [14], вот где заметна тенденция к оставлению себя на искусстве не смотря на отказ от цели религиозного творчества. Искусство – *завеса религии* употреблено в стихотворении о посещении церкви францисканцев, в котором очарование девочки декором и витражами ведёт к вопросу об авторе с ответом: «Станислав Выспяньски». Известный художник, описан в припеве по религиозному, как «ангел господень, бессмертный» [5], и становится целью внимания. И хотя его произведения представляют мир христианства, то в самом деле взгляд зрителей относится не к Богу, чего нужно бы ожидать, а к похвале человека¹. В другой раз церковная архитектура составляет основу фантастичной экспрессии, связанной не с религией, а со свободной игрой воображения. Башню церкви поэт хочет сделать своим местом командования птицами и ветром, чтобы памятники святых одевать в чёрные шляпы [6]. Следовательно, разные формы модели закрытой религиозности, обусловлены состоянием человека, особенно слабостью или браком религиозного направления, теряют тоже живой, общественный характер, хотя их артистизм более хороший.

¹ Следовательно, признание «Боже...», которое может представлять религиозное чувство, но и обыкновенное междометие, подчинено похожему на *литанию* припеву с именем не Бога, а художника, в чём сохраняется намерение дела.

Модель открываемой религиозности

В современной поэзии сохраняется модель, в которой человек открывает религиозность в пространстве города. К сути опыта принадлежит момент *распознания* религиозного, иногда самым неожиданным способом. Поразительным примером кажется стихотворение «Где я проснулся», в котором этот вопрос раскрывается через вереницу вещей, рисующих картину ежедневной жизни в жилом корпусе вместе с элементами стихий. И вот эта не религиозная коллекция вдруг является множеством скрещённых линий, вследствие чего возникает религиозное заключение: «[я] прибит вместе к всем этим крестам / ритмичными гвоздями бубнящего сердца» [3]. Таким образом, мнимо не религиозные знаки считаются религиозными, что позволяет истолковать судьбу иначе, и даже проявляющаяся в цитате боль включёна в контекст, где можно искать конечный смысл её, согласно христианской науке о воскресении.

Открытие религиозного здесь начинается более отчётливо с индивидуального опыта поэта, в отличие от первой модели, в чём можно видеть свойство современности. Эти черты выступают в совете Бродского: «войдя в костел, / пустой об эту пору, / сядь на скамью и, / погодя, / в ушную раковину Бога, / закрытую для шума дня, / шепни всего четыре слога: / – Прости меня» [1]. Всё – пустой костёл, в котором пребывает один человек вне голосов снаружи – подчёркивает индивидуальный характер выживания, хотя формат совета предполагает также возможность междличностного сопереживания. Встреча, начавшаяся от случайного посещения костела, становится религиозной с момента намеренного познания Бога, доказанного словами молитвы. Этот момент отражает тоже верная метафора костёла как раковины уха, обоснована подобием архитектурной формы, в результате чего человек яснее замечает присутствие Бога. Визуальная метафора способствует моменту завязания религиозной связи, а поэтическое средство творит выживание.

Индивидуальное открытие религиозности указано в произведении *24 декабря 1971 года* Бродского. На фоне города, парадоксально представленного как место интенсивной уборки перед Рождеством, в которой общество не признает Бога, поэт отличается своей способностей к разумению действительности и способа божьего прихода. Следовательно, он знает, что «механизм Рождества» заключён в том, что отступление от Бога вызывает его явление, в котором можно видеть

свободу приходящего. Далее, поэт первый видит сущность контакта с Богом описывая его в форме интимного «ощущения в себе бес стыда», «и Младенца и Духа Святого» под звездой и так предупреждает момент открытия религиозного у горожан [2]. Видя будущее поэт представляет собой фигуру пророка, которого актуальное, индивидуальное сознание объясняет потенциальный опыт общества. И также ничего удивительного в том, что поэзия строящая духовность характеризуется мастерством.

Созданную нами презентацию трёх избранных моделей городской религиозности можно представить в следующих выводах:

- Модель открытой религиозности представляет религиозное выживание общества через талант поэта.
- Модель закрытой религиозности, которая обозначает привлечение внимания на религиозный знак вместо десигната, отражает духовные проблемы человека.
- Модель открываемой религиозности отличается моментом распознавания религиозного посредством индивидуального опыта, который расширяется к общему.
- Все модели существуют: первая модель соответствует и раскрывает постоянные нужды людей; в то время как третья представляет собой эффективный ответ на вопрос второй модели в современном антропологическом дискурсе.

Литература

1. *Бродский И.* Литовский дивертисмент. Томасу Венцлова. – URL: <http://in-es.livejournal.com/70044.html> (дата обращения: 29.06.2016).
2. *Бродский И.* 24 декабря 1971 года // Бродский И. Рождественские стихи. – СПб, _____. – С. 35–37.
3. *Barańczak S.* Gdzie się zbudziłem // Barańczak S. 159 wierszy. 1968–1988. – Kraków 1990, Wydawnictwo Znak. – С. 42.
4. *Brzezińska B.* Rzeka dobroci // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999. – Kraków, Kraków, 1999. Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce.
5. *Czechowicz J.* W Krakowie, w kościele franciszkanów // “To miasto jest wszędzie...” Kraków w poezji polskiej XX wieku, red. J. Illg. Kraków 2001, Biuro Festiwalowe Kraków 2000. – С. 174–6.
6. *Harasymowicz J.* Wieża kościoła Świętego Andrzeja // “To miasto jest wszędzie...” Kraków w poezji polskiej XX wieku, red. J. Illg. Kraków 2001, Biuro Festiwalowe Kraków 2000. – С. 177–8.

7. *Jezierska K.* Na Krakowskich Błoniach // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce [номерации брпак].
8. *Jezierska K.* “Omnes unum” // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce [номерации брпак].
9. Kiedy zabłysła... // Liturgia Godzin. Codzienna Modlitwa Ludu Bożego. II. Wielki Post, Okres Wielkanocny. – Poznań, 1984, Pallotinum. – C. 1398.
10. *Krawczyński W.* Kraków // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków, 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce.
11. *Krawczyński.* Pielgrzym // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce [номерации брпак].
12. *Nowaliński B.* Kraków // Nowaliński B. Strofy o Krakowie. – Kraków, 2009, Stowarzyszenie Twórcze Artystyczno-Literackie. – C. 24.
13. *Nowaliński B.* Piękno Krakowa // Nowaliński B. Strofy o Krakowie. – Kraków, 2009, Stowarzyszenie Twórcze Artystyczno-Literackie. – C. 15.
14. *Poświatowska H.* Wit Stwosz // “To miasto jest wszędzie...” Kraków w poezji polskiej XX wieku, red. J. Illg, Kraków 2001, Biuro Festiwalowe. – Kraków, 2000. – C. 165.
15. Raduj się... // Liturgia Godzin. Codzienna Modlitwa Ludu Bożego. II. Wielki Post, Okres Wielkanocny. – Poznań, 1984, Pallotinum. – C. 1409.
16. *Śliwiak T.* Ołtarz // “To miasto jest wszędzie...” Kraków w poezji polskiej XX wieku, red. J. Illg, Kraków 2001, Biuro Festiwalowe Kraków 2000. – C. 164.
17. *Urbańska B.* Ciepły płaszcz // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków, 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce.
18. *Urbańska B.* Etos // Pięknem zło zwyciężaj. Ojcu Świętemu Janowi Pawłowi II w hołdzie. 14 VI 1999 Kraków. – Kraków, 1999, Wydawnictwo i Drukarnia Towarzystwa Słowaków w Polsce.

Ополев Павел Валерьевич

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия,

Россия, Омск.

E-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

ХРОНОТОП СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

В работе намечаются пространственно-временные особенности города как феномена культуры. Городское пространство представлено композицией нефизических «центров», задающих особенности переживания человеком времени.

Ключевые слова: время; город; культура; пространство; хронотоп.

Pavel Opolev

Siberian State Automobile and Highway Academy,

Russian Federation, Omsk

CHRONOTOPE OF THE MODERN CITY

Existential features of the city as culture phenomenon are outlined in work. The city space is presented by composition of the not physical "centers" setting features of experience by the person of time.

Keywords: time; city; culture; space; chronotope.

Многообразие трактовок пространства и времени отражают переживание человеком природного космоса и социокультурной действительности. Каждая эпоха имеет свои подходы к анализу феноменов пространства и времени. В классической античности пространство и время рассматриваются в непосредственной связи с жизнью космоса, движением небосвода, миром чисел. В христианстве пространство и время в большей степени теряет связь с космической стихией и изучается через призму человеческой души. Время и пространство оказываются непосредственно связанными с памятью о священных местах и событиях. Христианство открывает время и пространство исторического и психологического бытия в соотнесенности с вечностью. В Новое время формируется геометрически понимаемое пространство и метрически понимаемое время. В контексте идей эволюционизма время и пространство начинают мыслиться как формы развития живого, соотносятся не с вечностью, а с будущим [2, с. 18–19].

В философии принято различать объективное и субъективное время, связанное с его осознанием людьми [3, с. 838]. Социальное время – это универсалия культуры, в которой заключено интуитивное ощущение течения социальной жизни. Это ощущение зависит от интенсивности социальных изменений. Если в обществе изменений мало, социальное время течет медленно, а если изменений много, время ускоряет свой ход. Согласно условным «социальным часам», десятилетия застоя равны году революционной перестройки.

Социальное пространство – это интуитивно ощущаемая людьми система социальных отношений. Когда говорят, что человек «пошел вверх» или «опустился на дно жизни», имеется в виду социальное пространство. Распространение смыслов в социальном пространстве означает восприятие их людьми, находящимися в определенных социальных отношениях друг с другом и с внешней средой. Интенсификация городским пространством социального времени способствует ощущению того, что как бы ты не торопился, «ты всегда рискуешь опоздать». Как подмечает С. А. Кравченко: «В становящейся реальности увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего – это затрагивает функционирование жизненных референтов, включая ценности, авторитеты, представления о добре и зле» [5, с. 4].

Существование современного человека неразрывно связано с феноменом города и становлением феномена «сложного социума». [6]. Урбанистическое пространство становится сложным, задавая определенный темп социальных изменений. Убыстрение ритма человеческой жизни в современном городе заставляет переосмысливать понимание социального пространства и времени. Город – это форма человеческого общежития, в котором пространственные и временные характеристики активно взаимодействуют. Время становится особым пространством бытия человека. Выделяют множество факторов, обуславливающих особенности городского пространства и времени: географический, направленность деятельности его обитателей, архитектурный, эстетически-художественный и т. д. Город – это и арена общественных отношений, и развитый комплекс хозяйства, и скопление архитектурных, инженерных сооружений, технических достижений, и духовный центр. Вполне справедливо город можно рассматривать как совокупность множества разнородных реальностей, «мозаику жизненных миров» [1, с. 21].

Город воспроизводит модель мира культуры в целом, делает видимой иерархическую структуру космоса и уровни мироздания [4]. Город в любом своем проявлении и воплощении – это, прежде всего, организация, а, значит, подразумевает существование определенного пространственного и временного порядка. Пространство города представляет собой социокультурный феномен, являющийся структурным элементом мировосприятия различных социальных субъектов и зависящий от их оценки.

Понятие «хронотоп» фиксирует связь пространственных и временных характеристик бытия. Время оказывается пространством бытия, а пространство – временем. Хронотоп города определяется феноменом центра. Расхожие выражения «торговый центр города», «исторический центр города», «духовный центр» и т. д. часто относятся не к географическому центру, а к центру метафизическому.

Символика центра имеет сакральное значение в любой культуре. Центр символизирует победу над хаосом, свидетельствует о гармонии и упорядоченности. Наличие только одного центра в городе соответствующим образом обуславливает жизнь его граждан. Согласимся с мнением С.П. Гурина, что «пространство города характеризуется всеми свойствами священного пространства: имеются сакральный центр, периферия, священная ограда» [4]. Современный город имеет множество различных пространственных центров (торговых, экономических, административных, культурно-исторических, духовных, технических и т. д.). В каждом из возможных центров время окрашивается неповторимой спецификой того пространства, в котором оно протекает. В пространстве торгового павильона время субъективно переживается иначе, чем в пространстве храма.

Пространство города многомерно, изменчиво и динамично, а время нелинейно. Современный город имеет множество центров, каждый из которых может оказываться доминирующим в рамках определенного возраста, настроения, экзистенциальной, административной или экономической необходимости. Смысловое пространство может быть как массовым (исторический центр города или торговый центр), так и индивидуальным, биографическим (двор, в котором прошло детство). Кроме того, в одном и том же физическом, географическом пространстве города может сосуществовать целая композиция «центров», в которых по-разному представлено прошлое, настоящее и будущее, переплетено биографическое время и массовое пространство. Многообразие пространственных отношений задает экзистенциальный континуум жизнедеятельности человека в современном городе.

Доминирующим субъектом формирования пространства-времени в современном городе оказывается фигура потребителя. Культура потребления начинает определять пространственно-временные характеристики города. В результате – это негативно сказывается на психоэмоциональных характеристиках горожан, приводит к тому, что город превращается в глобальный рынок, где действуют исключительно отношения спроса и предложения.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, пространство и время в анализе социокультурной действительности необходимо рассматривать не как самостоятельные категории, а во взаимосвязи друг с другом. Во-вторых, многообразие пространственно-временных отношений, складывающихся в городе, возможно пояснить, используя понятие «хронотоп». В-третьих, хронотоп, фиксирующий многообразие пространственно-временных взаимосвязей, складывающихся внутри города, фиксирует возможное разнообразие метафизических статусов города. В-четвертых, город – это композиция нефизических «центров» (торговых, образовательных, научно-технических, биографических и т. д.), в каждом из которых пространственно-временные характеристики определяются целым рядом факторов. В-пятых, современный город имеет множество центров, которые определяют тот континуум жизнедеятельности, в котором реально протекает жизнь горожан.

Литература

1. *Вирт Л.* Городское сообщество и цивилизация // *Личность. Культура. Общество.* – 2006. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 21–32.
2. *Гайденок П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – 459 с.
3. *Грицанов А.А.* Пространство и время // *Всемирная энциклопедия: Философия.* – М.; Минск, 2001. – С. 838.
4. *Гурин С.П.* Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. – URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения: 14.04.16).
5. *Кравченко С.А.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // *Социс.* – 2013. – № 5. – С. 3–13.
6. *Ополев П.В.* Особенности бытия сложного социума // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – № 6(44). – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 146–149.

Кукенков Валерий Игнатьевич

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: kvi-dpi@yandex.ru*

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД – ИННОВАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Соотношение старого и нового в современном городе связано со сносом части города, утраты образа исторической части города. Порочная практика уничтожения старинных зданий для точечной застройки не решает проблему решения пластики пространства города.

Ключевые слова: пространство и объем архитектурных форм; городская среда обитания; фрагментарность и комплексность города; пространство интерьера и города.

Valeri Kukankov

*Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg*

MODERN CITY – INNOVATIONS, CHALLENGES AND SOLUTIONS

The ratio of old and new in a modern city associated with the demolition of part of the city, losing the image of the historic city. The notorious practice of destroying ancient buildings for high-density construction does not solve the problem of solving the plastic of the space of the city.

Keywords: space; volume and architectural forms; urban habitat; fragmentation and complexity of the city; the interior and the city.

Развитие и применение современных технологий в архитектуре, имеющих положительный потенциал, сведен к нулю при ряде нарушений, приводящих к разрушению не только несущей конструкции, но также и ее архитектурных и декоративных элементов выполненных из непрочных материалов или материалов не по назначению. Так в облицовке современных зданий используется такой дешевый, но непрочный материал как оштукатуренный пенопласт, который подвержен быстрому разрушению от незначительных химико-технологических воздействий.

«Конструктивные и планировочные принципы, исходные декоративные мотивы вырабатываются уже при возведении простейших со-

оружений, прежде всего жилища. Глубокая связь народного зодчества с хозяйственным укладом, климатом, строительными материалами, представлениями о комфорте и защищенности определяет относительную устойчивость строительных и художественных традиций, создает бытовую и эстетическую среду, в которой воспитывались и строитель и заказчик» [5, с. 4].

В современных условиях важность единства экстерьера и интерьера тесно взаимосвязана и влияет на формирование как города так и интерьера. «В творческих проектах современных архитекторов и дизайнеров жилой интерьер приобретает не столько пространственно – средовые характеристики, сколько психологические, что приводит к формированию новой пространственной организации и новым направлениям художественного образа жилого интерьера» [2, с. 468].

На основе этого неполного объема перечисленных проблем в оформлении современного экстерьера и интерьера, следует рассмотреть следующие вопросы: 1) социальная составная не должна влиять на качество «эконом класса» строительства; 2) современные проекты должны иметь культурную и художественную ценность не разрушая исторической памяти города; 3) сохранение окружающей природной среды благоприятно влияет на комфортное существование человека в пространстве современного города.

«Для архитектурного объекта характерны стабильность в пространстве, принадлежность к материальному миру. Однако эти качества не снижают возможностей трансформации архитектуры во времени, причем это свойство затрачивает в большей мере содержание объекта и почти не изменяет художественную форму и ее детали. Такие принципы сохранности ценностей произведений древней и современной архитектуры выработаны человеческим обществом» [3, с. 6].

Пространство современного города тесно связано с пространством интерьера, которое может быть не только сложно-изысканным, но лаконичным. Важна связь организации содержания интерьера с пространством города, когда функции, формы, масштабность и зоны среды обитания гармонично взаимосвязаны, в определении цветового решения, временной и стилевой связи малого объема интерьера с пространством города. Так дизайн, как многоуровневая система, где «Каждая из уровней имеет определенную самостоятельность и свои формы взаимодействия с другими видами проектно-художественной деятельности» [4, с. 4].

Пространство интерьера, имея различное назначение и функции, напрямую или косвенно влияет как на формирование пространства города, так и на его стилевые особенности и признаки, с учетом сбалансированности, организующих объемное и плоское пространство. «Схема комплексного архитектурно-художественного оформления города представлялась в виде выделенной на его обобщенном генеральном плане иерархической системы взаимосвязанных архитектурно-планировочных элементов, подлежащих оформлению (узлов, связей, зон). Для них определялись принципы и номенклатура средств и элементов оформления» [4, с. 8].

Современное градостроительство опирается на теоретические обоснования деятельности дизайнера и архитектора, зависящие от современных условий и потребности. Формирование и развитие пространственной среды, имеющей комплексный подход в вопросах архитектуры и пластических искусств, частично утерян и в современном городе. Рассматривая многоплановый подход в понимании роли пластических искусств в жизни города, возможно решение проблем, учитывая различные точки зрения на их творческие решения. «Так, пространство – бесконечное, непрерывное, развивающееся во всех направлениях, с взаимопроникновением внутреннего и внешнего, взаимопроникновением не только цвета и света, что было завоеванием импрессионистов, но самих пластических форм друг в друга, – становится ядром поэтики футуризма. Пространство осознается, пишется, лепится как материальное, а не пустота» [1, с. 170]. Возможный обмен суждениями позволит остановить процессы, разрушающие современный город, имеющие необратимые перемены. Разработка крупных комплексов в современное проектирование должно иметь развитие, с целью внесения дальнейших изменений, не разрушающих комплексные принципы. Возвращение к комплексному методу возможно при использовании интегрирования, отрицающее случайность в использовании пластических искусств в городской среде. Интегрированную среду можно формировать, имея четко обоснованную концепцию применения архитектурных и дизайнерских средств.

Современный город воспринимается фрагментарно, панорамный обзор пространства невозможен из-за использования так называемых врезок между существующими сооружениями, которые создают ощущение тесноты и изменение естественного проветривания пространства улиц и бульваров.

Созданное соизмеримое с человеком пространство, используя архитектурные и дизайнерские средства, должно грамотно организовывать транспортные и пешеходные развязки в современном городе, не ущемляя права автомобилистов и пешеходов. Скорость, темп и ритм этих изменений имеют такие временные определения, как: длительность; кратковременность; повседневность. Длительность можно определить как понятие, влияющее на организацию пространственной среды, пространства и масштабности, применяя специфический изобразительный язык и материалы. Повседневность выражена в стремлении двигаться в противоположные стороны: 1) развитие; 2) стабильность. Одна часть объектов дизайна и архитектурного пространства склонны к изменению и обновлению, другая часть остается неизменной и подверженной эволюционному изменению. Возникающие закономерности позволяют формировать и развивать теоретические обоснования комплексного решения городской среды на принципиально новой основе, обусловленной социальными и культурологическими проблемами.

Литература

1. *Азизян И.А., Добрицына И.А., Лебедева Г.С.* Теория композиции как поэтика архитектуры. – М., 2002. – 568 с.
2. *Ефремова О.В.* Теоретические концепции освоения пространства и особенности формирования художественной пространственной организации современного жилого интерьера // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – № 2 (2).
3. *Кудряшев К.В., Байзетцер Л.* Проблемы изобразительного языка архитектуры. (Опыт СССР и ЧССР). – М., 1985. – 239 с.
4. *Михайлов А.С.* Дизайн города: основные этапы исторического развития // Вестник ОГУ. – 2014. – № 5 (166), май.
5. *Ткачев В.Н.* История архитектуры: учеб. для архит. стоит. техникумов. – М., 1987. – 271 с.

Зайцев Павел Леонидович

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: zaitsevpl@rambler.ru

АНТИ-КАСТЕЛЬС: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ¹

В статье делается попытка осмыслить аргументы антиглобалистской критики неолиберальной стратегии мирового развития. Акцент делается на актуальных региональных процессах, а именно распространению гибких форм занятости среди молодежи Омского региона. Делается вывод о связи развития гибкого рынка труда с процессами растворения региональной идентичности.

Ключевые слова: Мануэль Кастельс; Субкоманданте Маркос; неолиберальная экономика; антиглобализм; общество переживаний.

Pavel Zaitsev

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

ANTI-CASTELLS: GLOBAL TRENDS AND CHALLENGES MANAGEMENT REGIONAL PROCESSES

The article is an attempt to understand the arguments of anti-globalization critique of the neoliberal global development strategy. The emphasis is on current regional developments, namely the spread of flexible forms of employment among young people of the Omsk region. The conclusion about the connection of a flexible labor market development with the processes of dissolution of regional identity.

Keywords: Manuel Castells; Subcomandante Marcos; neoliberal economy; anti-globalism; Company experiences.

М. Кастельс в своей программной работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» высказывает убеждение, что в развитых экономиках Запада производство опирается на образованных людей

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в форме гранта, проект № 16-17-55001 «Разработка и внедрение персоноразмерной модели мониторинга этноконфессиональных процессов в Западной Сибири», номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № АААА-А16-116040810159-0.

в возрасте 25–40 лет, оставляя более трети человеческих ресурсов невостребованными. Выход из сложившейся ситуации найден в неолиберальной стратегии развития мировой экономики, проводниками которой являются международные экономические организации МВФ, ВТО, ВБ, а наиболее ярким противником – скрывающийся в лакандонских джунглях легендарный Субкоманданте Инсурхенте Маркос.

Угроза массовой безработицы снимается в рамках неолиберальной стратегии расширением индивидуальных свобод, ограничением государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, строгой фискальной политикой, либерализацией торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности. Совокупность этих мер выстраивает высокосегментированную социальную структуру рынка труда, отличающуюся предельной гибкостью, индивидуализацией и подвижностью работы, способную противостоять угрозе безработицы. Так почему же критики неолиберализма, подобные уже упомянутому Субкоманданте Маркосу, склонны считать данную философию мирового развития четвертой мировой войной, которую мировой неолиберализм с каждой страной, каждым народом, каждым человеком?

Новый тип общественных связей выстраивающийся вокруг гибких, пренебрегающих любыми границами потоков капитала, информации, технологий, организационного и правового взаимодействия, решая одни проблемы (отодвигая вызовы массовой безработицы) порождает другие, особенно заметные в региональном масштабе. В российских регионах благодаря неолиберальному курсу на повышение гибкости, подвижности рынка труда формируется слой в большинстве своем молодых и экономически активных граждан способных воспринять новые мотивы и трудовые стратегии в таких сферах как интернет-экономика. При всех преимуществах, отмеченных сторонниками неолиберальной идеологии, данная форма адаптации экономически активного населения к изменяющейся социально-экономической ситуации порождает целый ряд проблем, характерных для незащищенной формы занятости. Подчеркнем, речь идет не о пенсионерах, домохозяйках и лицах с ограниченными возможностями, а об активных молодых людях, испытывающих сложности с официальным трудоустройством в современных условиях региональных рынков труда.

Система высшего образования в регионах, стремясь соответствовать мировым трендам, ориентирует студента на поиск собственной образовательной траектории, озабоченные выполнением показателей по трудоустройству студентов (мониторинг проводится по данным

предоставляемым государственной службой занятости населения, деятельность которой, если сопоставить ее интерактивный портал с разделом «работа» на портале АВИТО, ориентирована не на помощь в поиске работы, а учет тех, кто обращается за специальными выплатами), государственные ВУЗы не препятствуют ранней занятости студентов, переводя их на индивидуальный график обучения, разрешая работать и подрабатывать. Сложность экономической ситуации во многих российских регионах оправдывает эту практику возможностью сократить период будущих стажировок, получить практический опыт, на деле даже студенты очной формы обучения, повзрослев на первых двух курсах для самостоятельной жизни, с третьего курса становятся в ВУЗе случайными людьми, наработывая социальный капитал за пределами учебного заведения. Оценить омскую ситуацию можно по вакансиям на уже упомянутом портале АВИТО. Коммерциализированное обучение в частных ВУЗах, что следует рассматривать как более или менее профессиональное консультирование в процессе самообразования только усугубляет проблему, ведя к статусной фрустрации. Вкладывая деньги в образование, доверившись рекламным призывам инвестировать в свое будущее, молодые люди, получая диплом, свидетельствующий работодателю против их обладателя, сталкиваются с тем, что будущее – это цепь постоянно сменяющихся временных работ, без перспектив. Многие выпускники ВУЗов просто отказываются от поиска работы по специальности и построения карьеры, предпочитая творческий поиск и независимость. Независимость спонсируемая родительской поддержкой позволяет таким молодым людям на какое-то время встроиться в качестве потребителей в индустрию переживаний (туризм, путешествия). Независимость, помноженная на неустроенность и неопределенность, в перспективе может породить озлобленность, сформировать достаточно взрывоопасную молодежную среду, склонную к протестному акционизму. Связь между ориентацией на эмоциональное переживание жизни и логикой протестных движений еще в 2012 году заметил Виталий Куренной: «я могу заключить, что та часть людей, которая составляет собственно новое в этих протестных и политических явлениях, они действительно живут в логике, которая близка обществу переживаний. То есть непосредственное эмоциональное переживание, а кстати говоря, любое коллективное действие такого рода – это очень сильный и неожиданный эмоциональный опыт. И этот опыт во многом оказывается важнее, чем долгосрочные рационализированные политические программы, в которые пытаются это яв-

ление оформить существующие политические силы, которые в рамках этого общественного явления также, конечно, присутствуют» [2].

Студенческие программы мобильности активно входящие в регионы частично снимают проблему студенческого акционизма, перемещая неустроенных «городских кочевников» по стране. Ранняя адаптация к гибкости рынка, особенно результативна на политехнических и инженерных специальностях, предоставляя молодежи из регионов возможность закрепиться в крупных промышленных центрах, однако, учитывая что мировое разделение труда более сильный тренд, нежели локальный и временный курс на импортозамещение, для обоснованных выводов нужен детальный анализ по отраслям. Интересен опыт программы международных социальных стажировок AIESEC рассчитанной на молодых людей от 18 до 27 лет. Предлагая работу в команде студентов-волонтеров из разных стран в проектах environment, culture и education эта организация проводит рекрутинг наиболее активной студенческой молодежи из регионов. Философия организации ориентирует на саморазвитие и глобальную вовлеченность используя позитивные примеры своих выпускников Билла Клинтона, Гельмута Коля, Кофи Аннана и др. При этом, даже руководство организации построено таким образом, что лица, управляющие на всех ее уровнях, сменяются каждый год (люди вступают в должность ради опыта, поэтому находиться несколько лет на одной позиции для них не имеет смысла) будучи образцом неиерархического сетевого общества М. Кастельса.

Очевидным вызовом для регионов представляется то, что студенты и выпускники ВУЗов пройдя адаптацию к неолиберальной экономической модели становятся носителями ее идеологии. Отсутствие обязательств перед собой со стороны конкретного работодателя (которого они никогда не видели и не знали сколько еще сотрудников на него работают – следствие удаленной, временной, частичной занятости), они проецируют на собственный регион, не чувствуют себя обязанными кому-то еще. Они живут здесь и сейчас, принятая ими стратегия саморазвития не предполагает отложенного эффекта. Их интересует прямое денежное вознаграждение и они не собираются развивать ничего кроме себя, им свойственно пренебрежение к исторической памяти, сопричастности местной традиции, преемственности поколений. В их случае традиция не работает, гибкость и адаптируемость достигаются так раз при помощи отказа от традиции. Ресурсы региона – экономические, образовательные, культурные воспринимаются молодежью как естественный ресурс саморазвития, который надлежит

использовать, а не возобновлять. Слоган «покинуть Омск» набирающий популярность в сети последние полтора года, распространяется благодаря активности молодых людей получивших в Омске высшее образование и использующих региональных ресурс для получения необходимого для выхода на общероссийский рынок труда набора компетенций. Примером здесь может служить омская школа дизайна, которая известна как омская школа дизайна за пределами региона благодаря своим ученикам, но которая не представлена в регионе на уровне артефактов как-то преобразовавших, изменивших облик региона. Эта особая мотивация, не кем я буду в Омске, а кем я буду когда покину Омск, подкрепленная примерами из жизни значимых для Омска имен (Ф.М. Достоевский, А. Кутилов, Е. Летов, Д. Муратов) [4, с. 91–95], скорее всего типичный региональный эпизод в становлении ценностной матрицы глобальной неолиберальной миросистемы. Нетипичным его делает приграничный статус региона и «зажатость» его образовательной системы крупными научными центрами – Екатеринбург на западе и Новосибирске на востоке. На севере динамично развивается Тюменский государственный университет, вошедший в Проект 5–100. Реклама этого учебного заведения, предлагающего особые условия для омичей, решивших получить образование в «нефтяной столице России» активно транслируется в омских СМИ. Качественная динамика миграционных потоков показывает, что из Омска уезжают те, кто получил здесь образование, на их место приходят приезжающие за образованием, связывают ли они свою дальнейшую судьбу с регионом еще вопрос. Подобная неравноценная ротация городского населения угрожает региону транзитным статусом и деградацией как культурного, образовательного, экономического центра. Под угрозой оказывается региональная идентичность. Самоназвание омич, омичи связывающее человека с территорией вызывает скорее негативные коннотации, работа со смыслами направлена на растворение и девальвацию – как знаменитое «jvcg» и «гомск». В сетевом общении приставка «Омск» – признак разрухи и несбывшихся ожиданий – #омскиедороги, #омское метро, #жуткийомск отсюда еще один популярный слоган: «не пытайтесь покинуть Омск». Электронные СМИ реагируя на продаваемость негативных прогнозов для региона усугубляют ситуацию, вот пример такого материала: «Жители Омска меньше других россиян довольны своей жизнью – таковы данные рейтинга ЦСИ компании “Росгосстрах”. Полностью или хотя бы частично жизнь устраивает только 64 % опрошенных жителей города, в то время как, напри-

мер, в Грозном хорошо себя чувствует 84 % населения, а в Иркутске – 83 %. Специалисты выяснили, что недоволен сейчас каждый третий омич. А радоваться, впрочем, и нечему. Согласно данным исследования, в I полугодии 2016 года доля омичей, способных купить новый автомобиль, уменьшилась с 10 до 8%, увеличилась и доля безработных с 4 до 7%, сообщает “НГС.Омск”. Стоит отметить, что ранее Омск был включен в список худших городов России по качеству жизни. Такие данные опубликовал департамент социологии Финансового университета при Правительстве РФ», пишет Ирина Морозова в материале «В Омске живут самые недовольные жители России» [3].

Отсутствие значимых региональных смыслов, принимаемых как свои может привести к тому, что любое экспортируемое учение может быть воспринято как собственное, без соотнесения с игнорируемой традицией – проблема сегодняшнего Северного Казахстана, еще во время национально-территориального размежевания Средней Азии в 20-е годы XX остававшегося в составе РСФСР, частично Омской губернии. Имея этнически однородное население с югом Омской области, север Казахстана сегодня существенно отличается по конфессиональной карте, во многом благодаря деятельности различных «нетрадиционных исламских направлений» [1, с. 40] в связи с чем остро стоит проблема возможного экспорта салафитского ислама в Россию из приграничных территорий.

Литература

1. *Джалилов З.Г.* Исламские движения и течения в Центральной Азии // Ислам в Сибири: вызовы времени: сборник докладов Международной научной конференции. – Омск, 2016. – С. 38–42.
2. *Куренной В.* Общество переживаний: 7 фактов о трансформации жизненных установок современного человека. – URL: <https://postnauka.ru/faq/6214> (дата обращения: 26.06.2016).
3. *Морозова И.* В Омске живут самые недовольные жители России. – URL: <http://www.bk55.ru/news/article/78036/> (дата обращения: 03.07.2016).
4. *Оводова С.Н.* Визуальная проявленность антропокультурного городского проекта // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги (визуальные маркеры городской среды): сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, 29–30 апреля 2013 г. / редкол.: П. Л. Зайцев и др. – Омск, 2013. – С. 91–95.

Попов Евгений Александрович
Алтайский государственный университет,
Россия, г. Барнаул.
E-mail: popov.eug@yandex.ru

URBI ET ORBI. О ЯВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящается изучению явления муниципальной культуры. Акцент ставится на выделении характерных черт и основных функций муниципальной культуры. Дается оценка соотношению муниципальной культуры, городской среды и городской культуры. Делается вывод о важности введения понятия муниципальной культуры в научный дискурс.

Ключевые слова: культура; муниципальная культура; городская среда; городская культура; город; ценности и нормы.

Eugeniy Popov
Altai State University,
Russian Federation, Barnaul

URBI ET ORBI. ON THE PHENOMENON OF MUNICIPAL MODERN CULTURE

The article is devoted to studying the phenomenon of municipal culture. The emphasis is on the delineation of characteristic features and main functions of the municipal culture. Assesses the ratio of municipal culture, urban environment and urban culture. The conclusion about the importance of introducing the concepts of municipal culture in scientific discourse.

Keywords: culture; municipal culture; urban environment; urban culture; the city; values and norms.

Граду и миру (лат. Urbi et Orbi) – объективное состояние развития культуры. В сборнике с таким названием русский символист «серебряного века» Валерий Брюсов выразил поэтическим языком стратегию формирования городских чувств, переживаний, ощущений, мировоззрений, мировидений. Город, действительно, сосредоточивает все усилия и все просчеты развития человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. Складывается ситуация, когда основным источником культурных норм, ценностей и универсалий становится именно городская среда, вовлекающая в себя судьбы мира.

Городская культура – понятие вполне сложившееся в научном дискурсе, активно используемое для характеристики особого типа культурных отношений, формирующихся в условиях города. Центром городской культуры является наследие, сохраненное предками и передаваемое из поколения в поколение. Человек также занимает свое место в развитии городской культуры. Важное значение, конечно, приобретает и сам город: не только его физический облик, но и образы, которые он порождает в сознании людей. Но современный город, даже если он небольшой по размерам и количеству жителей и даже если он затерян в пространстве, создает специфическое явление муниципальной культуры. Необходимым условием формирования такого типа культуры можно назвать отношения, складывающиеся между человеком, обществом и культурой. Очевидно в этой связи, что муниципальная культура – явление прежде всего социального порядка, имеющее выраженный институциональный признак, определяющий духовно-ценностную консолидацию общества на уровне городского муниципалитета. По-видимому, можно считать, что городская культура – это кумулятивная система города, накапливающая ценности на протяжении длительного времени не для одного поколения городских жителей, а муниципальная культура – это система отношений, возникающая в повседневной жизни города, это фактор городской самоидентификации человека. Муниципальная культура в каждом городе может быть своей особенной, имеющей свойства, присущие только ей и свидетельствующие об уникальности той или иной городской среды.

Яркой особенностью муниципальной культуры остается ее персонализация. Как правило, в каждом городе или городке имеется свой выдающийся земляк, писатель, поэт, художник или, к примеру, политический деятель, известный всему миру или всей стране, и именно вокруг него формируется городская социокультурная среда. Проводятся различные фестивали, форумы, научные конференции, посвященные изучению жизни и деятельности на благо города. Такой культурно-исторический персонаж зачастую находится в центре консолидации общества, выступает в роли культурного бренда, стимулирующего культурную активность в городе или даже в целом регионе. Например, в Алтайском крае персонализация муниципальной культуры связывается с именем В. М. Шукшина. Внимание к его фигуре стало атрибутом проведения многочисленных научных исследований в различных областях наук и знаний, всероссийских и региональных культурных мероприятий. Конечно, это обстоятельство имеет принци-

пиальное значение для укрепления городской среды, для повышения не только уровня культурности населения, но и для духовно-нравственного единения общества. В условиях социокультурной модернизации и глобализации сохранение уникальности традиционных ценностей и норм муниципальной культуры определяет успех развития городской среды и обеспечения духовной безопасности в обществе.

Муниципальная культура как неотъемлемая часть города выполняет не только основную консолидирующую функцию, но и ряд других важных функций, влияющих на укрепление городской среды. К их числу можно отнести следующие: 1) функция стабилизации локального социокультурного пространства (муниципальная культура становится условием достижения единства традиционных ценностей и норм, а также устанавливает равновесное сосуществование ценностей и норм других национальных культур); 2) интегративная функция, способствующая взаимодействию людей разных социальных групп и с различными социальными статусами на основе общих интересов, обеспечиваемых на уровне муниципальной культуры; 3) функция мобилизации творчества, связанная с влиянием муниципальной культуры на развитие художественного творчества и творческих коллективов; 4) функция «общего дела», реализуемая в объединении жителей для выполнения какой-либо значимой для них цели по сохранению культурных достопримечательностей и учреждений культуры в городе; 5) досуговая функция проявляется в обеспечении культурно-массового отдыха населения, не огранивающегося только проведением развлекательных мероприятий, а направленного также на культурно-просветительскую деятельность.

Муниципальная культура относится к числу категорий, которые еще нуждаются в теоретико-методологической рефлексии, по крайней мере, использование данной категории в науке может вызвать определенные дискуссии. Как известно, понятие культуры сегодня становится настолько общеупотребительным, что охватывает практически весь спектр научных интересов к тем или иным явлениям окружающей реальности. Выделяются различные виды и типы культуры, предлагается рассматривать ее различные характеристики и специфические черты. Если обозначать выраженные свойства именно муниципальной культуры как особого вида культурного развития, то следует обратить внимание, прежде всего, на ряд следующих концептуальных особенностей.

Некоторые исследователи, к примеру, склонны полагать, что «культура – все то, что не передается генетически, но приобретается с воспитанием» [1, с. 97]. Очевидно, все же следует признать спорность такого утверждения, но вот в отношении муниципальной культуры как явления с выраженными социальными маркерами («общее дело», консолидация населения, интеграция творческих и досуговых инициатив и т. д.) путь «приобретения с воспитанием» можно признать характерным. Иными словами человек должен стать частью этой культуры, но чтобы это произошло, необходимо располагать возможностями для самоидентификации, на что может оказать влияние городская среда.

Согласно другой точке зрения, мы можем наблюдать ситуацию, когда отмечается «превращение культуры в самых различных ее формах в арену интенсивных политических взаимодействий, противоречий и столкновений, при этом заметно трансформируется само понятие культуры, значение ее кодов, коммуникативных норм и практик...» [2, с. 125]. Для муниципальной культуры более очевидной ее характеристикой как раз могут являться коммуникативные нормы и практики. С одной стороны, они определяют «встроенность» муниципальной культуры в систему городских ценностей и норм. При этом являются важнейшим инструментом достижения согласия между носителями культуры и различными институтами управления культурой.

С другой стороны, они обеспечивают возможности для свободы выбора стиля поведения и стиля мышления жителя города. Как известно, образ «городских пижонов» становится неотъемлемой частью таких коммуникативных практик, формируя и субкультуру, и стиль городского поведения. Трансформация же самого понятия культуры сопряжена скорее всего с изменением ценностно-смысловых приоритетов носителей культуры. Теперь люди не всегда ориентируются не на исконные ценности и нормы, а таковым предпочитают системы культурных универсалий, возникших как отклик на процессы глобализации и модернизации мира. Между тем муниципальная культура в большей степени находится под влиянием локальных или региональных ценностей и норм и, по-видимому, в наименьшей степени зависима от подобных системных изменений глобального порядка. В этом смысле именно муниципальная культура может рассматриваться как фундамент стабилизации духовной жизни человека в условиях городской среды. По мысли исследователей, «с духовным возрождением в стране пока не очень получается... По всей видимости, духовность... должна носить такой объединительный и надпартийный по своему

содержанию характер, который окажется способным объединить людей вокруг практического осуществления Общего Дела» [3, с. 19]. Духовность – это система общечеловеческой культуры, муниципальная культура – это явление, которое располагает механизмами единения людей пусть и вокруг малого, локального «общего дела», но не менее значимого для каждого жителя российского города.

Литература

1. *Погребняк А.А., Расков Д.Е.* Экономика как культура: возвращение к «спору о методах» // *Общественные науки и современность.* – 2013. – № 2. – С. 96–106.
2. *Следзевский И.В.* Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // *Общественные науки и современность.* – 2013. – № 2. – С. 123–137.
3. *Шевченко В.Н.* О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами // *Философские науки.* – 2013. – № 7. – С. 5–21.

Кузьмина Елена Викторовна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: kuzminahv@rambler.ru

ОБЛИК РЕЛИГИИ ИЛИ РЕЛИГИЯ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ¹

В статье делается попытка теологического взгляда на современные культурные процессы, особенно, в области образования. Новые специальности постсоветской России об обществе и человеке выстраивают диалог в области методологии. Какую роль будет играть в этом взаимодействии российская теология?

Ключевые слова: облик религии; образование; теологический подход.

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в форме гранта, проект № 16-17-55001 «Разработка и внедрение персоноразмерной модели мониторинга этноконфессиональных процессов в Западной Сибири», номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № АААА-А16-116040810159-0.

LOOK OF RELIGION, OR RELIGION IN THE MIRROR OF CULTURE

The article attempts a theological perspective on contemporary cultural processes, especially in the field of education. A new specialty of post-Soviet Russia about the society and the person form a dialogue in the field of methodology. What role will play in this interaction of Russian theology?

Keywords: look of religion; education; approach of theology.

Большинство определений современной культуры, общества, человека и религии, как части (или формы?) всего этого начинаются или с отрицания (неклассическая), или с приставки «пост» (постсекулярная), или соединяют оба формата. Современный мультикультурализм в условиях глобализации находится в юном возрасте своей идентификации.

Из всех специалистов-экспертов наибольшим авторитетом пользуются социологи. Тем не менее, повсеместно постулируется необходимость совместных усилий наук о человеке и обществе в анализе ситуации и интерпретации полученных данных. Типология *civics* и *human studies* в России в условиях постсоветского реформирования образования тоже носит динамический характер.

Проследить перипетии этого процесса можно на примере «теологии». Последний вариант УГС включил ее в гуманитарные специальности. Не будем сейчас углубляться в анализ последних расстановок Министерства образования и науки РФ. Наши интересы располагаются в области метода.

Теология, безусловно, связана с религией (религиями) и на теоретическом уровне осмысления и на практике. В теории она пересекается с такими дисциплинами как философия религии и религиоведение (которое недавно было «укрупнено» с философией и этикой). На практике в российских поликонфессиональных условиях начинает формироваться такая процедура как общественная аккредитация (в варианте православия – церковная аккредитация), которая должна обеспечивать «узнаваемость» конфессией себя в образовательных и научно-исследовательских проектах.

Паспорт научной специальности «теология» говорит о теологическом подходе. Каким образом этот подход соотносится с другими методами изучения религии? Как осуществляется «взгляд изнутри»?

История религии и философия религии спорят по показателям «древности» и «общепринятости». Может ли книга Бытие рассматриваться в качестве истории патриархальной Церкви? Или согласно отечественной экзегетической традиции это – уникальная форма пророческой книги, ведь блаженный Моисей изложил видение творения мира и человека, самого начала?

Можно ли рассматривать философию Платона и Аристотеля как теологию? Или история Геродота и Тита Ливия – инвариант истории гражданской религии?

Такие обобщения могут иметь побочный эффект в виде полного «укрупнения» новых специальностей. Представители этих формирующихся научных сообществ опасаются подобного разворота событий.

Новые специальности начали формироваться во второй половине XIX – первой половине XX вв. Философия религии и религиоведение, этнология и антропология, *cultural studies*.

Вторая половина XX века по утверждению ряда авторов – время интенсивного методологического общения. Возникают такие направления, как антропология религии, культурология религии, эстетика религии, не говоря уже об экологии и географии религии. В мировом научном контексте появляется конструкт теологии религии (вообще вся теология родительного падежа). Участники такого междисциплинарного диалога поднимают вопрос о демаркации. Но если будет позволена аналогия, на границе с другим государством всегда есть *free zone*, там ты уже выехал из одной страны, но не достиг другой.

Теология христианская выросла из толкования Священного Писания. Теологический контекст, как его еще сформулировал П.А. Юнгер, это доверие источнику (тем более, что для теолога он имеет характер «богодухновенный»), непротиворечивость внутри одной книги, корпуса (всего Ветхого Завета), укорененность толкования в книгах Нового Завета, а также всего святоотеческого корпуса.

В начале XIX века формирующаяся российская духовно-академическая богословская наука формулировала свой контекст во взаимодействии с европейской и мировой гуманитаристикой. Отсюда появление таких учебных предметов как философия религии, история религии. А.И. Введенский в своей философской истории языческих религий указывал на необходимость социологического и психологического изучения религии для апологии христианства. Только, по его мнению, эти науки тоже должны выступать согласно общему плану.

Так, например, социология не может браться за вопрос о «начале религии», скорее, это более доступно психологии религии.

Процессы продолжались и в советское время. Сегодня многие представители постсоветской науки гордятся тем, что «научный атеизм» был изобретен в СССР. Доказывают его «когнитивный» потенциал. Традиционный исторический, а также формирующийся феноменологический подход предполагают изучение всего, что имело (и имеет) место быть.

Соотнесенность с книгами Ветхого и Нового Заветов позволяет теологически «толковать» любые явления. Также для отечественной богословской мысли свойственно подключать в свой контекст так называемый платонизм в качестве универсального философско-богословского языка.

Вопрос кризиса идентичности был поставлен Э. Эриксоном, но в отечественной науке тоже были свои открытия. П.П. Блонский в своих работах экспериментально доказывал, что главное условие нормального развития детской личности это полноценное духовное развитие и образование, а потом уже и т.н. сексуальное воспитание.

Развивающаяся молодая университетская теология в России конечно должна находиться в общемировом теологическом и общегуманитарном контексте.

Можно говорить и о приватизированной религиозности, и использовать такие научные концепты как «облик религии», предложенный Генрихом Фриком. Но теологический подход заключается в том, что «наполнять» эти концепты российский теолог должен исходя из конфессиональной традиции толкования Священного текста. А уже потом соотносить полученные различные конфессиональные результаты, «сравнивать» и «типологизировать».

Современная культура «облекает» религию (религии) в свои формы. Сейчас говорят о секулярной религиозности или, даже, постсекулярной. Возможны такие конструкты, как «под покровом религии» или, даже, под «маской религии». Религия и культура смотрят друг на друга, посредником такого «узнавания» выступает (религиозный) символ.

Шарапова Мария Александровна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: mariy.sharapova1992@gmail.com

КАТЕГОРИИ ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО КАК ИНВАРИАНТ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

В сфере понимания основ нашего мировосприятия лежит успех в дальнейшем развитии нашего общества. Так, понимание и изучение инвариантов религиозного опыта необходимо для улучшения нашей базы знаний о самих себе, а изучение категорий единственного и множественного и их соотношения поможет при работе с таким важным явлением как мировосприятие человека.

Ключевые слова: единое; множественное; инвариант; религиозный опыт; мышление; язык.

Maria Sharapova
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

CATEGORIES UNIFORM AND MULTIPLE AS INVARIANT OF RELIGIOUS EXPERIENCE

The success in further development of our society lies in the sphere of understanding of bases of our attitude. So, the understanding and studying of invariants of religious experience is necessary for improvement of our knowledge base about for themselves, and studying of categories of the only thing and multiple and their ratio will help during the work with such important phenomenon as self-determination of the person.

Keywords: uniform; multiple; invariant; religious experience; thinking; language.

В области обращения, понимания и изучения истоков нашего миропонимания лежит успех в преодолении многих современных социальных проблем. Категории единственного и множественного, являясь одними из основных категорий при формировании идентичности, восприятия мира, окружающего человека пространства.

Инвариант же видится как форма научного выражения общих сюжетов, мотивов опыта духовного развития народов мира. Такие «транзитные» идеи делают возможным понимание между людьми,

принадлежащими разным культурным и религиозным традициям. Если же принять во внимание фраза Павла Флоренского «сначала культ, потом культура», то становится очевидно, что находя подобные сюжеты и научаясь понимать их смысл и роль в историко-культурном развитии человека, мы лучше поймем современного человека и через «трансляцию» в массы этих сюжетов сможем снизить социальное напряжение.

Так, общие сюжеты могут быть трех типов:

- 1) Параллельные сюжеты.
- 2) Сюжеты – «перевертыши».
- 3) Предельный инвариант – представление об Абсолюте или Боге, о некоем едином верховном первоначале.

Число в религиозной традиции, соотношение и взаимодействие категорий единственного и множественного – это основа. Это основа в понимании души, рода, Бога, как следствие основа самосознания человеком себя в мире. Мифологическая система содержится и основывается на системе символов и знаков. Достаточно обширная их часть ориентирована на качественно-количественную оценку [1, с. 247].

В мифологических и религиозных традициях число используется в ситуациях, которым придается сакральное, «космообразующее» значение. Тем самым в категориях числа, через соотношение единственного и множественного становится осознаваемый мир.

Цель его состоит в том, чтобы отыскивать единство конкретного явления, объекта, персонажа в многообразии Космоса. В соотношении категорий единственного и множественного числа область чувственного, иррационального познания соединяется и проникает в область интеллектуального, рационального. Люсьен Леви-Брюль комментировал это обстоятельство так: «Логическое мышление всегда чувствует себя в неприятном положении перед лицом таких представлений». Но мы должны отдавать себе отчет в том, что имеющиеся у нас представления и язык формировались во времена господства иного мировосприятия. Это и есть постоянное «место» их пересечения, которое составляет природу мышления.

Теперь посмотрим, что же мы имеет сегодня в нашем языке. Единственное число как член морфологического противопоставления с множественным числом, обозначает то, что предмет представлен в количестве, равном одному: книга, окно, парта, стол, шкаф; учитель, девочка, рабочий. Множественное число как член морфологического противопоставлен единственному обозначает то, что предмет представ-

лен в количестве большем, чем один: книги, окна, парты, столы, шкафы; учителя, девочки, рабочие. Формы множественного числа могут обозначать, кроме того, совокупность предметов или лиц. Совокупность как нерасчлененное множество. Значение совокупности может присутствовать в формах множественного числа существительных (овощи, русские, кружева). Уже здесь мы видим сложные механизмы взаимопроникновения рассматриваемых понятий. Истоки этого понимания лежат в сфере мифологического и религиозного, как исторически предшествующей современной эпохи секулярно-логического восприятия мира.

Жорж Дюмезиль, как и многие другие мыслители и богословы, отмечал особую роль числа три, работая с индоевропейским материалом. Предполагая, что троичная структура индоевропейских обществ обуславливает понимание троичности Бога. Но, недостатком такого понимания формирования видения Бога является то, что изначально мир един и неделим. Видимая множественность вещей или их уникальность может и не находить отражения в их обозначении. Для этого нам даже не надо прибегать к специальным мифологическим текстам. Достаточно обратиться к нашему языку. «Лежат на столе ножницы» – данное предложение повествует нам лишь о наличии определённого предмета на определенном месте, но не говорит о количестве. Важно отметить наличие в языке форм, которые дают нам «ложное» представление о числе предметов.

Синкретический характер восприятия категорий единственного и множественного является основой христианства. Ведь, провозглашая себя монотеистической религией христианство признает единство Бога в трех лицах. Продолжением этого является идея полноты, реализующаяся как множественность, что на первый взгляд вступает в противоречие с идеей целостности-цельности как единства. Этот парадокс множества и единства «составности» [6, с. 80]. Но для начала необходимо разобраться с пониманием числа. Свят. Василий Великий приводит такое рассуждение: «Мы счисляем не чрез сложение, от одного делая наращение до множества и говоря: одно, два, три, или: первое, второе, третье. Григорий Богослов считает, что единица есть число скудное, двоица – число разделяющее, а три – число, которое превосходит разделение. Таким образом, в Троицу оказываются вписаны одновременно и единство, и множество [3, с. 332].

Богослов Владимир Николаевич Лосский, рассматривая тему троичности Бога, приводит слова свят. Григория: «Отец есть всецелый

дар Своего Божества Сыну и Духу; если бы Он был только монадой, если бы Он отождествлялся со Своей сущностью, а не отдавал ее, Он не был бы вполне Личностью» [4, с. 216–217]. Таким образом, мы видим, что отцы и учителя Церкви давали не просто, доступное для человека, понимание Бога, но и интерпретировали числа, выводили их значения и глубинный, символический смысл.

Важно понимать, что число и количество – это понятия абстрактные. «...количество есть чистое поределение мысли, а материя – это же определенные мысли во внешнем существовании – Я», утверждает Г. Гегель в «Науке логики» [2, с. 261–262].

В итоге мы видим, что число изначально лишено чисто абстрактного смысла и сращено с исчисляемым, так что признаки предметов определяют различные числительные. Чистая форма отношения отличается здесь от всего, что может вступить в нее; образуется качественная и количественная бесконечность числа. Именно это обуславливает установление отношения какого-либо понятия к соответствующему элементу другого уровня с наиболее органичным выражением в виде числа. «Именно парадигматическая структура культуры благоприятствует превращению числа из элемента культуры в ее универсальный символ» [5, с. 253]. Так, мы приближаемся к пониманию формирования нашего современного мировосприятия через понимание этих самых «универсальных символов», если мы рассматриваем единичные случаи, или инвариантов, если мы рассматриваем несколько сфер, времен, мест и случаев их употребления.

Литература

1. *Афанасьева В.Г.* Мифы Двуречья // Мифы народов мира / Кун Н., Циркин Ю., Петрухин В., Афанасьева В.М., 2006.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – Т. 1. – М., 1970.
3. *Григорий Богослов, свят.* Слово 22, о мире // Григорий Богослов, свят. Собрание творений. – Т. 1. – М., 1993.
4. *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. – М., 1991.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб., 2000.
6. *Топоров В.Н.* Текст: семантика и структура. – М., 1983.

Петров Александр Викторович
Сибирский государственный университет физической культуры и спорта,
Россия, г. Омск.
E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

ДЕОНТИЧЕСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО СОЗНАНИЯ

В статье описаны внутренние проблемы постсекуляризма, ослабляющие ее способность отвечать на вызовы со стороны досекулярного сознания (в виде религиозного фундаментализма). К этим проблемам относятся постсекулярный аксиологический плюрализм, уступающий досекулярному аксиологическому абсолютизму, и витальная телеология, проигрывающая деонтической телеологии.

Ключевые слова: постсекулярность; секуляризм; досекулярность; телеология; аксиология.

Alexander Petrov
Siberian State University of Physical Education and Sport,
Russian Federation, Omsk

DEONTIC TELEOLOGY AND SOME PROBLEMS OF POST-SECULAR CONSCIOUSNESS

This article describes the internal problems of post-secularism weakening its possibility to in meeting the challenges from pre-secular consciousness (in the form of religious fundamentalism). These problems concern post-secular axiological pluralism conceding to pre-secular axiological absolutism and vital teleology, losing deontic teleology.

Keywords: Post-Secular; Secularism; Pre-Secular; Teleology; Axiology.

В научной и популярной литературе сложилось устойчивое мнение о том, что секуляризация привнесла в европейскую культуру чрезвычайно много нового. Действительно, с секуляризмом связано множество новшеств, как в интеллектуальной жизни, так и в обыденной. Сюда можно отнести изменение отношения ко времени [3, с. 61] и связанную с ним веру в прогресс, и возвращение природе статуса творящего и упорядочивающего начала [4, с. 469], благодаря чему стало допустимым естественное объяснение мира, и новое отношение к труду и работе [1, с. 75], сделавшее их отчужденными от человека, и многое другое. Но, все же, центральная тема секуляризма сосредотачива-

ется на изгнании из мировоззрения религиозного измерения бытия. Секуляризм видел (и продолжает видеть) в религии корень всех бед – от несовершенства политических отношений до испорченности общественных нравов, и пребывает в уверенности, что ее упразднение непременно повлечет за собой исправление положения дел. Однако секуляризм (как мировоззрение) и секуляризация (как процесс) не только не упразднили религиозность, но и в своем антирелигиозном пафосе сами стали симулякром религии – Э. Хамнер прямо уподобляет секуляризм в его воинствующей форме – в виде сциентизма – религиозному «абсолютизму» [5, р. 95]. Антирелигиозная ориентация, воплотившаяся в религиозном по духу протесте против конфессионально-религиозного, является не единственным внутренним противоречием секуляризма. К ним можно отнести разложение аксиологии, построенной на абсолютных нравственных максимах, и ее последующую трансформацию в релятивизм. Эта проблема названа внутренней в силу того, что секулярное сознание, пытаясь выработать убедительную рафинированную аксиологию, свободную от религиозного влияния, не смогло этого сделать. В связи с этим можно вспомнить попытку И. Канта оформить автономную аксиологию; она стала самой удачной и убедительной из всех попыток подобного рода, но все же строилась в том числе и на религиозном фундаменте (в ее рамках одна из дефиниций смысложизненных целей была такой: «что должно делать, если воля свободна, если существует Бог и если есть иной мир» [2, с. 585]. В итоге последовательный секуляризм был вынужден вовсе отказаться от какой-либо определенности в аксиологической сфере и обратился к релятивизму, не найдя равноценной замены гетерономной (в кантовом понимании) религиозной аксиологии.

Проблемой, непосредственно связанной с аксиологией, является проблема телеологии. Секуляризм отверг религиозно обусловленную телеологию, известную под именем провиденциализма и финализма. Между тем философско-исторический ракурс – не единственный, в котором проявляет себя телеологическое отношение к миру. Важным местом в ее актуализации является ценностное сознание, где цель-телос отождествляется с долженствованием. Деонтическая телеология религиозного мировоззрения оказалась чужда секуляризму, который выдвинул на первый план витальную телеологию. Витальной телеологией можно назвать стремление к имманентным, «жизненным» целям, заявленным секуляризмом в качестве приоритетных: это тотальные цели торжества прогресса и разума, познания и подчинения мира, и

более узкие – вроде автономии (в первую очередь от религии) политики, права, экономики и т. д. Эти цели названы витальными потому, что они связаны с жизнью в модусе существования самого по себе, независимо от трансцендентного, с жизнью ради нее самой, а не ради метафизических нечувственных идеалов.

Секуляризм достиг несомненных успехов в деле «освобождения» от трансцендентального, однако окончательную победу так и не отпраздновал. Религиозное взяло реванш, когда оказалось, что успехи в материальной сфере не дают гарантий достижения комфорта в сфере духовной. Известны и широко обсуждаются причины, вызвавшие кризис секуляризма: это и дискомфорт по поводу утраты внятных целей и смысла человеческого существования, и разочарование в возможностях разума, актуализация конфессиональной и внеконфессиональной религиозности, и т. д. Постсекуляризм стал реакцией на эти проблемы и восстановил религию в правах – не как феномен (в качестве такового она не нуждается в покровительстве), а как инструмент социальной инженерии. Так, В. Швайкер видит в религии инструмент, с помощью которого возможно обосновать общую этику для этнически и религиозно разнообразных сообществ, поскольку модернистская установка на автономию этики от религии неадекватна современным реалиям [8, р. 471]. Постсекуляризм играет важную роль пространства, где могут вступить в диалог секулярные и религиозные ценности; иными словами, благодаря ему стал возможен аксиологический компромисс между двумя типами сознания. Впрочем, аксиология – не единственное проблемное поле, где благодаря постсекуляризму стал возможен диалог. Постсекуляризм толерантен (или, как минимум, политкорректен) по отношению к различным темам; в качестве иллюстрации можно привести аналогию Э. Хамнера, который сравнивает отношения между религиозным, светским и постсекулярным сознанием с отношениями между концепциями «молодой Земли» и креационизмом, эволюционизмом и гипотезой неслучайности универсума («разумного замысла в мире») [5, р. 95] – они имеют видимые противоречия, но составляют друг за другом право на существование.

Постсекулярность стала привычной реальностью, однако она не лишена внутренних противоречий и вытекающих из этого проблем. Как правило, в постсекулярности носители консервативного христианского сознания и правых политических взглядов видят опору в деле ответа на мировоззренческие, культурные и политические вызовы (со стороны исламского традиционализма в первую очередь). Вызовы, с

которыми сталкивается христианский постсекуляризм, не могут получить адекватного ответа прежде всего потому, что он сам является феноменом «внутрисветским» [6, р. 629], т. е. он являет собой рефлексию по поводу религии и науки, веры и разума, морали и политики, а не некий религиозный ренессанс. Поэтому постсекуляризм, как светский феномен, не может эффективно противостоять вызовам со стороны досекулярной культуры, имеющей иные религиозные основания. Л. Моррисси заметил по этому поводу, что современность дестабилизируется не столкновением цивилизаций (по С. Хантингтону), а «столкновением фундаментализма», столкновением религиозной идентичности, провоцирующим у его акторов усиление чувства религиозной уверенности в собственной правоте [7, р. 100]. Впрочем, если исламский фундаментализм хорошо заметен, то его оппоненты сравнительно недавно начали проявлять себя – но не на поле религии, а на уровне идеологии (заменившей секулярному сознанию религию), в политике и социальном управлении; постсекулярное сознание может противопоставить досекулярному сознанию только политически правый, идеологический, но не религиозный энтузиазм. В свете миграционного кризиса и провала европейской политики мультикультурализма это особенно актуально, поскольку вызов со стороны исламского фундаментализма все настойчивее требует адекватного ответа не только политически, но и культурно. Постсекуляризм имеет возможность сделать это, но его внутренние проблемы ослабляют эту потенцию. К ним, помимо озвученной выше, можно отнести искаженный взгляд на глобальные культурные и политические процессы – европейский постсекуляризм все еще не изжил в себе европоцентризм и основывается на диахроническом подходе к описанию самого себя. Европоцентризм и диахрония адекватны задаче описания и объяснения процессов, происходящих в европейском культурном пространстве, однако они искажают видение проблем при взгляде на Восток и Юг – там секуляризация не зашла столь далеко и не принесла таких плодов, как в Европе (прежде всего, в результате колониальной эксплуатации со стороны последней); соответственно, секуляризация не обрела формы самоотрицания в секуляризме, и культура, в известной мере, возвратилась к переосмысленным досекулярным основаниям. Стоит отметить, что и применительно к европейской цивилизации диахрония страдает известным недостатком. Религиозное чувство не является атрибутом «детского возраста» человечества, и оно не может быть изжито в «зрелости» – просто потому, что человек является кон-

стантной величиной, и ни в одной эпохе и ни в одной культуре мы не можем найти типа характера, свободного от религиозности – конфессиональной, внеконфессиональной, атеистической или любой иной. Вести речь о диахроническом восприятии процесса трансформации «религиозность – секуляризм – постсекуляризм» можно только с учетом исторических, этнографических, географических границ рассматриваемого феномена. Иначе говоря, когда речь идет о судьбах простсекулярности в тотальном плане, диахронический подход едва ли уместен, т.к. он не позволяет сравнить локальные процессы, различные по качеству и возрасту (к примеру, постсекулярную европейскую культуру и имеющую в себе значительный потенциал досекулярности исламскую).

Следующая внутренняя проблема постсекуляризма связана с тем, что он трансформировал секулярный аксиологический релятивизм, превратив его в плюрализм. В постсекулярной культуре могут сосуществовать на основании принципа толерантности самые различные аксиологические установки. Проблема же заключается в том, что аксиологический релятивизм секуляризма и плюрализм постсекуляризма различаются только количественно, но не качественно – первый отрицает все определенное (т. е. абсолютное), второй – допускает все (в том числе абсолютное, хотя оно и утрачивает свой характер именно из-за допущения множественности ценностных оснований), но ничего не утверждает. Плюрализм «не уверен» в абсолютности абсолютного, его абсолютное – декларативно, а не действительно, поскольку допускает равную истинность иного. Очевидно, что такой плюрализм проигрывает в убедительности и силе мировоззрению, сохраняющему свое абсолютное ядро незатронутым плюрализмом. Аксиологический плюрализм не следует отождествлять с конвергенцией, поскольку конвергенция (в конкретно-исторических условиях) возможна без повреждения абсолютных (религиозных) оснований аксиологии; так, в поликонфессиональном регионе вполне возможно мирное соседство религий именно на почве конвергентного сосуществования в эмпирическом мире без плюрализма (и релятивизма) в области религиозной совести. Конечно, нельзя отрицать, что в условиях плюрализма мирное сосуществование тоже возможно, однако оно окажется под угрозой в том случае, если в сложившиеся отношения вторгнется сила, не желающая стремиться к конвергенции и не допускающая плюрализма. Тогда конфликт станет неизбежным, и в числе проигравших останется та культура, которая допустила плюрализм в своих ценностных основаниях; в конце концов, как бы толерантно они не выглядели, неопреде-

ленность и допустимость в большинстве случаев уступают однозначности и уверенности. Как кажется, приводить примеры для иллюстрации нет нужды – каждый найдет их при взгляде на сравнительно простой и категоричный ислам и постсекулярное плюралистичное парахристианство, и сможет оценить их «комбатантность» и перспективы.

Пожалуй, постсекуляризм не видоизменил только телеологию, кристаллизовавшуюся в секуляризме – она осталась витальной. Впрочем, небезосновательно и впечатление, что постсекуляризм вовсе ателеологичен – насколько вообще возможно полное отсутствие в общественном сознании тотальных смысложизненных целей. Постсекулярное общество – общество потребления, так что нерелексивный, витальный телос существования в нем сохраняется, приобретая эмпирически-гедонистическую окраску. Метафизический кризис «бездомности» и бессмысленности существования, характерный для секулярного сознания, непосредственно связан не только с аксиологическим релятивизмом, но и с утратой телеологических ориентиров, вплоть до полной их потери при непрерывно растущем производстве и потреблении. Напротив, деонтическая телеология конкретна, определена и абсолютна, поскольку подлинное долженствование имеет абсолютные основания. Как и в случае с плюрализмом, уступающим определенности аксиологического максимализма, витальная телеология уступает деонтической телеологии; цели существования (понятые в аспекте эмпирии и потребления) блекнут на фоне целей долга, питаемого религиозным чувством. Деонтическая телеология вмещает в себя идею жертвенности и чувство правоты – примеры тому можно видеть в той уверенности, с которой в современном мире самоутверждается ислам.

Первое место, где происходит столкновение постсекулярное и досекулярное – урбаническое пространство. В его пределах встречаются апостасия и фундаментализм, релятивизм и максимализм. Описанные внутренние проблемы европейского постсекуляризма относятся не только к Европе в географическом или политическом смысле – их проявление, хотя и не столь интенсивное, можно увидеть и в России. К отечественным социокультурным реалиям вполне относимы слова, сказанные здесь об аксиологическом плюрализме и максимализме, и о двух типах телеологии – витальной и деонтической. Несмотря на то, что российская консервативная общественность так же желает видеть в постсекулярности опору в ответе на внешние вызовы, они имеют иной характер, не связанный с религией – это вызовы со стороны либерализма в политике и постмодерна в культуре. Харак-

терно, что вызовы со стороны чуждого десекулярного сознания не выходят на первый план – и по причине сложившихся традиций межнациональных отношений, столетиями строившихся на почве разноплеменного служения единому социально-политическому организму, и по причине отсутствия масштабной инвазии носителей десекулярного мировоззрения.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* Инициационные стратегии «большого» модерна // Омский научный вестник. – 2011. – № 6 (102). – С. 74–77.
2. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения: в 8 т. / пер. Н.О. Лосского; под общ. ред. А.В. Гулыги. – М., 1994. – Т. 3. – 741 с.
3. *Константинов Д.В.* Дополнительность и познание: онтологический аспект производства новых смыслов / под общ. ред. В.М. Шкарупы. – Омск, 2009. – 112 с.
4. *Ополев П.В.* Синергетика в философской традиции // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 2. – С. 467–472.
5. *Hamner E.* Determined Agency: a Postsecular Proposal for Religion and Literature – and Science // Religion & Literature. – 2009. – Vol. 41. – № 3. – P. 91–98.
6. *McLennan G., Taylor Ch.* Uplifting Unbelief // New Blackfriars. – 2010. – Vol. 91. – № 1036. – P. 627–647.
7. *Morrissey L.* Literature and the Postsecular: Paradise Lost? // Religion & Literature. – 2009. – Vol. 41. – № 3. – P. 98–106.
8. *Schweiker W.* Responsibility and the Attunement of Conscience // The Journal of Religion. – 2013. – Vol. 93. – № 4. – P. 461–472.

Васильева Дарья Владиславовна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: dasha.vasilek@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ – «ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА»

В докладе ставится проблема религиозного сознания. Утверждается, что элементы религиозного сознания, а именно вера и сознание нуждаются в дополнительной рефлексии. Актуализируется вопрос: возможна ли вера вне религиозного сознания?

Ключевые слова: религиозное сознание; вера; боль; опыт.

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS – “HARD PROBLEM”

The report raises the problem of the religious consciousness. It is alleged that the elements of the religious consciousness, namely faith and conscience need further reflection. Actualized question: whether it is possible belief is religious consciousness?

Keywords: religious consciousness; Vera; pain; an experience.

Любое явление при его изучении может быть рассмотрено исходя из его структуры, когда определяются мыслимые в нем элементы и устанавливается их взаимосвязь. Следуя из этого рассуждения, «элементами» религиозного сознания будет являться вера и сознание. Но что есть вера и сознание? О вере мы можем судить исходя из личного переживаемого опыта, обывательского взгляда, либо обращаться к опыту Святых отцов, религиозных философов, а также атеистов.

Изучая этот вопрос, мы будем сталкиваться с полярными мнениями. Определение веры будет различаться, начиная от беспомощности людей в процессе их взаимодействия с природными явлениями, и до самоидентификации человека, обуславливая особенности психики.

«Каждая истина упакована в определенную реальность, в пределах которой истина легитимна» [3, с. 104]. Мы будем говорить о том, что именно вера помогает преодолевать законы природы. «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Допустим, что через веру и сознание мы пребываем в общении с Богом.

Для понимания термина «сознание» предлагаем отталкиваться от наработок австралийского философа Дэвида Чалмреса. Вопрос, который он ставил перед собой: зачем нам сознание, выражаемое через внутреннюю субъективную жизнь, если мозг, продуцируя реакции, вполне способен обходиться без него? Для утверждения своей теории Чалмрес проводит мысленный эксперимент с участием «философского зомби» (p-zombie) – гипотетического существа, которое во всём похоже на человека, но лишено ментального опыта. Автор показывает, что если бы сознание было иллюзией, то мы не могли бы даже обсуждать возможность «философского зомби» [4].

Необходимо проговорить, что перед нами оригинальный и глубокий мыслитель. И свою теорию он не рассматривает с религиозной точки зрения. Его философские взгляды неотделимы от неврологии и пси-

хологии. Задаваясь вопросом, почему помимо физических процессов в мозгу, существует еще и внутренний опыт: он существует потому, что без него не было бы и мозга как физической реальности [4]. Дэвид Чалмрес говорит о том, что сознание, может быть, фундаментально, либо универсально. Если мы предположим, что оно фундаментально, то здесь мы продолжим свое видение, следуя своим «интересам».

Поговорим о сознании, которому свойственна элементарная боль, которая потом преобразуется во внутренний опыт. «Мы можем сказать, что некое существо сознательно тогда, когда есть нечто, выражающее то, каково это – быть этим существом...» [4]. Человек, который относит себя к определенной конфессии является носителем религиозного сознания. Это происходит через включение человека в систему религиозных отношений и через восприятие религиозных идей, ценностей, эмоциональных норм.

Наиболее яркое проявление сознательного и религиозного опыта является такой физической процесс как боль. Она присуща нам от рождения. Боль – это первоопыт. Связь боли и инициации в процессе социогенеза доказана П.Л. Зайцевым [1, 2]. Исследования показывают, что боль, как направляющая идея присутствовала у многих: афинского триумvirата философов, стоиков, эпикурейцев, Р. Декарта, Ф. Ницше, З. Фрейда. Представление о боли характеризует и современное общество, что особенно заметно в рекламе обезболивающих средств.

Дэвид Чалмрес пишет, что «боль» – это эталонный пример сознательного опыта, любимый философами. Быть может, это сопряжено с тем, что болевые ощущения составляют совершенно особый класс качественных переживаний, и эти ощущения не просто напрямую соотносить с какой-либо структурой в мире или в теле, хотя они обычно, и связаны с определенными частями тела. Поэтому боль может казаться даже более субъективной, чем большинство чувственных переживаний. Существует огромное множество болевых ощущений, от прострелов и острых приступов до уколов и ноющей боли.

Но есть боль сознательная, когда через нее можно познать Бога: «...за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус» (Евр.2:9). Подражая мученичеству Иисуса Христа страдания за веру, начали относить к категории подвиг. Этот подвиг воспринимали как свидетельство о вере. И боль здесь может выступать как связующее звено между Богом и сознанием, включая тело. Мозг тождественен сознанию, как сознание тождественно Богу.

Многие свидетельства Апостолов, Святых отцов Церкви, говорят нам о том, что через страдания они познают Бога. Ярким примером может служить библейский сюжет о прозрении ап. Павла. Ведь только, когда он ослеп, уверовал в Иисуса. А также страдания Аврелия Августина, когда у него случались приступы эпилепсии к нему приходили слова для своих книг. Получается в момент переживания боли, самого яркого сознательного переживания Бог общается с человеком.

Сознание может представлять исполнительную часть всего нашего существа. Именно сознание принимает решения и преобразует их в действие. Постулирование Бога через сознание означает, что Он является частью нас. Если у нас есть сознание, то и Бог является в сознании. Это означает, что взаимодействие между Богом и человеком, по меньшей мере частично является взаимодействием между нашим бессознательным и нашим сознанием.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты: учеб. пособие по курсу «Философия религии». – Омск, 2011. – 268 с.
2. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Том. – Ч. 1: Инициация. – Омск, 2015. – 272 с.
3. *Оводова С.Н.* Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 101–104.
4. *Чалмерс Д.* Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. – URL: <http://bukva.org.ua/devid-chalmers-soznayuschiy-um.html?page=1> (дата обращения: 08.05.2016).

Нагапетян Карина Жирайровна

Омский государственный технический университет,

Россия, г. Омск.

E-mail: kerry-18@yandex.ru

САКРАЛИЗАЦИЯ БРЕНДА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассмотрен феномен бренда как квазисакральное явление, как пространство стирания грани между иллюзией и подлинником, господства симулякров. На основе сделанного анализа автор утверждает, что стремление к сакрализации отдельных явлений и способность русской речи к наде-

лению слов самостоятельным бытием, а также потеря изначального смысла многими понятиями – вот два основных фактора устойчивого закрепления такого феномена, как бренд в русской культуре.

Ключевые слова: бренд; русская языковая реальность; сакральное; симулякр.

Karina Nahapetyan

*Omsk State Technical University,
Russian Federation, Omsk*

SACRALIZATION BRAND IN CONTEMPORARY CULTURE: VERBAL AND NONVERBAL MEASUREMENT

The article deals with the phenomenon of a brand as kvazisakralnoe phenomenon of space erase the line between illusion and script, domination of simula-cra. On the basis of the analysis made by the author argues that the pursuit of sacralization of certain events and the ability of the Russian language to empower words independent existence, as well as the loss of the original meaning of many concepts – these are the two main factors of sustainable consolidation of such a phenomenon, as a brand in the Russian culture.

Keywords: brand; Russian linguistic reality; the sacred; the simulacrum.

Мы считаем достаточно обоснованным предположение, что в русской языковой реальности находит свое выражение специфически русское миропонимание, мировоззрение, культурная среда. Вторжение в пространство русской языковой реальности иноязычных концептов может приводить к упрощению мировоззренческой парадигмы, изменять культурную обстановку и культурное сознание индивидов, что происходило, например, во время социалистических преобразований в России, особенно в эпоху «великого прелома», сломавшую не только привычный уклад жизни всех без исключения слоев населения, но и перестроившей мировосприятие, заменившей общину – коммуной, бога – Сталиным [1, с. 59]. Аналогичные процессы происходят и сегодня, в эпоху становящегося брендового мировоззрения.

Мы утверждаем, что русская языковая реальность представляет собой определенного рода симуляцию сакрального, в данном случае под сакральным следует понимать образ, связанный с языковыми структурами, имевший в качестве своего первостепенного предназначения прославление природных сил и явлений. Для русского мировоззрения сакрализация чего-либо всегда означает принятие этого в качестве духовного эталона.

В русской культуре происходила постепенная трансформация термина «сакральное». Связанный, прежде всего, со священным значением и носящий религиозный подтекст, он претерпел значительные метаморфозы, что позволило применять его относительно нерелигиозных контекстов повседневности. Происходила постепенная замена одних смыслов другими, неизменной оставалась лишь концептуальная оболочка данного понятия, имевшая этимологию божественного и возвышенного.

Отмеченная многими русскими философами приверженность русской языковой реальности бесконечным языковым играм, заменам смыслов и значений слов, а также к постоянной повторяемости, имевшей, как следствие, рождение «пустозвучия» русской речи, приводила к формированию в ее лоне новых устойчивых вербальных систем и конструкций.

Локальное заболевание русской языковой реальности бессмыслицей, как эпизод из жизни привилегированных, праздных слоев общества начался в эпоху барокко. То, что делать бессмысленные вещи, равно как и говорить бессмысленные слова есть атрибутивная черта праздного класса, демонстрирующего таким образом свою материальную независимость от мирских тягот и проблем, в свое время убедительно доказал Торстейн Веблен [2]. Мы считаем, что увлечение бессмыслицей отделяющей праздный класс в России от остального населения, перешло в эпоху СССР в увлечение коммунистической, партийной риторикой, бессмысленной по форме и содержанию, отличающей нас от всего мира и наложило отпечаток на всю русскую культуру в целом, в частности, на проблему сакрализации отдельных сфер общественной жизни.

Стремление к сакрализации и способность русской речи к наделянию слов самостоятельным бытием, а также потеря изначального смысла многими понятиями – вот два основных фактора устойчивого закрепления такого феномена, как бренд в русской культуре.

Сакрализация – есть принятие явления действительного мира, принятого за образец и наделенного священным смыслом и значением. Сакрализация тесно связана с языковой реальностью, поскольку именно посредством языковой реальности происходит дальнейшее развитие и внедрение в сознание индивидов сакральной парадигмы.

Представляя, по своей сути, особую идеологическую модель священнодействия и сакрального, языковое пространство посредством знаков трансформирует понятия и явления повседневности, придавая

им статус возвышенного. Для сакрального всегда была характерна тесная связь с историческим процессом и особенностями мировосприятия русского этноса, класса, поколения. Сакрализация неразрывно связана с понятием актуальности и значимости определенного явления общественной жизни на историческом отрезке времени. Так, например, для пролетариата, как рабочего класса вождь возводился в священный статус, коммунизм являлся сакральным явлением. Для современного поколения молодежи священными свойствами обладают различного рода гаджеты: айподы, айпады, айфоны и т. п.

Слова и понятия русской языковой реальности – это, прежде всего, священные символы, обладающие сакральным смыслом и бытием. Являясь объектом симуляционного пространства, бренд как сакральный феномен священнодействует в русской культуре. Нацеленная, прежде всего, на божественное прославление, русская языковая реальность трансформирует свою семантику и прагматику, подчиняя ее логике бренда. Тем самым, конструируется сетка понятий, имевших изначально религиозный смысл и контекст.

Лексемы русской языковой реальности прикрепляются к бренду, превращая его из простого объекта материальной культуры в священный объект поклонения и почитания. Бренды, это не просто набор слов и обозначений, применяемых относительно конкретной марки товара, это есть языковые конструкции, обладающие статусом прославления. Бренд акцентирует все внимание потребителей на своей сакральной природе и сущности, тем самым призывая их к своего рода приобщению, поклонению и созданию некоего культа.

Оторванная от своей прежней религиозной функции, русская языковая реальность начинает существовать в условиях информационной пустоты концептуальной сферы, сконцентрированной на собственном бесконечном проговаривании.

Изначальный священный смысл отдельных слов и понятий утрачивается, остается лишь их пустая оболочка, которая прикрепляется и функционирует уже в совершенно иных условиях. В условиях потребительского общества русская языковая реальность, следуя своей природной направленности, соединяется с новой системой существующих ценностей и явлений, порождая сферу симуляционного бытия.

Существующая в подобных условиях симуляция сакрального, находит свое выражение в новой эстетике бренда, подчиняя его законам русской языковой реальности – властвующего симулякра русской культуры.

В данном случае, положение бренда, его сакральный статус есть нечто симуляционное, не имеющее прямого отношения к истинной природе сакрального. Сакральным бренд становится вследствие обретения ряда черт и качеств, полученных при помощи языковой реальности.

Существующий культ бренда дает человеку ложные представления об окружающем его обществе, ценностях, сакральных идеалах, а также собственном положении в данном обществе и приобщении к сакральному. Между тем эти представления не образуются хаотично, а формируются при помощи социальных и культурных практик. Одной из них, все более претендующей на всеобщность порождаемых ею смыслов становится дизайн. Как отмечает С.Н. Оводова, «Дизайн предполагает создание концептов, целостных образов, в которые оказываются вписанными вещь, человек, среда. Продукт, созданный дизайнерами, встраивается в определенную модель реальности. Для продвигаемого продукта подбираются окружение, рекламный слоган, модель, которая станет лицом продукта, – все это есть разворачивание концепта. Желанный образ, обещающий удовольствие, сопровождает продукт и побуждает потенциального потребителя соответствовать модели поведения, заданной дизайнерами. Причем стоит отметить, что по функциональности продукты не отличаются, различие состоит в дизайне, что свидетельствует о превалировании эстетического оформления над утилитарностью, а также о борьбе жизненных моделей, а не просто продуктов и производителей» [3, с. 141]. Культуротворческую потенцию дизайна отрицать сложно, однако окружение продукта о котором говорит автор приведенного фрагмента, включая в себя человека относит носителя брендового миропонимания на периферию бытия. Брендное сознание продуктоцентрично (у продукта есть лицо), а не антропоцентрично.

Несмотря на обладание слов собственным бытием, происходит общее угасание и опустение общего пространства языка, а также превращение языковой реальности в ничего не значащее образование фиктивного толка. Отдельно бытийствующие слова есть симулякры, представляющие подобия явлений объективной реальности. Данные симулякры полностью подчиняют себе логику действительного мира, замещая ее своей идеологической моделью.

Бренды в современной России являются не чем иным, как симуляционным явлением сакрального характера, возвышенным и обожествленным. Языковая реальность является связующим звеном меж-

ду сакральным статусом, как таковым, и брендом, как явлением объективной реальности. Бренд больше не рассматривается в качестве материального объекта, он являет собой область духовного.

Связь между бытием слов в русской языковой реальности и сакрализацией брендов прямо пропорциональна. Чем большую степень бытия и «самости» получают вербальные конструкции, тем больше степень симуляционности сакрального. Степень сакрального в данной ситуации начинает приобретать свойства некоего гротеска, поскольку применяется к таким явлениям общественной жизни, к которым применяться, в принципе, не может.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* «Письмо товарищу Сталину» как исповедальная форма самосознания русской интеллигенции // Омский научный вестник. – 2015. – № 3 (139). – С. 59–61.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса. – М., 1984. – 334 с.
3. *Оводова С.Н.* Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна // Вестник омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 136–142.

Кузовлева Анна Сергеевна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск.*

E-mail: anyakuzovleva@mail.ru

МОДА И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

В поле нашего исследования попали такие феномены культуры как мода и энвайронментализм в связи с тем, что они предполагают разные модели поведения, которые противоречат друг другу и плохо отражаются на окружающей среде.

Ключевые слова: мода, новшества, энвайронментализм, экожизнь.

FASHION AND ECOLOGICAL CULTURE: CONFLICT OF VALUES

In our field of research includes such phenomena of culture as fashion and environmentalism due to the fact that they assume different models of behavior, which contradict each other and have bad impact on the environment.

Keywords: fashion, innovation, environmentalism, ecoinn.

В поле нашего исследования попали такие феномены культуры как мода и экологизм в связи с тем, что они предлагают разные модели поведения, которые противоречат друг другу.

В современной культуре конфликт между экологической культурой и модой является актуальным, многие исследователи и существующие международные организации пытаются решить данную проблему. На сегодняшний день создано множество международных организаций, которые выступают с докладами и предпринимают необходимые меры (например, Римский клуб, Гринпис [1], зеленые партии). Придумано множество вариантов выхода из этой ситуации: правовые нормы, внедрение очистных сооружений, использование экологически чистых материалов и т. д. Но, к сожалению, не все они являются эффективными.

Если античная культура была экологичной, так как для человека того времени природа была эталоном гармонии и порядка, и поэтому окружающая среда была целью, а человек – средством; то в наше время существует экологический кризис, характеризующийся естественным по своей природе человеком, который живет в искусственных условиях обитания. Сегодня человек является целью, а окружающая среда – средством [11, с. 72].

Что же такое мода? «Попытайтесь, однако, сформулировать определение – и вы неожиданно для себя поймете, что имеете дело с феноменом практически незнакомым и по-настоящему загадочным», – говорит Х. У. Гумбрехт [3, с. 17]. Это действительно так, потому что нет какого-то одного определения для этого феномена. Однако мода обладает некоторыми феноменологическими характеристиками: ценность новизны и скорость смены вещей. Скорость обновления модных тенденций порождена потребительской культурой, следовательно, активное потребление является предпочтительной моделью поведения модного человека. Современный человек настолько привык ко всему

«новому», что ему наскучивает все старое, повторяющееся, однообразное, и он желает и ждет каких-то изменений [7, с. 211]. Поэтому, чтобы идти в ногу со временем, то есть быть модным, человек должен успевать за быстрыми сменами модных сезонов, которые постоянно предлагают множество новых товаров. Можно сказать, что мода позволяет современному человеку выстраивать желаемую идентичность посредством конструирования образа. «Современная культурная ситуация характеризуется тем, что наибольшее влияние на конструирование реальности оказывает дизайн. В современной культуре дизайн имеет тотальный характер. Он проникает в нашу повседневность, постоянно преобразует среду, в которой мы пребываем. Дизайн представляет собой не только художественное оформление пространства, но и проектирование среды, а следовательно, и прочерчивание координат, в пределах которых разворачивается и осуществляется жизнь человека» [10, с. 141]. Дизайн и мода, как проявление актуальности и значимости того или иного вида дизайна, являются доминирующими при конструировании современной культурной реальности. «Дизайн – это не только эстетическое оформление окружающей реальности, но и формирование этой реальности. Пространственно-предметная среда, созданная дизайном, влияет на человека, организуя его повседневное бытие» [8, с. 91]. Желание угнаться за новинкой связано с необходимостью демонстрации причастности к ускользающему настоящему. В современном обществе инициационные практики продолжают иметь значение, и желание быть модным можно также понимать, как желание быть принятым в закрытом сообществе модных людей посредством обладания ритуальной маской [4, с. 69].

Проблема в том, что, во-первых, производство большого количества вещей приводит к загрязнению окружающей среды, так как скорость обновления модных товаров свидетельствует о скорости превращения их в мусор. Во-вторых, производство сопряжено с использованием искусственных материалов, что увеличивает время разложения выброшенных «немодных» предметов. Это значит, что, когда вещь нам станет не нужной, она будет гнить на свалке несколько десятилетий, отравляя окружающую среду. «Экологическая ценность может противоречить экономической ценности, что выражается в экономии ресурсов, многофункциональности, долговечности и неподверженности моде дизайнерского продукта. Экологический дизайн отвергает принципы общества потребления» [9, с. 233].

Энвайронментализм – социальное движение, которое выступает за использование природных ресурсов, но с меньшим ущербом для природы. С ним тесно связано понятие экологической культуры, которое включает в себя социальные отношения, моральные нормы, взгляды, ценности, связанные с взаимоотношением между человеком и природой. Эти два понятия предполагают переход к замкнутой экосистеме, то есть все материалы будут перерабатываться и использоваться вторично.

В наши дни становится популярной экомоды. Она предлагает использование вещей из натуральных материалов, а именно: био-хлопок, лен, шелк, чистая шерсть, бамбук, джут. Также экомоды отказывается от употребления тканей животного происхождения. Модель поведения приверженца экологической культуры будет связана с отказом от символического и статусного потребления, которое приветствуется в моде, и с сокращением производства мусора в процессе своей жизнедеятельности.

В мире существуют люди, которые ведут «экожизнь». Например, Лаурен Сингер из Нью-Йорка. Она не выбрасывает мусор, ходит в магазин со своими пакетами, бутылками, контейнерами; сама создает чистящие средства, отказалась от использования пластика, покупает одежду в секонд-хэндах. Перед походом в магазин составляет список продуктов, а в магазине берет все на развес. Ответственность перед природой, приверженность экологической культуре связана с отказом от общепринятых моделей поведения современного человека.

Моды и экологизм предлагают разные модели поведения и ценностные матрицы. Моды коммерчески выгодна для современного рынка, так как она предполагает быструю смену новинок, что побуждает человека к увеличению потребления.

Экологическая культура же предполагает использование природных ресурсов, но с меньшим ущербом для природы, а именно: давать вещам вторую жизнь или отдавать их на переработку, отказаться от пластика и полиэтиленовых пакетов; покупать только то, что действительно нужно.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что моды интересуется сиюминутность, экология нацелена на будущее; моды связана с потреблением, экология – с сохранением ресурсов; моды – это увеличение вещей, экология – очищение природного ландшафта от мусорных отходов цивилизации. В двух этих феноменах культуры, выражающихся в определенных моделях поведения, заложен ценностный конфликт, преодоление которого возможно наметится в будущем.

Литература

1. *Васильева Т.* Не покупайте новое без необходимости // Гринпис России. 2015. – URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/54899/> (дата обращения: 08.05.2016).
2. *Горалик Л.* Деньги висящие в гардеробе: особенности русского шопинга как классово-социальной практики // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2007. – № 4. – С. 231–242.
3. *Гумбрехт Х.У.* Три загадки моды // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2006. – № 1. – С. 17–27.
4. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Ч. 1. Инициация. – Омск, 2015. – 272 с.
5. *Ингрид Гиц-Мартенсен.* Взгляд в будущее – прогнозы в мире моды // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2012. – № 24. – С. 11–28.
6. *Килошенко М.И.* Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. – СПб., 2001. – 192 с.
7. *Липовецкий Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. – М., 2012. – 336 с.
8. *Оводова С.Н.* Визуальная проявленность антропокультурного городского проекта // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги (визуальные маркеры городской среды): сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 29–30 апреля 2013 г. / редкол.: П. Л, Зайцев и др. – Омск, 2013. – С. 91–95.
9. *Оводова С.Н.* Критерии и принципы проведение гуманитарной экспертизы дизайн-проектов // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 232–235.
10. *Оводова С.Н.* Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 136–142.
11. *Павленко А.Н.* «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 66–79.

Чебакова Екатерина Александровна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск.
E-mail: westochka_omsk@mail.ru

ДЕНЬГИ И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье предлагается возможный вариант изучения ментальности горожан на материале денег сквозь призму концепции категорий культуры А.Я. Гуревича.

Ключевые слова: история повседневности; деньги; ментальность; категории культуры; городская культура.

Ekaterina Chebakova
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

MONEY AND MENTALITY: OPPORTUNITIES FOR RESEARCH

The article offers a possible method of research the mentality of citizens from money through the concept of categories of culture by A.J. Gurevich.

Keywords: the history of everyday life; money; mentality; categories of culture; urban culture.

Деньги – важная часть повседневной культуры современного человека. Однако это не только «мера стоимости, средство обращения, средство накопления, средство платежа и мировые деньги», но и инструмент, с помощью которого можно по-новому увидеть ментальность горожанина – от городов времен минойской цивилизации до современного мегаполиса. Ментальность как особый уровень интеллектуальной жизни общества, включающий ряд «не сформулированных явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания» [1, с. 20], объективируется в изображениях и надписях, форме, материале, «прозвищах» денег, а также в отношениях, связанных с деньгами (обычаях и ритуалах). Для изучения денег как «зеркала» ментальности жителя города воспользуемся концепцией категорий культуры А.Я. Гуревича – «сетки координат», содержащей важнейшие элементы социально-культурной системы (представления, ценности и идеалы).

Среди основных – время, пространство, изменение, судьба, отношение чувственного к сверхчувственному, право, богатство, труд, собственность [1, с. 34-37].

1) **Время и пространство:** согласно нашей гипотезе, об этих категориях многое говорит **материал**, из которого сделаны деньги, а также их **форма**. Крепкий и долговечный материал отражает стремление сохранить денежное богатство во времени и иметь возможность передать его на большое расстояние, в том числе для демонстрации возможным торговым партнерам основного богатства города или страны (функция «торговой рекламы»). Там, где нет развитой торговли, нет и необходимости в изменении формата тяжеловесной монеты. Так, медный талант в форме растянутой бычьей кожи, найденный при раскопках Кносского дворца, весил 52 кг; более "легких" монет найдено не было – в других монетах город просто не нуждался. Что касается формы монеты, то в европейских странах чаще всего встречается круг, что можно связать с его постоянными значениями в культуре: «круговорот жизни, временной цикл и божественное начало» [3, с. 191].

2) **Изменение:** наиболее ярко проявляется в **изображениях**. Деньги с давних времен играют роль хранителей истории, причем не только в Европе. К примеру, денежная единица современной Гвинеи до сих пор хранит память об использовании раковин на ее территории: название «седи» означает «раковина», а на самой монете изображена раковина каури.

По сравнению с предыдущими историческими периодами, современные деньги Европы кажутся обезличенными и строгими, почти не выражающими национальную идентичность составляющих ее стран. В них выражен призыв к интеграции и приверженность идеям глобализации (изображения окон, мостов – как символов связи, открытости миру), нежели попытка сохранить самобытность в меняющуюся эпоху, характерная, к примеру, для России (на ее современных банкнотах – памятники городской архитектуры и события истории).

3) **Богатство:** деньги выражают то, что в данный момент является наибольшей ценностью для человека, причем не только с помощью изображений, но и в самом материале. Так, хлебные лепешки вместо серебряных дирхемов использовали во время кризиса XI века в Средней Азии и Восточной Европе. Здесь экономическая ситуация изменила внешний вид денег: хлеб стал главной ценностью для человека. Кроме того, стоит вспомнить об упоминавшейся ранее функции «торговой рекламы»: деньги всегда демонстрируют основное богатство

народа и отдельного города, что подтверждается и происхождением денег из товара.

4) **Отношение к сверхчувственному:** в деньгах часто отображались мифологические представления народа, в частности представления о сверхчувственном «защитнике» города (пример – изображение святого Георгия на российских монетах). Также интересна традиция бросать монету в фонтан, колодец, возле городского памятника, чтобы загадать желание о возвращении в то место, где человек находится в данный момент.

5) **Право и собственность:** сменив товарный обмен, деньги «стали тем, что на условиях взаимного доверия может быть обменено на товары и услуги» [3, с. 189]. Почти во все эпохи у самых разных народов существовал кредит – как пример гражданско-правовых отношений; этот факт подтверждает, что доверие – важная часть любой социокультурной системы.

Вопрос об электронных деньгах является более сложным. Сегодня существуют как деньги, эквивалентные национальной валюте (WMR и WME в системе WebMoney – эквиваленты рубля и евро соответственно), так и не эквивалентные ей (BitCoin). Здесь также важен вопрос доверия, поскольку электронные деньги обращаются без использования банковских счетов, они конвенциональны (WMR и WME зависят от курса национальной валюты, BitCoin – нет). Кажется парадоксальным, что люди готовы практически полностью перейти от бумажных и металлических денег к использованию денег «виртуальных», которые в процессе совершения различных экономических операций ни разу не принимают вещественную форму. Появление электронных денег говорит не только о возросшем темпе жизни, но и о трансформации нашего отношения ко времени (его постоянная нехватка, бесконечное ускорение), пространству (сжавшемуся до невероятного предела), изменению (которые являются нашей естественной жизнью – стабильности традиционных обществ у нас давно нет). Человек в обществе потребления уже не задумывается над тем, что и как он тратит – он не видит вещественного воплощения цифр, а значит, легче с ними расстаётся, легче их теряет. Современная эпоха – культ «быстрых денег»: быстрого обогащения, быстрой потери. Массовое кино демонстрирует такие постоянные сюжеты, как выигрыш в казино («21»), игра с миллионами на бирже («Волк с Уолл-стрит», «Хороший год») и т. д. Люди оперируют огромными цифрами, не задумываясь, что они значат на самом деле.

Но на наш взгляд, несмотря на огромную роль электронных платежей, «материальные» деньги сохраняют свое значение в культуре города – как раз из-за возможности репрезентации различных ментальных категорий. Так, если отображение категорий времени и пространства практически полностью перешло к электронным деньгам, то категории изменения, богатства, отношения к сверхчувственному и ряд других воплощаются исключительно в монетах и банкнотах. О категории изменения уже было сказано в отношении денег Евросоюза; что касается богатства, то здесь деньги, помимо очевидной поддержки идеологии страны, продолжают выполнять функцию торговой и культурной «рекламы» города, являясь в том числе дополнительным инструментом для брендинга, прежде всего событийного (можно вспомнить памятные монеты и банкноты Олимпийских игр в Сочи). Тем не менее, исходя из сегодняшней ситуации уже невозможно предсказать, чем станут для нас деньги в самом ближайшем будущем. И потому то, изменится ли отношение к деньгам как к воплощению системы доверия и появится ли замена современным «виртуальным» деньгам – покажет лишь время.

Литература

1. *Гуревич А.Я.* Избранные труды : Средневековый мир. – СПб, 2007. – 560 с.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля ; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1986. – 622 с.
3. *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. – СПб., 2009. – 232 с.
4. *Семар Г.М.* Среди монет. – М., 1990. – 111 с.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ГОРОЖАНИНА

Жигунов Антон Юрьевич

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: Zhigunowanton94@mail.ru

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДОМИНАНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ОМСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ¹

В статье рассматривается специфика Омской региональной медиасферы, в частности, дискурс культуре города Омска (на материале Омских медиа) в аспекте художественной культуры (визуальных образов). Анонсируются некоторые субдискурсы указанного аспекта исследования, дается их краткая характеристика.

Ключевые слова: дискурс; медиадискурс; медиасфера; Омск; культура.

Anton Zhigunov

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

THEORY AND PRACTICE OF THE MODERN MASS MEDIA, DEPARTMENT OF JOURNALISM AND MEDIALINGUISTICS

In this article take place the special features of Omsk regional media-sphere, discourse of Omsk's culture (on the messages of Omsk's media) in aspect of art and visual images. There is an announce of some sub-discourse of this research aspect, making it's short characteristic.

Keywords: discourse; media-discourse; media-sphere; Omsk; culture.

Репрезентация визуальных образов в региональном медиадискурсе о культуре происходит посредством регулярного воспроизведения в информационном поле совокупностей сообщений, характеризующих

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Медиасфера Омского региона: структура, каналы, ценности, новые дискурсивные практики». Проект № 16-14-55003.

то или иное событие. Мы понимаем событийный культурный контекст из тех вариаций описания, которыми пользуются медиа, даже если сами не принимали непосредственного участия в этом событийном контексте (не присутствовали на выставке, не посетили спектакль и т. д.). В этом смысле для анализа специфики какого-либо участка региональной медиасферы удобна дискурсивная модель медиаполя, предложенная и апробированная Т.В. Шмелевой и основанная на исследовании новостных сообщений регионального медиаполя о разных событиях [1, с. 102–111], а также описание конкретно тематического культурного медиадискурса (медиадискурса о культуре) [2].

Материалом для исследования послужили 997 текстов трех крупнейших региональных интернет-порталов: Омск-Информ, Новый Омск и СуперОмск, отсортированных по разделу 'культура' либо с опорой на поисковой запрос 'культура' (за период с 01.07.2015 по 01.07.2016), а также выборка текстов системой «Медиалогия», отсортированных по контексту 'культура' (за период с 01.01.2016 по 01.05.2016) на региональном уровне СМИ преимущественно информационного характера. Общий объем корпуса медиатекстов составил около 2000 сообщений.

В приведенном аспекте исследования внимание акцентируется на визуальной составляющей омского медиадискурса, в частности, совокупности сообщений о выставках художественной культуры, фотографиях, инсталляциях молодых художников, арт-объектах и экспозициях региональных культурных центров и галерей.

Основанием для выделения в отдельную категорию сообщений по указанной тематике послужила система институциональной дифференциации явлений культурной сферы, т. е. к каждому сообщению задавался вопрос о его предметно-тематической доминанте (О чем этот текст?). В результате оформились следующие блоки медиатекстов:

- Медиа о кино (показы, фестивали, актеры и пр.);
- Медиа о театре (спектакли, фестивали, актеры и пр.);
- Медиа о художественной культуре (выставки, фото, дизайн и пр.);
- Медиа о других медиа;
- Медиа о концертах (инструментальная музыка, гастролы и пр.);
- Медиа о литературе;
- Другие типы сообщений.

Полученная классификация определила сферу-источник анализируемых материалов и область существования и функционирования их тематической доминанты.

Говоря о визуальных образах и их отражении в медиадискурсе, подчеркнем особую роль канала коммуникации, используемого при этом. Не случайно выбранные нами тексты имеют информационную жанровую природу (заметка, анонс, интервью, репортаж и пр.), что вполне характерно именно для неспециализированного на культуре интернет-СМИ.

Подобные информационные материалы исчерпываются единичным (реже – дублированным) упоминанием события в основном в виде его анонсирования, сопровождаемого комментарием организатора или участника (цитатой). Применение такого шаблона позволяет сделать вывод о вероятностном источнике публикации – пресс-релизе (реже – пресс-конференции). Ярким примером таких материалов являются анонсы.

В Омске откроется известная экспозиция с фотографиями модных бабушек и дедушек (СуперОмск, 02.07.2015 http://superomsk.ru/news/20220-v_omske_otkroetsya_izvestnaya_ekspozitsiya_s_fotog/);

Омичам покажут игрушки с 300-летней историей (Омск-Информ, 15.12.2015 <http://www.omskinform.ru/news/88701>);

В музее имени Врубеля открывается выставка омского скульптора (СуперОмск, 15.06.2016 http://superomsk.ru/news/36246-v_muzee_imeni_vrubelya_otkrvaetsya_vstavka_omskogo/).

В текстах используются предикаты будущего времени: *откроется, открывается, состоится, ожидается*, константным в материалах такого рода является указание времени и места мероприятия. Отметим, что сообщения постфактум в омском медиадискурсе единичны, а упоминания о событии зачастую ограничиваются анонсом.

При детальном изучении медиадискурса Омска в блоке медиатекстов о художественной культуре выделяются несколько специфических субдискурсов-маркеров, характерных для региона. Примечательно, что одним из ярчайших номинаций, вокруг которой конструируется визуальная культура является сам «Омск».

В музее Врубеля покажут Омск советских времен (Новый Омск, 06.08.2015 http://newsomsk.ru/news/30208-v_muzee_vrubelya_pokajut_omsk_sovetskix_vremen/);

Омичам заплатят за лучший образ родного города. ... «Главная задача конкурсантов – создать пластические поэтические образы родного города, вдохновленные как самим городом, так и литературным творчеством омичей», – передает пресс-служба администрации Омска. (Новый Омск, 20.07.2015 http://newsomsk.ru/class/news/29469-v_omske_otkroetsya_predposlednyaya_vstavka_moy_gor/);

Фотограф Дмитрий Барулин выпустил открытки с видами Омска («Класс», 10.08.2015 http://newsomsk.ru/class/news/30308-fotograf_barulin_vypustil_otkrтки_s_vidami_omska/);

Микроминиатюрист Коненко расскажет о тайнах и загадках Омска (Новый Омск, 07.04.2016 http://newsomsk.ru/news/39299-mikrominiatyurist_konenko_rasskajet_o_taynach_i_zag/);

Театр мод «ОбраZ» покажет спектакль об Омске «Миф города» (Новый Омск, 15.06.2016 http://newsomsk.ru/news/42340-teatr_mod_obraz_pokajet_spektakl_ob_omske_mif_goro/);

Известные фотографии покажут «Лица Омска» (ОмскЗдесь, 02.02.2016 <http://omskzdes.ru/culture/36845.html>).

Нетрудно заметить, что функционально эти элементы призваны найти и оформить интегральные визуальные смыслы, определить лицо города, показать его красоты и привлекательность. Омск варьируется на Омск прошлого и настоящего, но воспринимается в парадигме поиска общего, конструируемого городского облика.

Уникальный проект Омского дизайнера «Олдушка», хотя и относится скорее к дискурсу о региональной моде, но зачастую инициирует выставки и фотосессии, представляющие собой часть дискурса о визуальной культуре. Поэтому справедливо будет определить этот проект как один из визуальных субдискурсов.

В Омске откроется известная экспозиция с фотографиями модных бабушек и дедушек. Автор проекта Игорь Гавар пытается доказать, что в понятие «старость» можно вложить совсем другой смысл. (СуперОмск, 02.07.2015 http://superomsk.ru/news/20220-v_omske_otkroetsya_izvestnaya_ekspozitsiya_s_fotog/);

Игорь Гавар открывает модельное агентство для пожилых. Автор проекта «Олдушка» уверен, что российские пенсионерки станут успешными моделями (Новый Омск, 02.03.2016 http://newsomsk.ru/news/37836-igor_gavr_otkrvaet_modelnx_agentstv_dlya_pojilx/). Описание этой доминанты в региональном Омском медиадискурсе допустимо назвать геронтическим, поскольку в дискурсивном поле наблюдаются слова, характеризующие старость, представителей старшего возраста (бабушка, дедушка, пенсионер, пенсионерка) и характеристику этих представителей (пожилой).

Персонификация некоторых деятелей культуры безусловно является еще одним субдискурсивным элементом. Имя омского художника Дамира Муратова одно из наиболее частотных в медиа.

Известный художник Дамир Муратов нарисует костюмы к сказке «Пятого театра» про Нильса и диких гусей (СуперОмск, 08.02.2016 http://superomsk.ru/news/26694-izvestny_xudojnik_damir_muratov_narisuet_kostyum_k/);

Омский художник Дамир Муратов «замутил» серию с «Квадратом» Малевича (СуперОмск, 23.09.2015 http://superomsk.ru/news/22678-omskiy_xudojnik_damir_muratov_zamutil_seriyu_s_kva/);

Омский художник Дамир Муратов создал мем с Мединским (Новый Омск, 05.11.2015 http://newsomsk.ru/news/33688-omskiy_xudojnik_damir_muratov_sozdal_mem_s_medinsk/);

Омский художник Дамир Муратов превратил Чокана Валиханова в мем (Новый Омск, 31.08.2015

Французские журналисты расскажут европейцам об омском хоккее, метро и Муратове (ОмскЗдесь, 17.02.2016 <http://omskzdes.ru/culture/37222.html>).

Традиционным в данном субдискурсе является атрибуция ‘известный’, ‘омский’, ‘знаменитый’ и пр. Манера художника – несколько провокационная, ироничная. Сам Муратов в медиа выступает и как индивидуальный арт-созидатель, и как иллюстратор, и как человек с активной социальной позицией, критикующий региональную и российскую действительность.

В заключении отметим, что Омский медиадискурс о визуальной культуре – многослойное дискурсивное образование, представленное несколькими субдискурсивными элементами. В статье анонсированы лишь некоторые, наиболее частотные номинации из разных областей: город, проект и персона. Каждый объект имеет свою специфику репрезентации, в общем смысле составляющую элемент Омского региональной медиасферы, поскольку визуальная составляющая дискурса о культуре города – лишь один из блоков понимания и интерпретации городской действительности.

Литература

1. Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография / под ред. Т.В. Шмелевой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2015. – 223 с.
2. *Василенко И.В.* Культурный дискурс в региональном медиаполе: лингвистические параметры: дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2015. – 224 с.

Николина Надежда Валерьевна

Омская гуманитарная академия,

Россия, г. Омск.

E-mail: nadya_omsk89@mail.ru

ДВА ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ XX ВЕКА

Литература Сибири, как и литература других областей и народов, воплощает в себе настроения, быт, отношение к жизни населения. Писатели Сибири XX века – это либо коренные жители, либо «ссылъные». Данное разделение определяет два вектора литературного произведения, которые можно продемонстрировать на анализе сказок.

Ключевые слова: литературная сказка; писатели Сибири; политика; природа.

Nadezhda Nikolina

Omsk Academy of the Humanities,

Russian Federation, Omsk.

TWO VECTORS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL THOUGHT IN THE WORKS OF SIBERIAN WRITERS XX C.

Siberian literature, as well as literature of other regions and peoples, embodies the sentiment of life, attitude to life of the population. The Siberian writers XX c – either indigenous people or "deportees". This division has determined the literary work, which can be demonstrated by the analysis of fairy tales.

Keywords: literary fairy tale; Siberian writers; politics; nature.

«Тихие степи, благоухающие Алтайские долины, черно-зеленые леса тайги, необъятные земли сибирские зелеными глазами степей, насупив брови, зорко смотрят... Вот какова моя Сибирь!»
[6, с. 291]

Литературная сказка отражает политические и социальные настроения общества в скрытой форме. Таким образом, сказка рассказывает о реальных событиях «не называя имен». Обезличивая ситуацию, они оперируют словами: «воевода», «губернатор», «мужик», «боярин» и др. Например, сказки Н.А. Полевого «Сказка о семи Семіонах, родных братьях и великих удальцах», М.Л. Михайлова «Два мо-

роза», Г.А. Мачтета «Сон одного заседателя», В.Г. Короленко «Стой, солнце, и не движись, луна», Ф.В. Волховского «Как мужик у всех в долгу остался» носят политический, антиправительственный характер.

Н.А. Полевой повествует в своей сказке о семи братьях, каждый из которых обучен одному ремеслу: Первый – мастер белокаменные столбы делать выше облаков высотой, Второй – зорко наблюдает за всеми царствами и докладывает о происшествиях (со столба, построенного Первым), Третий – мастер корабли строить, Четвертый – мастер управлять кораблем в сражениях и бурях, Пятый – мастер изготавливать оружие, Шестой – мастер охоты, а Седьмой брат – мастер грабежа. «В сказке Н.А. Полевого проводится определенная политическая идея и традиционные сказочные образы даны в особой трактовке» [2, с. 12]. Данные образы включают основные силы государства: внутренняя и внешняя политика (виде наблюдения и контроля), военно-морской флот, вооруженная сила (техническое оснащение, мастерство). И.П. Лупанова описывает героев сказок как силу, «которая создает мощь государству, и вместе с тем – это обличители существующих социальных порядков» [3, с. 398]. По сюжету сказки царь использует умения героев с целью похитить принцессу из другого царства и жениться. Братья помогают царю, а в награду просят: «Отпусти нас да дай нам грамоту, обельную, опасную, тарханную, чтоб земские ярыжки твои в наше поле не вступались, и судьи бы твои нас не судили, а виноваты мы будем, так суди нас сам, своим царским судом-самосудом, да уж прости и седьмого Семиона за ремесло его – ведь не он первый, не он последний!» [5, с. 102]. Приняв данные грамоты, братья и силы, которые они представляют, получают монополию на свое ремесло и подчиняются только государю. Подобные сказки демонстрируют формирование современного централизованного государства.

Название сказки В.Г. Короленко «Стой, солнце, и не движись, луна!», казалось бы, обращает читателей к истории Иисуса Навина, обеспечивший победу израильтянам, приказав солнцу остановиться, и, тем самым, продлил день. Однако, такое название носит иронический характер, обличая самодурство власти. Сказка повествует о различных попытках воеводы, узнавшего, что весной его срок правления придет к завершению, остановить приход весны – изменение календаря, отстрел ласточек и остановку восхода солнца. «Самодурство, самоуправство, глупость и жестокость возведены в принципы. Сказка есть сказка. В ней допустимо заострение до невероятного» [2, с. 14]. Автор

демонстрирует все отрицательные стороны авторитарного режима власти. Сказка была написана в 1899 году, но основные моменты авторитарности сопоставляются с другими годами и государствами. Опишем несколько примеров:

1. Сокращение финансирования фондов образования: «А к тому времени ученых-то столько развелось, что давно и во дворе воеводском не умещаются. Стали вольным манером жить и про воеводу книжки складывать забыли. Оставил на воеводском дворе малое число таких, что только жуют губами да у воеводы к фалдочкам походя прикладываются, а остальным велел кормы прекратить, а то и хуже...» [1, с. 119].

2. Образование тайных обществ и обысков: «крамольники образовали тотчас же тайные общества и, собираясь под кровом темных ночей, стали промеж себя читать календарь...» [1, с. 121].

3. Появление народного заступника (прообраз В. И. Ленина), у которого было свое независимое издательство и брат, которого убили в ходе переворота. «Только два брата Невинномыские с товарищами запечалились шибко: люди они были солидные, писали складно, первыми умниками по городу слыли. И все им верили» [1, с. 123].

4. Революция: «В конце-концов прозревший народ изгоняет воеводу и впредь отказывается от подобных» [2, с. 15]. Сказку опубликовали только в 1927 году.

Ожидание весны жителями города Востока – ожидание перерождения власти, перемен, для современного человека весна ассоциируется с выборами, возобновляющими надежду на улучшение.

Второй вектор литературных произведений писателей Сибири XX века связан с отношением жителей к природе. Авторы не просто восхищаются красотой и масштабностью Сибири, они олицетворяют ее. Примером такого олицетворения является сказка В.Я. Шишкова «Кедр» – «аллегорическая сказка, посвящена томскому учителю П.М. Вяткину» [2, с.19]. Образ учителя воплощается в образе кедра – величественного, мудрого, угрюмого, красивого. В данной интерпретации образа прочитывается и отношение автора: уважение, гордость, восхищение: «И в тихие летние зори, и в морозные зимние дни слетаются до сих пор к нему птички со всех концов обширной поляны, смело садятся в его пушистые хвои и поют ему песни: – Спасибо, спасибо кедр... Кедр, ты справедлив... Мы тебя любим... Ты защищаешь нас... Ты учишь нас жизни... И слушает песню угрюмый кедр, и скло-

няется голова его, и роняет он крупные слезы радости и любви к этим маленьким птичкам» [7, с. 259].

В сказке «Глаза Сибири» А.С. Сорокин показывает отличие Сибири от центральных городов России. Отмечая величие Москвы, он пишет: «Точки городов – центры мышления, и самый важный, самый главный центр мышления – великая Москва, центр мирового мозга – коминтерна» [6, с. 289]. Тем не менее, к сибирским землям у автора особое, трепетное отношение: «ухом Алтая прислушиваются к мыслям Москвы. Здесь у меня в тихих ковыльных степях, землях сибирских, то, чего не купить деньгами у вас в Москве. Голубые соленые озера...» [6, с. 290]. Автор вставляет в рассуждение сказку о молодой девушке, восставшей против патриархальных законов и за свободу и права женщин. Отец девушки неоднократно упрекает себя за то, что позволил ей получить образование в столице. В.А. Мартынов пишет, что «кульминация репрессивного подавления провинции центром – Просвещение» [4, с. 37]. Сказка демонстрирует перемены, произошедшие в Сибири в это время, касающиеся не только раскрепощения женщин, но и устройства жизни. Модернизация затронула все сферы деятельности, но одно остается важным для сибирского человека – природа родного края, о чем и пишет А.С. Сорокин.

В литературе писателей Сибири наблюдается два вектора мыслей: политика и природа. Такое разделение говорит о своеобразии настроений, идей, образа жизни и мыслей. Литературная сказка включает в себя все эти направления, отражает и, вместе с тем, формирует культуру. Объединяя народ, литературное (и не только) творчество способствует развитию городов.

Литература

1. *Короленко В.Г.* Стой, солнце, и не движись, луна! // Сказки писателей Сибири. – Омск, 1986. – С. 115–137.
2. *Леонова Т.Г.* Сказки писателей Сибири (вступительная статья) // Сказки писателей Сибири. – Омск, 1986. – С. 5–25.
3. *Лупанова И.П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. – Петрозаводск, 1959. – 502 с.
4. *Мартынов В.А.* Культурология провинциальности // Визуальные образы современной культуры. «Нестоличная» культура: визуальные маркеры региональной идентичности: мат. IV Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 21–22 мая 2015 г.). – Омск, 2015. – С. 36–40.
5. *Полевой Н.А.* Сказка о семи Семионах, родных братьях и великих удалцах // Сказки писателей Сибири. – Омск, 1986. – С. 87–104.

6. *Сорокин А.С.* Глаза Сибири // Сказки писателей Сибири. – Омск, 1986. – С. 289–293.
7. *Шишков В.Я.* Кедр // Сказки писателей Сибири. – Омск, 1986. – С. 257–260.

Приймак Ирина Владимировна

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: priymak1997@mail.ru

КОНФЛИКТ ВЕРЫ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «СМЕРТЬ БОГОВ. ЮЛИАН ОТСТУПНИК»: ВИДИМОЕ И СКРЫТОЕ

В статье рассматривается проблема конфликта веры в русской литературе Серебряного века на примере наиболее сильного произведения того времени, романа Дмитрия Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник». Обострение конфликта в произведении используется для более чёткого и яркого выражения характера героев, главных черт сюжета и, главное, целостной структуры идей произведения. Важно осознавать, что за переживаниями Юлиана Отступника скрыто не единственно глубоко личное, индивидуальное, а глобальное социальное содержание.

Ключевые слова: вера; язычество; конфликт; Дмитрий Мережковский.

Irina Priymak

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

CONFLICT OF FAITH IN THE NOVEL D.S. MEREZHKOVSKY "DEATH OF THE GODS. JULIAN THE APOSTATE": VISIBLE AND HIDDEN

The problem of the conflict of faith in Russian literature of the Silver Age in the example of the most powerful works of the time, the novel by Dmitry Merezhkovsky's "Death of the Gods. Julian the Apostate". The aggravation of the conflict in the product is used for a more clear and vivid expression of the characters, the main plot features and, most importantly, a complete product structure ideas. It is important to realize that the experiences of Julian the Apostate is hidden not only deeply personal, individual and global social content.

Keywords: faith; paganism; conflict; Dmitry Merezhkovsky.

Серебряный век впитал в себя идеи поиска, отождествления и даже синтеза религиозных учений. Это положение мы попытаемся обосновать на примере наиболее сильного произведения того времени, романа «Смерть богов. Юлиан Отступник» Д.С. Мережковского. В этом произведении нашла свой зримый отпечаток проблема веры и неверия, что были приглашены гением автора из всего исторического опыта человечества в судьбу отдельного героя. Вера и неверие, столкнувшись в отдельном человеке, разбились, уничтожили отдельного человека, известного нам как Юлиан Отступник. Потомули что неверие взяло верх над верой? Судьба этого произведения привлекала не только литературоведов, но и философов [7]. Небезынтересна она и историкам Церкви – то, что Д.С. Мережковский не погрешил в своем романе против исторической фабулы подтверждает его труд «Иисус Неизвестный», стоящий в одном ряду с произведениями Э. Ренана, Г. Честертона, Э. Бока, Д. Штрауса, Ф. Фаррара, А. Дидона, В. Дюранта, А. Меня [5].

Поиск истины в системе не только научного, философского, богословского, но и литературного языка выступает отдельной и, кажется, неисчерпаемой темой. Как отмечал П. Л. Зайцев: «Судьба человека в равной степени может быть скрыта в религиозном сюжете, толкуемом святоотеческой литературой и вместе с тем в исторической и художественной прозе» [3, с. 180].

Как и во все времена одной из центральных проблем эпохи, описанной в романе, выступает проблема конфликта веры. «Издавна была нащупана связь объяснения конфликтов с пониманием сущности самого человека и общества» [1, с. 7]. Конфликт не является полностью отрицательным явлением. По своему естеству конфликт есть носитель как положительных, так и отрицательных течений. Одной из причин конфликта веры является утеря ориентиров, прекращение общения с вечными моральными ценностями, ведение жизни сугубо в материальных плоскостях. Из-за вышеперечисленных факторов в обществе неизбежно происходит культурный и духовный упадок, каковой произошёл и на закате античности, и в конце XIX века.

Конфликт в литературном произведении – это оппозиционность характеров и увлечений, различное понимание обстановки. Все это способствует появлению связи между литературными образами и развивает содержание.

Здесь Юлиан Отступник, правивший с 361 по 363 г., трагический герой, бесконечно пытающийся найти истину, которая основывалась

бы на гармонии духа и плоти. Присутствие конфликта в романе можно формализовать и теоретически описать на основе высказывания социолога Т. Парсонса: «Нормативный компонент социального действия разворачивается на четырех уровнях: организм, личность, социальная система, культура. Возможность конфликта заложена в самом процессе социализации, в ходе которого человек оказывается приобщенным не только к способам функционирования социальной системы, но и к нормам и ценностям соответствующей культуры» [1, с. 21].

Главный герой романа «научился лицемерить с детства с недетским совершенством. Обманывал с наслаждением...» [4, с. 42]. Слушая рассказы своей няни по имени Лабда, посещая занятия катехизиса, читая запрещённые книги он с детства впитывает в себя идею духовного поиска. С тех лет в нём появлялись вопросы, ради ответов на которые он был готов на всё. «Зачем жизнь? Зачем эта вечная смена рождения и смерти?... Зачем тоска по невозможному?» [4, с. 66].

Во многом отвечать на эти вечные вопросы главному герою помогает его подруга Арсиноя. Каждая встреча с ней, начиная с первой, когда Юлиан увидел её, метаящей диски, и, заканчивая последней, когда Юлиан прощается с ней навсегда, остаются в памяти главного героя навсегда. В течение всего романа образ человеческой жизни предстаёт страданием, которое возникает из-за конфликта начал – телесного и духовного, одно всегда мешает другому. Христианство в романе описывается как совершенная религия, отвергающая земные страсти и воплощается в невинной красоте умирающей Мирры – юной сестры подруги Юлиана Арсиноей. Она испускает последний вздох под вечерний гимн и никто не замечает, как она перестаёт дышать. «Жизнь и смерть для неё одно и то же: жизнь сливалась с вечностью, как теплота вечера – с ночью свежестью» [4, с. 151].

При этом, Мережковский не соотносит христианство с жизнью. Согласно мнению автора, Христос и жизнь непримиримы. В романе христиане предстают перед нами чрезмерно аскетичными и не принимающими реального мира. Трагический рок Юлиана здесь в том, что ему не приносят удовлетворения ни один из допустимых вариантов выбора. Ни христианство, ни язычество не могут помочь ему в достижении идеалов. Он желает гармонизировать плоть и дух. Чтобы это могло свободно претворяться в обыденной жизни. До провозглашения его Августом Юлием он скрытно исповедует языческую веру, скрываясь под христианской маской. Сбросивши эту маску, он предстаёт как чистый эллин-язычник.

Он видит истину в древней Элладe, желая вернуть её могущество и веселье. При этом сам желает власти над этим. Согласно П. Л. Зайцеву, анализирующему учение о пограничных ситуациях – «ситуациях провала и крушения» К. Ясперса: «Ясперс выделяет четыре пограничных ситуации, обнажающие ненадежность человеческого бытия-в-мире, это борьба, случай, смерть и вина. Итак, испытываемые в ходе конфликтного взаимодействия психофизические состояния могут быть источником этического трансцензуса в пограничной ситуации» [2, с. 25]. Получить власть над пограничной ситуацией невозможно. В архаичном ритуале и греческой трагедии эту власть временно получала маска, христианство же отменяет эллинский ритуализм. Этический трансцензус возможен, но через спасение, а не опьянение жизнью и веселием. Так, например, при беседе с Юлианом поэт Публий Опаттиан пытается объяснить ему, что подобного больше не повторится: «Этого больше никогда не будет, не повторится на земле эта свобода и чистота, и радость жизни – никогда!» [4, с. 62–65].

К смысловой составляющей понятия «язычество» у Мережковского применимы следующие описания: веселье, вожделие, красота, страсть. Ироничные языческие боги являются противоположностью никогда не смеющегося Христа. Хотя по ходу сравнения этих двух верований автор подчеркивает, что смех и веселье тех богов помогает бороться со страхом, в частности со страхом смерти. Нам кажется, что в своем произведении Мережковский более расположен к язычеству, показывая и неизбежность его ухода и то, что мир потерял с этим уходом. Глазами Юлиана он смотрит на язычество как на нечто светлое, наивное, по-детски правильное. А на христиан, как на людей, «слуг Распятого, ненавидящих жизнь, разрушителей всего, что в мире есть светлого и великого» [4, с. 134]. Так Ювентин покидает мать, ожидающую его всю жизнь, желающую, чтобы то остался рядом, способную отдать за это всё, ради служения Христу.

По роману можно предположить, что автор не только связывает и пытается сочетать христианство с язычеством, но и тонко воспроизводит в произведении идею о том, что язычество было «предтечей» христианства. Это прослеживается в первой части романа, где рассказывается об арианской базилике св. Макария, построенной христианами почти полностью из камней разрушенного храма Апполона. Здесь «Сердце мальчика сжималось не от благоговения, а от ужаса перед этой тайной, которую во всю жизнь не суждено ему было разгадать» [4, с. 47].

Сам Юлиан придаётся глубоким размышлениям, занимая многие представления у «презренных галилеян». Он пишет наставления для жрецов, где упоминает об их положении среди народа и об их обязанностях. Юлиан настаивает на их достойном поведении, приказывает им открывать госпитали и гостиницы, разделять с бедными вино и хлеб, на богослужениях вводит пение гимнов, назначает определённые часы для молитв. Его язычество становится похожим на христианство, а христианство становится «терпимой» религией. Это происходит от того, что император, скорее всего, видит истину в гармонии этих двух верований, в согласии плоти язычества и духа христиан. Народ, привыкший знать императора в блеске и роскоши, а в религии приземлённый, материалистический натурализм не понимал Юлиана, представшего в образе кинического философа и аскета. Император предстаёт не просто Отступником, но Антихристом:

«Кто-то из солдат, в передних рядах, произнес так явственно, что Юлиан услышал и вздрогнул:

– Антихрист!» [4, с. 174].

Или же в долгом пути «Им казалось, что сам Антихрист, человек отверженный Богом, завел их нарочно в это проклятое место, чтобы погубить. Иные роптали, поносили вождей, но бессвязно, точно в бреду. Другие тихонько молились и плакали, как больные дети, прося товарищей о куске хлеба, о глотке вина» [4, с. 282].

Роковым моментом для Юлиана послужил поход на персов, он лишил жизни императора. Рядом с умирающим Юлианом в палатке собрались люди, к которым он обратился с последним словом – его друзья и главные военачальники. Здесь перед нами предстаёт человек, что по-философски безмятежно и спокойно принимает неминуемую смерть. Ещё в ответ на слёзы окружающих его в тот момент он заявил, что недостойно оплакивать государя, примирившегося с небом и звёздами.

Таким образом, мы видим, что весь роман основывается на одной проблеме, разрешить которую представляется невозможным. Хотя сам автор, позднее находит единственную и неизменную истину: «Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе... Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину. От раздвоения к соединению – таков мой путь, – и спутник-читатель, если он мне равен в главном – в свободе исканий, – придет к той же истине» [6].

Литература

1. *Ворожейкин И.Е., Кибанова А.Я., Захарова Д.К.* Конфликтология. – М., 2002. – 237 с.
2. *Зайцев П.Л.* Агональный конфликт: Мужские инициационные практики и конфликты в современном мире: монография. – Омск, 2011. – 156 с.
3. *Зайцев П.Л.* «Мужское» в словесных формах культуры: монография. – Омск, 2007. – 216 с.
4. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений в четырёх томах. – Т. 1. – М., 1990. – 591 с.
5. *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. – Харьков; М., 2000. – 328 с.
6. *Михайлов О.Д.* Пленник культуры. О Д. С. Мережковском и его романах. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Христос_и_Антихрист (дата обращения: 05.06.2016).
7. *Федяев Д.М.* Литературные формы приобщения к бытию: монография. – Омск, 1998. – 141 с.

Зверева Юлия Юрьевна

*Омский автобронетанковый инженерный институт,
Россия, г. Омск.
E-mail: the_besti@mail.ru*

НОМО MILITARIUS: ХРОНОТОП КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье анализируется антропологический формат homo militarius, который является результатом процесса альтеризации субъекта в военном бытии. Особое внимание уделяется социокультурному пространству и времени военного бытия как механизмам форматирования homo militarius. Прослеживается трансформация данных механизмов при переходе от классического к современному типу научной рациональности.

Ключевые слова: военное бытие; homo militarius; альтеризация; форматирование.

Yuliya Zvereva

*Omsk Tank-Automotive Engineering Institute,
Russian Federation, Omsk*

НОМО MILITARIUS: CHRONOTOP OF CONSTRUCTING

In article analyses anthropological format homo militarius, which is the result of alterization process of subject in military being. Special attention is paid to socio-cultural area and time of military being as mechanisms of formatting of homo

militarius. Traced the transformation of these mechanisms in the transition from the classical to the modern type of scientific rationality.

Keywords: military being; homo militarius; alterization; formatting.

Homo militarius – это специфический антропологический формат: индивид, индивидуальность и личность, конструируемая в процессе альтеризации под воздействием военного бытия.

Альтеризация (от лат. Alter – «другой») – это процесс становления Другим или био-психо-социо-культурное форматирование [1, с. 35]. Смысл процесса альтеризации в данном случае в том, что попадая в военное бытие, субъект становится Другим в четырех указанных смыслах. В ходе альтеризации он сначала иницируется, а затем преобразуется под определенный стандарт, который, разумеется, не лишен вариативности, но при этом имеет некое инвариантное ядро, образующее формат Homo militarius. В основе такого преобразования заложен известный принцип классической рациональности о тождестве мышления и бытия, который впоследствии был использован марксистами при формулировке принципа обусловленности сознания бытием.

В первом приближении под военным бытием понимается подсистема социального бытия, структуру которой образует военная организация государства. Поскольку военное бытие является подсистемой социального бытия, оно является искусственным (в противоположность природному бытию), а значит, существует и воспроизводится посредством человеческой деятельности. В таком случае, получаем следующее определение: военное бытие – выделенная относительно автономная область социального бытия, которая организуется и поддерживается в пределах осуществления воинской деятельности. При этом, воинская деятельность – это целесообразная деятельность людей в области военного дела, включающая в себя деятельность в мирное и военное время, направленную на обеспечение государственной безопасности. Таким образом, военное бытие и деятельность homo militarius находятся в отношениях диалектического взаимопорождения.

Как специфическая онтологическая ниша военное бытие обладает маркерами пространства и времени, которые трансформируются при переходе от обычного к экстраординарному режиму, то есть от мирного характера деятельности в собственно военному. Причем в данном случае значение имеет преимущественно социально-культур-

ный хронотоп, хотя он тесно взаимосвязан с онтологической спецификой других пространственно-временных уровней военного бытия: психологическим, биологическим и физическим.

Под социокультурным хронотопом военного бытия будем понимать совокупность пространственно-временных условий военной деятельности, наделяемых военными смыслами, которые целенаправленно организуются для ее оптимизации и наиболее эффективного осуществления.

Таким образом, в контексте военного бытия пространство и время выступают инструментами конструирования *homo militarius*, составляющими механизм альтеризации.

Этот механизм достаточно тщательно был проанализирован Мишелем Фуко в его книге «Надзирать и наказывать» [2]. В этой работе он проводит аналогию формирования комплекса пенитенциарных заведений в Европе периода Нового времени и Просвещения. Хронологически процесс массового производства *Homo militarius* относится к Новому времени и в полной мере несет на себе отпечаток научно-технических достижений и в целом образа классической науки того периода, базой которых стали достижения механики и оптики, прежде всего, изобретение машины, массовая индустриализация и появление нового типа городов. По мнению М. Фуко, этот период можно считать веком своеобразной антропологической мутации, осуществляемой под воздействием и контролем властных структур, которые он называет «фабрикацией личностей» [2].

В городской среде нового типа пенитенциарные заведения, как правило, выносятся в буферную зону. Это касается, в частности, традиции строительства военных городков. Изоляционизм – один из наиболее важных пространственно-временных принципов формирования субъектов, на основе которого формируются следующие характеристики.

Социокультурное пространство военного бытия унифицировано, заполнено без пробелов, полезно, эффективно, телесно, замкнуто, ограничено, монотонно, просматриваемо, обезличено. В социокультурном хронотопе характеристики пространства дополняются следующими параметрами времени. Время так же должно быть заполнено без пустот, размечено режимностью, ритмично, циклично, ускоряясь в пределе до экстремального.

Экстракт социокультурного хронотопа военного бытия в виде представленных характеристик образует классический нововременной

механизм форматирования *homo militarius*, который может быть представлен в общем виде рядом принципов, таких как материальность, механизация, индивидуализация, сериация, ранговость, нормативность, регистрируемость, контролируемость, регулируемость. Функционирующий в таком виде механизм альтеризации формирует у субъекта качества подчинения, исполнительности, подконтрольности, эффективности, механистичности, бессознательности.

Нововременной формат *homo militarius* соответствуют, с одной стороны, базовым принципам классической рациональности, а с другой стороны, потребностям и уровню развития военной практики тех времен. Во многом они актуальны и до сегодняшнего дня. Данные характеристики *homo militarius* обусловлены особенностями протекания профессиональной деятельности, которая даже в ординарном режиме стремится к экстраординарному. Ее основополагающими характеристиками выступают динамичность, интерактивность, непредсказуемость, высокая эмоциональная и физическая напряженность, экзистенциальность.

Область военной науки и практики исторически является одной из самых авангардных в социальном бытии, прежде всего в техническом отношении. Однако вместе с тем, в других отношениях, в частности, в отношении реформирования механизма альтеризации – одной из самых консервативных.

Характер современных войн, разворачивающихся в контексте постиндустриального общества в эру интенсификации глобализационных процессов, прогресса инновационных и информационных технологий значительно усложняется, в соответствии с усложнением социального бытия и общественно-политических отношений в планетарных масштабах. Объектом воздействия в войнах современного типа являются не столько материальные (телесные) структуры, сколько структуры сознания, а ключевым видом оружия становится информация.

Поскольку изменяется характер ведения войн, совершенствуется и усложняется оружие и техника. Отсюда изменения в требованиях к конечному результату процесса форматирования. В частности, ключевой принцип изоляционизма сегодня актуален в основном в аспекте информационного блокирования.

В целом, можно отметить, что в XX и XXI веке особенно значимыми становятся духовные аспекты альтеризации, связанные с работой с психикой и сознанием *homo militarius*. На практике, в частности,

ужесточаются механизмы фильтрации на этапе интернизации субъектов в военное бытие, которые наряду с физиологическими параметрами, предусматривают процедуры психологического профессионального отбора. Результаты этого отбора позволяют более тщательно работать с индивидуальными особенностями *homo militarius*, что позволяет не просто произвольно помещать его в военное бытие, но определять в соответствии с этими качествами его конкретную хроно-топическую локализацию и осуществлять форматирование на уровне личностных качеств, уделяя большее внимание воспитательному и морально-психологическому воздействию.

Таким образом, конструкт *homo militarius*, являющийся результатом альтеризации в хронотопе военного бытия, можно раскрыть в единстве четырех аспектов. Во-первых, он становится носителем определенного типа телесности как совокупности физиологических качеств, таких как высокие показатели здоровья и жизненной силы, выносливость, тренированность, подтянутость, энергичность и др. Во-вторых, он становится носителем определенных психических качеств, таких как эмоциональные (нервно-психологическая устойчивость), познавательные (аналитичность, внимательность, избирательность и др.), волевые. В-третьих, он становится носителем специфических личностных качеств, таких как ответственность, исполнительность, аккуратность, решительность, выдержка, самообладание, целеустремленность, организованность, пунктуальность, самостоятельность.

В-четвертых, он становится носителем военной культуры: традиций, ритуалов, особенностей коммуникации, ценностей и т. д.

В условиях современного социального бытия механизм альтеризации должен функционировать с учетом актуальных требований к формату *homo militarius* в его военной деятельности, хронотоп которой существенно изменился по сравнению с современным стандартом рациональности.

Литература

1. Синченко Г.Ч. Философско-правовые облики человека. – Омск, 2001. – 240 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Turm/ (дата обращения: 25.05.2016 г.).

Зарипов Максим Юрьевич

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: mm@maxmason.ru*

Степанов Александр Владимирович

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru*

Шуплецова Елена Жановна

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: el-jane@yandex.ru*

ФОТОГРАФИЯ КАК СОКРОВЕННЫЙ ОБЪЕКТ НАШЕГО ДОМА

В статье рассматривается внешняя – открытая и внутренняя – сокрытая сущность фотографии с фокусированием внимания на ее глубинных общечеловеческих ценностях.

Ключевые слова: фотография; сокровенное; дом; жилое пространство.

Maxim Zaripov

*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg*

Alexander Stepanov

*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg*

Elena Shupletsova

*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg*

PHOTO AS THE SECRET OBJECT OF OUR HOME

In this article we observe external – open and internal – secret essence of the foto with focused attention on its deep universal human values.

Keywords: photo; secret; home; living space.

Мы все в глубине души стремимся к тому, чтобы наш дом, наше жилое пространство было не просто «машиной для жилья» и местом «складирования вещей» (хотя и необходимых), а воспринималось нами также и как личный центр нашего духовного бытия, наделенный

сокровенными смыслами и вызывающий аналогичные чувства. Такая постановка проблемы связана с тонкими категориями, находящимися в пространстве гуманистических понятий глубинного порядка, вызывающими такое ощущение реальности, о подобном которому М. Элиаде высказывался: «...человек старался жить, насколько это было возможно, среди священного, в окружении освященных предметов», так как для него священное – это «самая что ни есть реальность... Священное насыщено бытием» [7, с. 18].

Сокровенное в его классическом понимании связано, прежде всего, именно с такими понятиями, как «дух», «духовное», «священное», «сакральное». Место сокровенного – как «вовне», так и «внутри» человека. Двойственность бытия сокровенного – это феномен, позволяющий видеть сокровенное и в синтезе, и в аналитическом разделении, а в целом – «голографически», объемно, разноаспектно.

Если обратиться к «материализованному» модусу сокровенного, его предметно-объектному воплощению в тех или иных формах-талисманах, памятных предметах, святынях и др., то можно увидеть, что среди них фотография занимает свое особое место, которое невозможно связать с образом какого-либо другого объекта (предмета).

Фотография дает такое документально точное представление об объекте, пространстве и времени через фиксацию фрагмента действительности, что становится одновременно отражением реального как сакрального в его единичности, неповторимости, точности, объективности, стремлении к абсолютной правде презентации действительности.

С. Сонтаг характеризует это так: «С помощью фотографии мы прослеживаем самым основательным – и огорчительным – образом, как люди стареют. При взгляде на старую фотографию, свою или какого-то знакомого либо известного человека, которого часто снимали, раньше всего возникает чувство: насколько *моложе* я (он, она) тогда был...Фотографии показывают человека неопровержимо *там* и в определенном возрасте, соединяют людей и вещи в группы, которые через мгновение распались, изменились, двинулись дальше разными дорогами своей судьбы» [4, с. 97].

Свою судьбу и свое особое место фотография занимает и в нашем доме. «Дом собирает и дает возможность сосуществовать разным эпохам, разным поколениям. Дом – он и сам сакральное место, где хранятся всякого рода святыни» [6, с. 21]. Жилое пространство дома является хранителем семейных и культурных традиций, наследуемых от прошлого (память, детство) осуществляемых в настоящем и передаю-

щихся в будущее. Непосредственной опорой человеческого Я, – по мнению С.З. Гончарова, – «выступают родные и дорогие люди, их фотографии...то, что воспринимается личностью как дорогое и сокровенное и с чем она себя идентифицирует» [2, с. 37].

Бытие дома состоит в этом случае из бытия сокровенных для человека предметов (вещей), в том числе, и фотографических снимков, запечатлевших ставшие сакраментальные свидетельства стремительной изменчивости окружающей среды и представляющих в то же время достоверные доказательства произошедших событий, явлений, облика и характеров людей. «Старые фотографии наполняют нашу мысленную картину прошлого, фотографии нынешние превращают настоящее в мысленную картину, как бы в прошлое» [4, с. 117].

С помощью фотографии семья создает свою семейную историю, «свою портретную историю», «...снимками дорожат. Фотографирование становится ритуалом семейной жизни...» [4, с. 19]. Бережно храняемая коллекция фотоизображений свидетельствует о придании им особого качества – сокровенности, которое является носителем глубоких смыслов для членов семьи, определяет духовный вектор их бытия в этом мире.

Предметно-чувственное восприятие фотографических реликвий, святынь, лиц, памятных эпизодов и событий – это то, что насыщает сокровенное пространство дома, делает его особенно значимым для человека.

Уместно дополнить и прокомментировать это стихотворными строками:

Альбом фотографий семейных
Достану из книжного плена.
И в снимках по стилю келейных
Увижу, как все сокровенно:
Родные, любимые лица,
Друзья, незабытые встречи...
Все бережно это хранится.
Все рядом, хотя и далече.

А. Степанов. 2016

Происходящие в пространстве и времени события сами по себе заслуживают фотографирования, но что и как фотографировать, решает человек.

Малларме сказал: «Все на свете существует для того, чтобы попасть в книгу». Перефразируя классика, можно сказать: «Все на свете существует для того, чтобы попасть в фотографию, точнее, в фотолетопись».

Фотография важна для человека как способ сохранения окружающего мира, – той истории, которая была, существовала в реальности. Фотография, как закладка в книге исторической памяти, она точна, честна и сакральна, что делает ее не только способом передачи информации и искусством, но и «новой реальностью», несущей глубинные чувства и смыслы, способной видеть и ощущать прекрасное, притягивать взоры людей, заставляя душу трепетать, возносить ее (душу) к гуманистическому переживанию образа.

Фотография амбивалентна, она сокрывает больше, чем открывает. При всей своей реальности, зафиксировавшей определенный срез момента, она иррациональна и обладает магией, позволяя напомнить мгновения, укрытые потоком времени. При всей своей материальности фотография является вместилищем невидимого – чувств, ощущений, уводящих и углубляющих в воспоминания.

Сокровенным смыслом наполнен тот дом, в котором есть нечто большее, чем функционально-прагматические и эстетическо аранжированные предметы (вещи). Сокровенное прорастает и раскрывается через «одушевленность» предметов, их принадлежность «исходному состоянию целостности», которое раскрывается как *эмоциональное переживание, неотделимое от рационального*, но, в тоже время, имеющее свое единичное сущностное значение. Сокровенное покоится в единичном, неповторимом, в желании познать в обычном необычное, в способности «вслушиваться в сказанное, любоваться невидимым» [3, с. 129].

Приведенные нами смыслы сокровенного (известные в китайской и японской культурах) не противоречат, на наш взгляд, сокровенным смыслам культуры российской, а, напротив, свидетельствуют о полифоничности сакрального, ее единстве и общеловеческой целостности.

В век глобализации, когда проблемы экологии становятся актуальными как никогда, оказалось важным найти формы взаимодействия человека не только с природой и масштабными объектами культуротворческой среды, но и с малыми формами предметного (объектного) мира. Одним из таких значимых «малых объектов» является фотография.

Наше видение сакральности фотографии – это тот вектор рассмотрения пространства и времени в его единичном, неповторимом

(уникальном) воплощении, который наиболее отчетливо и антропологично проявляет себя в отношении человека к окружающему миру.

Фотография в значительной степени идентифицирует не только человека, но и Дом как сакральное пространство, определяет его (Дом) в модусе одной из форм, представляющих тот или иной феноменологический опыт пространства.

По мнению Башляра, дом ведет к непрерывности человеческой жизни, являясь одной из самых мощных сил, интегрирующих человеческие мысли, воспоминания и грезы, которые дают человеку основания или иллюзию стабильности. В нем рассеяны ценности сокровенного, «они не закреплены и подвержены диалектическим превращениям» [1, с. 34].

Диалектическая сущность «фотографии-в-доме» представляет сокровенное «единичное единство семейного быта», но в тоже время, подвергается воздействию того, что П.Я. Чаадаев охарактеризовал как то, что «все исчезает, все течет, не оставляя следов ни во вне, ни в нас» [5, с. 19].

Доминанта «исчезания», «ухода» под воздействием «фотографически-сакрального» в душе человека отступает, а сама душа пытается преодолеть безысходность ситуаций и разрыв с благоприятной перспективой человеческого бытия в этом мире.

Наверное, самый идеальный дом – это дом, «до краев чаши наполненный сокровенными смыслами», или часть этого дома, хранящая в своем пространстве «частицу сокровенного» [6, с. 75].

Каким ему быть – решает человек, но только в своем восхождении к сакраментальным высотам своего бытия.

Литература

1. *Башляр Г.* Избранное: поэтика пространства: перевод с французского. – М., 2004. – 376 с.
2. *Гончаров С.З.* Дух – основа душевного здоровья народа и человека // Вестник института семьи. – Вып. 8. – Екатеринбург, 2015. – С. 35–42.
3. *Коновалова Н.* Основополагающие категории культуры Японии // Искусствознание. – 2009. – № 3–4. – С. 118–135.
4. *Сонтаг С.В.* Платоновой пещере // О фотографии. – М., 2015. – 272 с.
5. *Чаадаев П. Я.* Сочинения/ П. Я. Чаадаев. М., 1989. 656 с.
6. *Шуплецова Е.Ж.* Сокровенное в жилом пространстве современной российской культуры: монография. – Екатеринбург, 2012. – 85 с.
7. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М., 1994. – 144 с.

Головнёва Елена Валентиновна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ (ИДЕИ С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА)¹

В данной работе рассматривается взаимосвязь логики мифа и кино. В качестве материала для анализа выступают исследования Эйзенштейна, посвященные проблеме метода в кино.

Ключевые слова: визуальные образы; кино; мифология; метод; С.М. Эйзенштейн; визуальные исследования.

Elena Golovneva
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University,
Russian Federation, Yekaterinburg.

THE MYTHOLOGICAL NATURE OF CINEMATOGRAPHIC IMAGES (IDEAS OF SERGEY EISENSTEIN)

This work seeks to explore the relationship between logic of the myth and cinema creativity. The analysis based on Eisenstein`s papers with regards to specific method of cinema.

Keywords: visual images; cinema; mythology; method; Sergey Eisenstein; Visual Studies.

Рассуждая о сущности искусства как способности «уводить людей от разумной логики, «погружать» их в чувственное мышление и тем самым вызывать в них эмоционально-чувственный эффект» [3, с. 131], режиссер С.М. Эйзенштейн особое значение уделял кинематографу как средству мощного воздействия на сознание и поведение зрителя. Кино, как писал Эйзенштейн, «по собственной своей *чисто*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-33-01038.

технической природе устроено так, что *чисто механически* работает на искусственное предрасположение зрителя к чувственному мышлению» [3, с. 183]. Основную задачу «интеллектуального кино» Эйзенштейн видел в том, чтобы от более развитого сознания двигаться (вспять) к более ранним его формам.

Кинематограф не просто является «фабрикой грез», производителем мифов, которые «играют роль навязчивого спутника, не прекращающего свою речь даже тогда, когда мы уже разуверились в правдивости его слов» [1, с. 81-82]. Кино создается и существует по законам построения мифа.

Согласно Эйзенштейну, кино способно имплицитно передавать содержание мышления; кино фактически воплощает «мышление образами», что близко к мифомышлению; для кино характерен вербальный язык, который программирует процесс мышления. Подобно мифу, оно ориентировано на подражание эталонным образцам, манипулируя ценностями и создавая иллюзию реальности.

Основным средством, доводящим кино до такой силы воздействия, режиссер считал кадрированность и монтаж.

«Проскакивающие толчками кадрики непрерывно держат наше сознание в достаточной степени подверженным «ритмическому барабану» – с одной стороны, недостаточно для того, чтобы «снять» целиком верхние слои сознания, но, с другой стороны, достаточно для того, чтобы мощно включать область чувственного мышления» [3, с. 188–189].

Монтаж аналогичен природе мифа, поскольку представляет собой «перевод факта, абстрагированного в понятии, обратно в цепь конкретных единичных действий» [3, с. 150]. Именно монтаж, по Эйзенштейну, имеет ключевое значение в процессе «обработки» зрителя, обреченного войти в круг чувственного мышления: «где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную часть, где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму (синэстетика), где внушающее слово заставит его реагировать так, будто свершился самый факт, обозначенный словом (гипнотическое поведение) и т. д.» [3, с. 184-185]

Эйзенштейн одним из первых указывал на прямое соответствие кино и логики мифа.

Подобно мифологическому мышлению, для кадра и монтажа характерна бинарность: изображение – образ, видимое – невидимое, внутреннее – внешнее, общее – единичное.

Как и в мифологическом мышлении, в кино присутствует принцип *pars pro toto* – способность по части иметь ощущение и представление целого. Например, как это выглядит в кадре с пенсне доктора, которое символически замещает самого доктора в знаменитом фильме «Потемкин». Эйзенштейн пишет, что «пенсне, поставленное на место «целого» – врача, не только целиком заполняет его роль и место, но и делает это с громадной чувственной, эмоциональной прибылью интенсивности воздействия, значительно большей, чем при вторичном показе врача в целом» [3, с. 146].

Часть тождественна целому в кино и в таком отношении: «если драматургическая сцена «звучит» в определенном ключе, то и все элементы ее оформления должны звучать в том же ключе» [3, с. 147]. Для иллюстрации своей мысли Эйзенштейн приводит пример из полинезийской практики, имеющей мифологическое обоснование: если какой-либо полинезийской женщине нужно рожать, то является обязательным правилом, чтобы все ворота в селении были раскрыты, все двери – настежь, чтобы все население снимало фартуки, повязки... То есть все сопутствующие детали должны быть оформлены в одном и том же характере, отвечающем основной теме того, что происходит [Там же].

Кинематограф, в соответствии с мифологическим принципом, основан на персонификации общего и материализации невидимого. «В кино показывание становится средством проговаривания непроговариваемого. Визуальное обеспечивает одно из наших первичных средств понимания опыта других людей» [4, р. 5].

Кино свойственен такой прием мифа, как гиперболизация фактов действительности. Образы в кино – мгновенно запоминающиеся, не лишены гротеска. По аналогии с мифом, кинообраз символичен: материальное действие является лишь символом, открывающим другое значение.

Прием метаморфозы (взаимного превращения, перетекания объектов друг в друга), характерный для мифологического мышления, в полной мере обнаруживает себя именно в кино. Кинематографу свойственно «то же скользящее двойственное восприятие сценического действия и как реальности, и как игры» [3, с. 149].

Режиссер уподобляется магу, вводящему зрителя в состояние «кинотранса» и сам переживает состояние кинотворчества (cinematographic creativity), подобно человеку, проходящему обряд инициации. Камера становится «магическим объектом», который «присваивает» снимаемое на киноплёнку режиссером [5, p. 183].

Кино и миф, по сути, ориентированы на решение сходных проблем. Сюда относится: восполнение ограниченности человеческих возможностей, освобождение от страхов перед неведомыми и неконтролируемыми процессами, происходящими в современной культуре. Кино предлагает зрителю новую мифологическую реальность, в которой можно сконструировать приемлемые образы и границы будущего, освобождает от страха перед завтрашним днем, предлагает мнимый «рай» иллюзий [2, с.3].

Эта способность кино, как и мифа, манипулировать сознанием и поведением зрителя, прекрасно была осознана Эйзенштейном. В докладе, сделанном на Творческом совещании в 1935 году, режиссер настаивал на понимании мифологической природы киноформы, указав, что советский кинематограф должен идти «к предельно выразительной и выражающей форме и в предельно скупой и экономной форме выразить то, что нам надо» [3, с. 168].

Сегодня теоретическое наследие С.М. Эйзенштейна относительно природы кино можно считать особенно актуальным в контексте современных рассуждений о роли экранной культуры в процессе формирования и изменения массового сознания. Подход Эйзенштейна великолепно теоретически объясняет масштаб и силу воздействия визуальных образов, их имманентность мышлению человека. Согласно такому взгляду, массовое сознание не только не может избавиться от образов экранной культуры; оно объективно в них нуждается.

Литература

1. Барт Р. Из книги «Мифологии» // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 46–130.
2. Огурчиков П.С. Экранная культура как новая мифология (на примере кино): автореф. ... д-ра культурологии. – М., 2008. – 36 с.
3. Эйзенштейн С.М. Метод. Том первый. Grundproblem. – М., 2002. – 493 с.
4. MacDougall D. The Corporeal Image: Film, Ethnography, and the Senses. – Princeton University Press, 2006. – 312 p.
5. Rouch J. Cine-Ethnography. – University of Minnesota Press, 2003. – 400 p.

Воробьева Мария Владимировна
Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

**КИНЕМАТОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ
«ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВЫХ ФИЛЬМОВ О ВЕНЕЦИИ)**

В статье проанализировано игровое кино за 2000–2010 гг. на предмет выявления стереотипных репрезентаций Венеции. Автор сделал следующие выводы: литература служит для кинематографа источником стереотипов оценки и репрезентации города, а кинематограф выступает инструментом «экономики впечатлений».

Ключевые слова: игровое кино; литература; Венеция; общество потребления; «экономика впечатлений».

Mariya Vorobyova
Ural State University of Economics,
Russian Federation, Yekaterinburg

**CINEMA AS AN INSTRUMENT OF “EXPERIENCE ECONOMY”
(INSPIRED BY MOVIES ABOUT VENICE)**

Analysis of stereotypical representation of Venice in movies of 2000–2010-s is carried out in the present article. The author concludes that literature is the origin of estimation of stereotypes or Venice representation. Cinema can be considered as an instrument of experience economy.

Keywords: fiction movies; literature: Venice; consumer society; experience economy.

Без преувеличения, Венеция – один из наиболее колоритных городов мира, имеющий долгую и богатую событиями историю, к тому же, чрезвычайно популярный у туристов. Во-первых, возникает вопрос о причинах массовой востребованности Венеции. Наверняка они кроются не только в экзотичности места, но также есть дополнительные инструменты привлечения потребительского внимания. Возможно, что в роли одного из подобных инструментов выступает индустрия кино. Во-вторых, представляется плодотворным изучить, как именно позиционируется город в продуктах киноиндустрии, попытаться обна-

ружить связь позиционирования Венеции с экономическим, социальным и культурным контекстами.

Эта статья продолжает исследование стереотипов репрезентации Венеции, предпринятое в отношении массива текстов литературной традиции (поэзии, эссеистики, художественной прозы, драматургии, очерков) и современной массовой литературы (травелогов, любовных, исторических романов, детективов, триллеров) [см. 3; 4]. Сходному анализу подвергнуты произведения зарубежного игрового кино, где Венеция – главное или одно из главных мест действия. Так как посвященных Венеции фильмов достаточно много, исследование ограничено условным периодом – рассматривались киноработы, вышедшие на экран с 2000 по 2010 годы.

Перечень фильмов был следующим: «Хлеб и тюльпаны» (2000 г., реж. С. Сольдини; мелодрама, комедия); «Утро понедельника» (2002 г., реж. О. Иоселиани; мелодрама, комедия); «Темпеста – порочная страсть» (2004 г., реж. Т. Дисней; триллер, драма); «Венецианский купец» (2004 г., реж. М. Редфорд; историческая драма); «Тайный ход» (2004 г., реж. А. Кенович; историческая драма); «Казанова» (2005 г., реж. Л. Халльстрем; историческая мелодрама, комедия, приключения); «Лорд-вор» (2006 г., реж. Р. Клаус; фэнтези, приключения, мелодрама); «Десять зим» (2009 г., реж. В. Мьели; мелодрама); «Турист» (2010 г.; реж. Ф. Х. фон Доннерсмарк; боевик, триллер, мелодрама). Всего изучено 9 фильмов.

Проанализированные фильмы демонстрируют богатый ассортимент жанров, по-разному в зависимости от жанровой специфики преломляющих образ города, хотя в большинстве преобладает мелодраматическая составляющая, задающая определенные рамки восприятия города. Фильмы также содержат ряд стереотипных репрезентаций (репрезентация считалась нами стереотипной, если повторялась в двух и более фильмах).

Стереотипные кинорепрезентации Венеции оказались таковыми:

- 1) повествуемая история – история о туристах, приезжих (7 фильмов);
- 2) Венеция – город-праздник, далекий от рутины повседневности (показ карнавала, маскарада, бала, праздников, вечеринок) (7 фильмов);
- 3) город, где можно встретить любовь / город сексуальных приключений (7 фильмов);
- 4) город авантюры, интриги, слежки, побегов, преследований (6 фильмов);
- 5) город красоты с романтическими узнаваемыми видами (6 фильмов);
- 6) город судьбы, несущий приезжим коренные жизненные перемены (5 фильмов);
- 7) город, куда стремятся приехать,

туристическая Мекка (5 фильмов); 8) город удачи, где легко разрешаются трудности и проблемы (4 фильма); 9) истории о двуличных, продажных, испорченных венецианцах (4 фильма); 10) город смерти, убийств (3 фильма); 11) город-лабиринт, где можно заблудиться, потеряться (2 фильма); 12) город-тюрьма, откуда хотят убежать (2 фильма).

Практически все стереотипные репрезентации присутствуют в исследованных нами текстах массовой литературы и текстах литературной традиции [3, с. 29–31; 4, с. 54–56]. Вероятнее всего, они были заимствованы именно оттуда (в частности, у некоторых фильмов – «Венецианский купец» и «Лорд-вор» – есть литературные первоисточники). Отличаются новизной репрезентации, представляющие Венецию городом, где имеют место авантюры, интриги и связанные с ними слежка, побег с преследованием, а также городом, где удачно разрешаются сложности и проблемы. Репрезентации, повторяющиеся в большей части фильмов (от 5 до 7), скорее позитивны (2–3, 5, 7) и демонстрируют благополучное пребывание туристов в городе. В этом кинофильмы сближаются с травелогами, которые тоже представляют Венецию прежде всего с выгодной стороны. Негативные репрезентации (9–12) попадают в меньшей части фильмов (от 4 до 2) и не влияют радикально на общее представление о городе. Так, вариаций на тему «смерти в Венеции» встречается только в трех фильмах, причем лишь две связаны со смертью центральных персонажей. В конечном счете мы видим, что «средняя» киноистория о Венеции – это мелодраматическая история о приезжих, увидевших красоту города, испытавших там приключения, нашедших любовь и поменявших свою жизнь к лучшему.

Полученные результаты анализа попробуем интерпретировать в русле концепций общества потребления и экономики впечатлений. Эти концепции описывают разные аспекты постиндустриального этапа существования развитых стран и фиксируют изменения, произошедшие в сравнении с предыдущим индустриальным этапом.

Общеизвестно, что для условных членов общества потребления характерна самоидентификация на основании предметов, практик и способов потребления, выработке личного стиля жизни, образа своего «я», их презентации для окружающих через приобретение товаров и потребление услуг [см. 7]. Динамика эволюции общества потребления такова, что существование человека коммодифицируется сильнее – не только товары и традиционно понимаемые услуги являются объектами

потребления, но ими становятся пейзажи, достопримечательности, коммуникация, элементы стилей жизни, развлечения, образовательные активности и т. д.

Говоря о приходе экономики впечатлений, исследователи наравне с углублением коммодификации отмечают затоваренность рынков и всеобщую усталость от обилия похожих товаров и услуг [см. 5]. Усиливается потребность во впечатлениях как объектах потребления. Члены общества потребления начинают посвящать больше свободного времени поиску и обретению новых необычных впечатлений – поэтому зарождается экономика впечатлений. Производство впечатлений постепенно ставится на поток – происходит насыщение товаров и услуг впечатлениями, а традиционно предлагаемые ассортименты впечатлений расширяются (однако существенно, что востребуются сильные впечатления без потрясений, риска и вреда здоровью) [см. 5; 6].

Одной из функций экономики становится формирование, оправдание и удовлетворение желаний. Частная причина тому – товарное и сервисное изобилие, которому надо найти сбыт. Появляется менеджмент желаний и ощущений [см. 1]. В этих условиях культура используется как ресурс для повышения коммерческой стоимости разнообразных продуктов экономики впечатлений, в частности, туристических дестинаций и всех продуктов, так или иначе с ними связанных (книг, фильмов, туристических маршрутов и проч.) [там же]. Одним из механизмов повышения коммерческой стоимости является «навешивание легенд», то есть привязка увлекательной истории к любому товару или услуге, повышающей их востребованность и коммерческую стоимость [см. 5]. Сюжеты для «легенд» обычно предоставляет культурная традиция. «Навешивание легенды» обещает потребителям впечатление от товара или услуги. По сути, обещание впечатлений через «навешивание легенд» – это средство формирования желаний потребителей.

Немаловажно, что фильм производит впечатление как сам по себе, так может одновременно служить прологом к более сильному и непосредственному впечатлению – в нашем случае к визиту в Венецию. Он обещает впечатление за счет «навешивания легенд», то есть создает ожидания от города и путешествия туда. Поскольку имидж Венеции в изученных кинофильмах призывно-позитивен, можно сказать, фильмы таким образом содействуют формированию желаний людей, которые его смотрят. Источником «легенд» для кинематографа служит массовая литература и тексты литературной традиции – проза,

очерки, поэзия, эссеистика, драматургия, содержащие множество разнокачественных стереотипов оценки и репрезентации города. Если судить по изученным нами фильмам, современный кинематограф, в свою очередь – это инструмент экономики впечатлений. Он производит отбор и отсеивает стереотипы репрезентации Венеции, оставляя те, которые сулят наиболее позитивное, сильное и острое впечатление, обещая город-праздник, город любви, город (скорее безобидных) приключений, уводящего от повседневной рутины, город красоты и город судьбы, меняющий (скорее к лучшему) жизнь приезжего.

Литература

1. *Абанкина Т.В.* Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/ekonomika-zhelaniy-v-sovremennoy-civilizacii-dosuga> (дата обращения: 10.05.2016).
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006.
3. *Воробьева М.В.* Венеция – место прямого и символического потребления: стереотипы восприятия, оценки, репрезентации в современных травелогах // Визуальная экология и информационная безопасность современного города: материалы III Всероссийской междисциплинарной конференции. – Екатеринбург, 2014. – С. 28–37.
4. *Воробьева М.В.* Венеция – подвохи, парадоксы, издержки имиджа открытого города // Открытый город: стратегии развития и формы публичности: материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции молодых ученых. – Екатеринбург, 2014. – С. 52–60.
5. *Пайн Дж., Гилмор Дж.* Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. – М., 2005.
6. *Пекар В.* Введение в экономику впечатлений. // Маркетинг и реклама. – 2008. – № 2. – URL: <http://pekar.in.ua/ExperienceEconomics.htm> (дата обращения: 10.05.2016).

Коноплева Нина Алексеевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток.*

E-mail: nika.Konopleva@gmail.com

Федорова Сардана Николаевна

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск.*

E-mail: vip.sardana@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

В современном обществе имидж является базисным элементом привлечения инвесторов. В связи с этим формирование имиджа территории является важной частью развития конкурентоспособности региона в борьбе за предпринимателей и туристов. В статье анализируются ресурсы природного и культурного наследия, формирующие имидж Республики Саха (Якутия) для потенциальных туристов.

Ключевые слова: имидж; природное и культурное наследие; традиционная культура.

Nina Konopleva

*Vladivostok State University of Economics and Service,
Russian Federation, Vladivostok*

Sardana Fedorova

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Russian Federation, Yakutsk*

PECULIARITIES OF SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA) TOURIST IMAGE FORMATION

In the modern society, image is a basic element of investors' attraction. Regarding this, creation of a territory image is an important part of maintaining the region's competitiveness in tourists and businessmen attraction. The article presents analyses of natural and cultural heritage which forms the image of Sakha Republic (Yakutia) for the potential tourists.

Keywords: image; natural and cultural heritage; traditional culture.

Успешность любой территории обусловлена, прежде всего, эффективностью ее образа для позиционирования. Эффективный имидж, бренд и репутация способствуют повышению конкурентоспособности

региона, привлекательности для туристов, предпринимателей и инвесторов.

Происхождение термина имидж от англоязычного слова образ способствует тому, что он (имидж) понимается как «образ», «подобие», «статуя (идол)», «икона» «метафора», так как понятие образ в русском языке имеет широкий круг коннотаций [5]. По мнению В.М. Шепеля понятия имидж и образ не тождественные, имидж является внешним отражением образа. М.А. Шишкина считает, что образ складывается стихийно, а имидж формируется сознательно; причем имидж может существовать относительно независимо от восприятия объекта.

Что же касается имиджа территории, то это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу исторических, природно-климатических, политических, социально-экономических, морально-психологических и других особенностей данной территории [1]. В свою очередь, репутация – объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, сформировавшаяся на основе полученной информации о регионе, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов. Бренд территории – совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые, оригинальные, потребительские характеристики региона и сообщества, получивших общественное признание и известность, пользующихся стабильным спросом потребителей. Бренд региона формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа региона.

Имидж региона основывается, в первую очередь, на территориальной индивидуальности, представляющей комплекс вербальных, визуальных и прочих особенностей, по которым общество определяет территорию. Территориальная индивидуальность содержит характеристики особенностей и ресурсов территории: природных, демографических, исторических, социальных и культурных; экономических, определяемых как уровень развития и особенности экономики; производственной инфраструктуры; трудовых ресурсов; инвестиционного потенциала и инновационных, финансовых ресурсов; уровня деловой активности, степени благоприятствования для бизнеса; организационно-правовых и информационных составляющих [2]. Единого научного понятия «Имидж региона» до настоящего времени не сформировано. Так, А.П. Панкрухин определял его как «...совокупность эмоциональ-

ных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех особенностей территории, собственного опыта, слухов, влияющих на создание определенного образа» Он отмечал, что имидж региона принципиально зависит от его экономики и той роли, которую регион играет в народном хозяйстве, от характера взаимоотношений с федеральными властями и другими центральными учреждениями [4]. В свою очередь И.С. Важенина определяет его как набор ощущений и образных эмоционально окрашенных представлений людей, возникающих по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории [1]. А.В. Попов отмечает, что термин имидж территории в современной науке выражает представление об основных приоритетах внешней и внутренней политики территории, предопределяющих ее экономическую, политическую и социальную перспективу [6]. А.С. Шабунин рассматривает имидж региона в аспекте ряда элементов: «внешних визуальных, туристских, информационных, экономических, инвестиционных, культурных, общественно-политических и социальных, обеспечивающих мгновенное узнавание территории целевой аудиторией и ее настрой на однозначно положительное восприятие региона» [7]. Б.Ю. Эрдынеев считает, что имидж региона это – эффективный инструмент управления социально-пространственными отношениями, с одной стороны, всего населения региона, а с другой – каждого отдельного его члена [8]. Т.Н. Гордеева под территориальным имиджем понимает комплекс свойств, создаваемых заинтересованными субъектами с целью конструирования представлений о территории, вызывающих соответствующие ассоциации, а также оценку территории ключевыми группами [3].

Следует обратить внимание также на определение Е.Я. Яшиной, которая основывает его на необходимости конструирования образа региона: «...региональный имидж – это намеренно сконструированный обобщенный и структурированный в соответствии с целью стратегического развития социально-экономической системы образ, призванный вызвать позитивное представление об объекте и транслируемый на значимые диалоговые аудитории» [9].

Одной из важных составляющих в позиционировании региона в сфере туризма является формирование имиджа территории, его поддержание и продвижение. Построение удачного туристского имиджа оказывает информационное и эмоционально–психологическое

воздействие на туристов, формирует положительный образ региона. В структуре туристского имиджа Республики Саха можно выделить важные группы имидж формирующих факторов, такие как потенциал природного и культурного наследия народов Якутии. Регион является одним из крупнейших в Российской Федерации, расположен в северо-восточной части Сибири. Состоит из 35 административно-территориальных единиц: 34 улусов (районов) и 1 города республиканского значения – Якутска. Улусы, в свою очередь, делятся на наслеги, общее число которых составляет 365, в том числе 31 национальный. Основу природного наследия республики составляют особо охраняемые природные зоны, занимающие 29,4 % всей территории Якутии (908 тыс. кв. км): 2 заповедника, 6 национальных природных парков и более 200 особо охраняемых природных территорий, 1 заказник, 74 ресурсных резерватов, 17 памятников природы, 26 охраняемых озер [10].

Наиболее известным природным наследием в мире является Национальный природный парк «Ленские столбы», представляющий собой останцы выветривания нижнекембрийских отложений, возраст которых составляет 530 млн. лет. Национальный природный парк вошел в список памятников Всемирного природного наследия ЮНЕСКО [11]. Одним из весьма перспективных туристических ресурсов Якутии являются священные горы Кисилых Верхоянского улуса, известные как Северная Шамбала, Земля обетованная, Энергетический Центр Планеты. Название гор Кисилых имеет два смысловых перевода: первый – каменные люди, второй – Духи гор. В последнее время данные природные объекты пользуются наибольшей популярностью среди российских и иностранных туристов и представляют собой уникальный бренд Якутии. Местными туристическими фирмами разработаны туристические маршруты, предлагается широкий спектр услуг. Стоит так же отметить такие уникальные, единственные в мире природно-климатические ресурсы Якутии, как «Полюс Холода», находящийся в Оймяконском улусе, знаменитый тем, что здесь зафиксирована самая низкая температура в мире и Большая Момская наледь Улахан-Тарын. Ширина наледи – 5–7 км, длина – около 40 км, толщина льда достигает 7 м. Улус привлекает приверженцев экстремальных видов туризма. В будущем «Полюс Холода» планируется преобразовать в российский аналог знаменитой деревни Санта Клауса в Лапландии. В данное время в Оймяконе ежегодно проводится традиционный фестиваль «Полюс холода».

Большой имиджевый потенциал имеет и культурное наследие народов Якутии, с которым можно ознакомиться в оленеводческих хозяйствах, в этнографических комплексах «Усадьба Атласовых», «Чочур Муран», «Ямщицкая деревня Еланка», в краеведческих музеях, в музее под открытым небом «Дружба», в национальном празднике «Ысыах», «Бакалдын», «Синилгэн». Очень много экспонатов материальной культуры народов собраны в 355 краеведческих музеях Якутии.

Традиционная культура народов Якутии тесно связана с верованиями и почитанием природы: вера в духов, почитание огня (бытует повсеместное угощение огня), тотемических животных, природных примет, шаманизма. Важным средством выражения идентичности народов являются национальные праздники: Ысыах (у якутов), Бакалдын (у эвенов), а также обрядовые действия: распитие кумыса, употребление национальных блюд, состязания в национальных видах спорта, игра на хомусе, круговые танцы Осуохай, «Дьохар», скачки на лошадях, на оленях, на собачьих упряжках, предметы прикладного искусства: столб-коновязь «сэргэ», деревянный кубок для питья кумыса «чороон» и др. Культура региона позиционируется через такие понятия-символы и культурные формы, как «хапсагай» – национальная спортивная борьба, «мас тардыһыта» – перетягивание палок, национальные настольные игры «хабылык», «хаамыска», птица «кыталык» – стерх, «орто дойду» – срединный мир, «сардаана» – цветок саранка, зимние гадания «танха», «алгыс» – благословение, «кут-сюр» – душа, «айыы» – доброе божество и проч.

Все эти культурные формы и символы народов Якутии могут служить ресурсным потенциалом для формирования территориального имиджа республики. В условиях резко возросшей в последние годы конкуренции на рынке туризма, роль формирования имиджа республики приобретает огромное значение для привлечения российских и зарубежных туристов.

Литература

1. *Важенина И.С.* Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. ... дис. д-ра экон. наук: (08.00.05) – экономика и управление народным хозяйством (маркетинг). – Екатеринбург, 2008. – С. 22.
2. *Важенина И.С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2006. – № 6.

3. *Гордеева Т.И.* Имидж территории: методологические вопросы оценки. – Чита, 2010.
4. *Панкрухин А.П.* Имидж территории, ее бренд и противодействующий маркетинг // Имиджелогия 20008: Имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. – М., 2008.
5. *Панасюк А.Ю.* Имидж. Энциклопедический словарь. – М., 2007. – 768 с.
6. *Попов А.В.* Имидж территориального образования понятийно- терминологическая систематизация проблемного поля // Имиджелогия 20008: Имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. – М., 2008.
7. *Шабунин А.С.* Формирование имиджа региона: теоретические аспекты и перспективы применения (на примере Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областей: дис. канд. полит. наук. – Ярославль, 2006. – 196 с.
8. *Эрдынеев Б.Ю.* Стратегия формирования имиджа региона: Основные принципы и этапы: материалы Восьмого Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е.А. Петровой. – М., 2010. – 306 с.
9. *Яшина Е.З.* Стратегическое управление развитием региональных социально-экономических систем с использованием имиджевого подхода: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Самара, 2006.
10. Основные показатели деятельности туристских фирм. – URL: <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 18.01.2015).
11. Министерство природы Республики Саха (Якутия): сайт. – URL: <http://sakha.gov.ru> (дата обращения: 17.11.2013).
12. *Федорова С.Н.* Историко-культурный туризм на особо-охраняемой природной территории // Политематический сетевой электронный Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 05 (79). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/59.pdf> (дата обращения: 18.01.2015).

Жигунова Марина Александровна
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук,
Россия, г. Омск, г. Новосибирск.
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СТУДЕНТЫ СИБИРИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ¹

В данной статье, используя междисциплинарный подход, исследуется студенчество крупных сибирских городов 2000–2015 годов. Рассматривается их этнический состав, проблемы самосознания и самоопределения (национального, религиозного, регионального, гражданского и др.). Анализируются установки на межэтнические брачные контакты и рождение детей. Выявляются этнокультурные предпочтения учащейся молодежи (любимые праздники, блюда национальной кухни, напитки, пословицы и поговорки). Отдельное внимание уделяется современным верованиям и приметам.

Ключевые слова: город; студенты сибирских университетов; сознание и самоопределение; верования и приметы; этнокультурные предпочтения.

Marina Zhigunova
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian office
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Omsk-Novosibirsk

MODERN STUDENTS OF SIBERIA: FEATURES OF THE PORTRAIT

In this article, using interdisciplinary approach, the students of the large Siberian cities 2000-2015 are investigated. Their ethnic structure, problems of consciousness and self-determination is considered (national, religious, regional). Installations on interethnic marriage contact and the birth of children are analyzed. Ethnocultural preferences of the studying youth (favourite holidays, dishes of ethnic cuisine, drinks, proverbs and sayings) come to light. The separate attention is paid to modern beliefs and signs.

Keywords: city; students of the Siberian universities; consciousness and self-determination; beliefs and signs; ethnocultural preferences.

¹ Работа по данной теме проводится при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-50-00036.

Изучение студенческой молодежи является наиболее интересным и перспективным направлением для социального прогнозирования, поскольку позволяет проследить изменение социального статуса вчерашних школьников, их базовых установок и ценностных ориентаций, набор нормативных характеристик и предпочтений. Это способствует более продуктивному изучению процесса формирования и самоопределения личности, профессионала, полноценного члена общества. Региональный уровень обозначенной тематики даёт возможность наиболее отчетливо выявить специфику, тенденции, проблемы, что является залогом эффективности управленческих решений в сфере молодежной политики. Каждый молодой человек под воздействием социально-психологических факторов и социальных ситуаций формирует свой стиль поведения и образ жизни [2, с. 110]. Анализ феномена повседневности является типичной междисциплинарной проблемой [4, с. 16].

В данной работе автор использовал методики и данные истории, философии, этнологии, социологии, психологии, педагогики, религиоведения. Также привлекались статистические и математические методы, сведения из архивов ЗАГС, департаментов и Министерств образования, Управления федеральной миграционной службы. Представленная работа базируется на исследованиях, проведенных под руководством автора в 2000-2015 годах среди студентов государственных университетов следующих сибирских городов: Барнаула, Кемерово, Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени. Наиболее массовые исследования проводились в Омске и Томске. Опросы проводились среди студентов различных факультетов 1–5 курсов методами анкетирования и интервьюирования. Также использовались личные наблюдения автора и материалы, полученные в результате преподавательской деятельности.

Большую часть студентов каждого из перечисленных ВУЗов составляют абитуриенты из соответствующего областного центра и области. Наряду с ними встречаются представители из различных регионов Сибири и Европейской части России. Заметную часть составляют выходцы из различных бывших республик Советского Союза (прежде всего – Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии, Узбекистана). Постепенно растет количество иностранных студентов. Как отмечают эксперты, с каждым годом все больше молодежи из различных уголков земного шара приезжают учиться в Россию [6]. Не являются исключением и сибирские университеты. Так, например, в 2015 году в Томский госуниверситет поступили 170 человек из стран Дальнего

зарубежья (из них – 30 % граждане КНР, а также – Вьетнама, Германии, Индии, Италии, Словакии и др.). В Омском государственном университете в 2014–2015 годах обучались студенты из 50 стран мира. Все они – выходцы из различных социальных слоев, национальных и национально-смешанных семей.

Комплексное исследование российской молодежи и ее ценностных ориентаций, проведенное в 2007 г. Институтом социологии РАН совместно с Фондом Фридриха Эберта, выделило следующие социокультурные типы: «предприимчивые», «максималисты», «труженики», «семейные», «гедонисты», «карьеристы», «отчаявшиеся», «тщеславные» [1, с. 25]. Среди студентов сибирских университетов встречаются представители каждого из них. Согласно данным наших опросов, со словом «студенты» чаще всего возникают следующие ассоциации: сессия (зачеты, экзамены), молодость, лекции и семинары, зачётка (зачетная книжка), любовь, столовая, практика, дружба, спорт.

В 2000-е гг. существенно увеличивается количество обучаемых студентов в связи с появлением коммерческих наборов. К примеру, в ОмГУ с 2006 г. количество студентов, обучающихся за деньги, впервые превысило количество бюджетников на 29 человек. В последующие годы эта разница увеличивалась и составляла уже от 185 до 991 человека, а в 2010 и 2013 гг. количество коммерческих студентов более, чем в 2 раза, превышало количество бюджетников. Многие признавались, что поступили в ВУЗ лишь потому, что университетский диплом является престижным, но вот учиться и овладевать знаниями, повышать свой образовательный и культурный уровень они не намерены, поскольку «платят за свой диплом деньги». Схожая ситуация прослеживается среди российских студентов в целом [7, с. 194]. Характерной чертой исследуемого периода стало появление легальных платных услуг по написанию рефератов, контрольных, курсовых и дипломных работ, что привело не только к «размыванию» понятия «университетский человек», но и самой университетской культуры.

Большинство опрошенных студентов затруднились четко определить своё социальное происхождение. Это объясняется не только поляризацией российского общества по уровню доходов и появлению все новых социальных слоев, но и тем, что зачастую человек по образованию и происхождению принадлежит к одной страте, а в реальной ситуации существует в другой (например, бывший учитель работает строителем или таксистом). Среди вариантов первичной самоидентификации (ответы на вопрос: «Кем Вы себя считаете прежде всего?»)

наиболее часто встречались следующие: *Homo sapiens*, личность, студент/студентка, россиянин/россиянка. Среди девушек чаще превалирует гендерная идентичность: *девушка, дочь, сестра, любимая, невеста, красавица, умница, молодая мама, «кошка, гуляющая сама по себе»* и др. Среди юношей чаще встречается профессиональная составляющая: *будущий историк /компьютерщик /физик /математик /химик и др.*, а также – *настоящий мужчина, юноша половозрелый* и др. Встречаются варианты религиозного самоопределения: *«православная», «мусульманин», «христианин», «атеист», «буддист», «язычник», «старовер»* и др.

Этнический состав студентов в начале XXI в. отличается существенным многообразием, хотя более 80 % опрошенных считают себя русскими. Довольно часто встречаются представители украинской, немецкой, татарской и казахской национальностей, а также – белорусской, еврейской, чувашской, армянской. Отдельные респонденты отнесли себя к казачеству и чалдонам – исконным группам старожильского населения Сибири. Среди основных критериев этнического самоопределения чаще всего указываются национальная принадлежность родителей и родственников (*«этнические корни»*), а также – язык и культура, территория проживания и личные ощущения (*«чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская»*). Так, например, при опросе 2009 г. молодой человек с монголоидной внешностью и далеко не русской фамилией и именем называет себя русским: *«Я русский по матери, а если по отцу считать себя татарин, это неверно, т.к. я не знаю ни языка, ни обычаев, говорю на русском языке и живу среди русских»*. Иногда принадлежность к русскому народу определяется следующим образом: *«Я родилась и живу в России, говорю на русском языке, – значит, я тоже русская»*.

Территория Сибири относится к зонам активных межэтнических конфликтов. Согласно данным архивов ЗАГС, в 1950–70-е годы в отдельных регионах национально-смешанные семьи составляли до 73 %. Вследствие этого с каждым годом растет число лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую принадлежность (*не знаю, никакой, трудно сказать, много в нас всякой крови намешано*) либо указывающих смешанную и множественную идентичность (*метис, гибрид, полурусок, полукровка, микс, наполовину-русский-наполовину-татарин, русский казах, русская хохлушка; русский таджик с греческим именем; русский немец финского происхождения с польско-украин-*

скими корнями; на 50 % – русская, на 25 % – немка, на 25 % – украинка и др.).

Данные опросов свидетельствуют о том, что в семьях 90 % опрошенных студентов имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего – русской, украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, мордовской, армянской). Также встречаются азербайджанцы, алтайцы, башкиры, буряты, грузины, ингуши, латыши, литовцы, молдаване, ненцы, селькупы, узбеки, хакасы, ханты, шорцы, эстонцы и многие другие. Среди близких родственников сибирских студентов имеются американцы, англичане, африканцы, болгары, греки, итальянцы, китайцы, корейцы, норвежцы, турки, французы, финны, чехи, шведы, японцы и др. Больше половины опрошенных полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения (*«Лишь бы человек был хороший, да любили друг друга»*). В качестве самоопределения национальной/этнической принадлежности все чаще встречается бывший топоним «сибиряк». Причем, сибиряками считают себя не только русские, но и немцы, казахи, татары, армяне, представители других народов, проживающих на территории Сибири [3, с. 164–170].

При определении конфессиональной принадлежности назвали себя атеистами 10 % опрошенных. Многие затруднились ответить на вопрос о своей религиозной принадлежности или ответили: *«Никакой»*, *«Не знаю»*, *«Я нерелигиозен, безразличен»*, *«Не знаю, у моих родителей вера разная»*. На территории Сибири проживают представители различных религий [5]. Более половины ответивших считают себя православными, также встречаются мусульмане, католики, лютеране, протестанты, буддисты, иудеи, евангелисты, баптисты, адвентисты, меннониты, мормоны, неоязычники, кришнаиты и др. Более половины опрошенных признались, что верят в Бога, в существование души и загробного мира (преимущественно – девушки).

О том, что для современных студентов характерна активная жизненная позиция, свидетельствует следующий блок ответов, объединенных верой в себя и свои собственные силы: *«Я верю в себя, в свои собственные силы. Надеяться и верить в кого-то по меньшей мере глупо»*, *«Не Бог чем-то поможет и надо молиться, а самому надо добиваться своим трудом»*, *«Пусть говорят, что от судьбы не уйдешь! Уйдешь, уйдешь, опять таки, стараться надо»*. Наряду с этим, часть студентов верят в необратимость судьбы, поскольку *«так иногда приятно осознавать, что не все в этом мире зависит от тебя»*.

Среди верований молодых людей фиксируются представления политической и социальной направленности: *«Я верю, что будет мир во всем мире»*, *«Верим, в Россию, что она будет великим государством, где правительство будет заботиться о своих гражданах»*, *«Верю в справедливость, надеюсь, что все зло возвращается»*. *«Я верю в своих родителей. Они были для меня всем. Потому что люблю их очень сильно»*, *«Верю, что наша группа в полном составе закончит университет и благополучно устроится в жизни»*.

И юноши, и девушки продолжают верить в настоящую дружбу и любовь, полагают, что *«это одни из главных ценностей в жизни»*. Время обучения в университете зачастую совпадает с созданием семьи. Хотя многие студенты предпочитают совместное проживание без официального оформления отношений. Утрачивается желание иметь многодетную семью: только половина опрошенных планируют рожать детей. Между тем, главной причиной вступления в брак 73 % опрошенных считают любовь. Далее следуют: беременность невесты («по залёту»), регулярный секс, боязнь одиночества и др.

Практически все опрошенные студенты верят в различные приметы. Из них наиболее актуальными являются те, которые непосредственно связаны с учебой и получением хороших отметок в сессионный период. Одна из самых распространенных – подкладывание пятака (пятикопеечной монеты) под пятку или в карман перед тем, как идти на экзамен. Далее по частоте упоминаний следует следующая примета: *«Если студент плохо готов к экзамену и не выучил все билеты, нужно поступить так: В ночь перед экзаменом в 00 час. 00 мин. надо высунуть зачетную книжку в открытом виде из форточки (но лучше выйти на улицу на перекресток) и 3 раза прокричать фразу: «Халява, ловись!» или «Приходи, халява!»*. Затем закрыть зачетную книжку и, как только зашел в аудиторию, необходимо открыть зачетку и тихо прошептать: *«Халява, выходи!»*. Считается, что это действие поможет студенту вытянуть тот билет, который он выучил. Также существует примета, согласно которой перед экзаменом нельзя мыть голову или подстригать волосы перед сессией (*так как знания уходят из головы*). На все экзамены нужно ходить в одной и той же одежде (если успешно в ней сдал первый экзамен, нельзя ее также стирать). Некоторые студенты верят, что перед тем, как взять билет, на экзамене, надо 3 раза хлопнуть в ладоши по обеим коленям. Также существует мнение, что *«зачетную книжку после получения первого зачета никому нельзя показывать пока не закончилась сессия, иначе можно «провалить»*

экзамен». Сохраняется традиционная примета, согласно которой во время экзамена необходимо ругать студента. Наряду с этим, появилась и новая – *«Перед экзаменом положи учебник и конспекты под подушку, получишь пятерку, т.к. все умные изречения и мысли во сне перейдут в голову»*. Повсеместно встречается типичное пожелание удачи: *«Ни пуха, ни пера!»* и соответствующий ответ: *«К чёрту!»*.

Частично сохраняется вера в чудодейственную силу амулетов-оберегов. С этой целью студенты носят крестики, иконки, подковы, различные ювелирные украшения и изображения своего знака зодиака. Одной из новых форм верований являются астрологические прогнозы, которые студенты слушают, читают, а некоторые – даже корректируют свою жизнь и поведение в соответствии с ними.

Таким образом, большинству современных студентов присуще обыденное религиозное сознание – образы, представления, чувства, привычки, традиции, без соответствующих религиозных действий и без включенности в какие-либо религиозные организации. Сознание этого первичного уровня носит ярко выраженный, индивидуально-личностный характер и позитивно-оптимистический настрой: *«Я верю в жизнь, потому что мне нравится жить так, как я живу и уметь получать удовольствие от нее»*.

В различных группах студентов, опрошенных в 2000-е гг., были выявлены их этнокультурные предпочтения. Так, у большинства имеются любимые изречения, значительную часть которых составляют русские народные пословицы и поговорки. Самыми популярными оказались следующие: *«Без труда не вынешь рыбку из пруда»*, *«Кто не рискует – тот не пьёт шампанское»*, *«Не имей сто рублей, а имей сто друзей»*, *«Работа не волк – в лес не убежит»*. Приведенные пословицы свидетельствуют о том, что для ответивших приоритетными чертами характера являются трудолюбие и лень, смелость и активность, дружелюбие и коллективизм, справедливость и любознательность. Часто встречаются заимствованные от других народов, озвученные на латинском, английском, немецком, французском и др. языках, а также – совершенно новые изречения. Как правило, ими становятся крылатые фразы из кинофильмов, радио- и телепередач, литературы: *«Хочешь жить – умей вертеться»*, *«Что наша жизнь – игра»*, *«Если хочешь поработать – ляг, посты и все пройдет»*, *«Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами»* и пр. Среди музыкальных предпочтений чаще всего назывались различные иностранные

группы и исполнители. Очень многие отвечали, что *«не любят русские песни, предпочитают слушать иностранную музыку»*.

Самым любимым праздником для 90 % опрошенных студентов является Новый год. С ним традиционно связываются надежды на лучшее, обновление и начало новой жизни, успешную сдачу зимней сессии, получение подарков. На втором месте следуют дни рождения (*«Всегда интересно, что тебе подарят»*, *«Люблю тортики и всякие сладости»*). Также часто назывались любимыми праздниками: День Победы, День Святого Валентина, 8 марта, Иван Купала, Пасха, Рождество. Среди отдельных ответов: *«Для меня каждый день – праздник»*, *«Не люблю праздники»*, *«Лучший праздник – это успешное завершение сессии»*.

Самым популярным и любимым национальным кушаньем для студентов являются пельмени (русские, сибирские). Далее по частоте упоминаний следуют блины, шашлыки, пироги, плов, манты, борщ, окрошка. Весьма популярны также: бешбармак, гуляш, драники (картофельные оладьи), лагман, пицца, суши и др. Наряду с фруктовыми соками и кофе любимыми напитками являются чай, молоко, какао, минеральная и газированная вода, клюквенный морс. В качестве любимых алкогольных напитков чаще всего называют пиво, за ним следует водка, шампанское, «отвёртка» (водка, разбавленная соком). Упоминаются коньяк, вино, мартини, алкогольные коктейли, виски, текила, sake и др. Встречаются студенты (как юноши, так и девушки), утверждающие, что принципиально не употребляют никаких алкогольных напитков и ведут абсолютно здоровый образ жизни.

Завершая краткий обзор университетской молодежи Сибири, следует отметить, что современное студенчество очень неоднородно и многолико, их самосознание включает целый комплекс различных представлений, суждений, стереотипов, установок и ценностей, детерминированных историческими, географическими, социально-экономическими и другими обстоятельствами. Охватить все его составляющие в одной статье не представляется возможным. Несмотря на наличие отдельных специфических черт, общие характеристики сибирской молодежи в целом, совпадают с общероссийскими. Бесспорно сближает их всех одно: именно от них зависит ближайшее будущее нашей страны.

Литература

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. – Новосибирск, 2014. – 179 с.

2. Будущее России в молодежном сознании: Опыт социально-философского анализа / под ред. Р.А. Зобова и А.А. Козлова. – СПб., 2003. – 160 с.
3. *Жигунова М.А.* Население Сибири: межэтнические контакты и проблемы региональной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность / под ред. М.А. Жигуновой, Е.М. Данченко. – Омск, 2011. – С. 163–179.
4. *Любичанковский С.В.* Критерии и параметры повседневной жизни в историческом исследовании: возможные методологические «ловушки» // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – СПб., 2012. – С. 13–17.
5. Религиозные организации Сибири / сост. П.К. Дашковский, Е.В. Шелепова. – Барнаул, 2013. – 224 с.
6. Российское образование. Федеральный портал. – URL: <http://www.edu.ru/news/eksklyuzivny/uchitsya-v-rossii-vybor-sovremennyh-studentov/> (дата обращения: 21.06.2016 г.).
7. *Швецова В.А.* Особенности профессионального самосознания современных студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16). – С. 194–199.

Жданко Кирилл Евграфович

Омский государственный педагогический университет,

Россия, г. Омск.

E-mail: llirik-zh@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЙ АНАМНЕЗИС ГОРОДА ОМСКА В ТЕАТРАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена философскому осмыслению состояния театра в культуре города Омска, обоснованию креативных возможностей новых театральных форм, форм диалога и коммуникации в рамках современного театра. Театр может быть представлен как форма культурного анамнезиса – восстановления и возвращения утраченных ранее черт. Обретение театром своего места в культуре города требует поиска новых путей развития, одним из которых является обретение большей открытости и интерактивности в вопросе взаимодействия с обществом.

Ключевые слова: душа; анамнезис; культура; городская культура; культурный анамнезис; театр.

CULTURAL ANAMNESIS OF OMSK IN THE THEATRICAL SPHERE

The article is devoted to philosophical understanding of the state theater in the culture of the city of Omsk, the justification of the creative possibilities of new theatrical forms, forms of dialogue and communication in the modern theater. A theatre can be represented as a form of cultural anamnesis – the recovery and return of previously lost features. Finding the theatre of its place in the culture of the city requires a search for new ways of development, one of which is the attainment of greater openness and interactivity in the question of interaction with society.

Keywords: soul; anamnesis; culture; urban culture; cultural anamnesis; theatre.

Человек всегда склонен вспоминать, т. е. мысленно возвращаться к чему-либо в своём прошлом. У Платона была идея об анамнезисе или вспоминании душой созерцаемых ею идей до соединения с телом. Но что есть душа человека? Пожалуй, самым логичным ответом на этот вопрос будет то, что это культура. В какой-то мере это совокупность следов, которые мы оставляем после себя, то, чем увековечиваем свое бытие и факт существования в мире. Если мы примем культуру за душу общества или, на худой конец, за её проявление, то перед нами встает иная проблема, в каких масштабах и на каких уровнях общества душа проявлена? Есть международное общество, общество отдельно взятого государства, городское общество... Душа общества (культура) как понятие многозначно, содержательно дробится на более мелкие определения и *воплощения* внутри себя же. Душа общества выражает себя и в *идеях*, которые организуют душевные проявления в каждом отдельном случае и в отдельной сфере проявления в культуре общества. Возможно, это именно те самые *платоновские эйдосы*?

Среди проблем нашего времени одна из острейших – утрата культуры и культурной памяти и, соответственно, попытка их возврата. Как правило, говоря на эту тему, задевают, прежде всего, самый очевидный ее аспект – трудности общенациональной культуры, чаще всего забывая или отодвигая как второстепенный аспект существование культуры на уровне единичном, например, на уровне городской культуры. Наш город Омск существует не так уж и долго: согласитесь, 300 лет – мгновение в контексте истории человечества, да и на фоне других, древних и древнейших городов, это не такой уж солидный

возраст. Но, несмотря на свою относительную молодость, Омск за эти три века, как говорится, повидал многое, у него была и есть славная история, которой можно гордиться. А еще у него была культура, богатая, в чем-то самобытная, но, к сожалению, во многом не сохраненная и утерянная. Особенно постарался в этом XX век: сначала что-то было сметено идеологическим потоком советской власти, а остальное добито 90-ми годами. Одной из таких потерь для омской культуры можно считать театр, как это ни покажется странным на первый взгляд для города, который имеет в пространстве России и не только России славу театрального города. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что театр является важнейшей частью культуры города Омска. Исчезли многие постановки, одни за старостью лет и исчезнувшей актуальностью, другие по идейным соображениям парохода современности. Да, Омск оставался театральным городом и в советское время, и остаётся таким сейчас. Но театр сегодня и омский театр здесь не исключение, стал неким закрытым миром, в чем-то даже формализованным. Омский театр (мы говорим не об отдельных театрах, а о театре в целом в пространстве городской культуры Омска) постигла участь провинциального театра с заикленным репертуаром. Набор пьес, которые ставятся, невелик. Конечно, были и есть различные интерпретации одного произведения, но суть от этого не меняется. Театр превратился в нечто элитарное, интересное лишь определенному кругу людей и этот круг сужается. У нас есть официальные театры, неплохо финансируемые. Но много театров новых, существующих на энтузиазме самих участников, о которых можно узнать только, если искать их целенаправленно. Город как-то равнодушен к их судьбе, если даже трудно найти просто информацию о том, сколько театров в Омске и что они в данный конкретный момент делают, что и когда ставят, где их можно найти. Попробуйте раздобыть такую информацию в омских СМИ, включая интернет!

Если говорить о нынешнем состоянии театральной сферы в Омске, то его можно охарактеризовать как своего рода *анамнезис*. Происходит процесс вспоминания того, что было утеряно. Среди городской молодежи появился интерес к развитию театра, созданию и распространению его новых жанров. Например, благодаря проекту омского молодежного пространства «Дача Онегина» «Вишневый шкаф» в нашем городе стал популяризироваться почти незнакомый нашему городу как самостоятельный жанр *читки пьес*. Это уникальное и новое для театрального Омска направление, позволяющее, в отличие от традиционного театрального спектакля, увидеть не столько актера, чита-

ющего пьесу и так готовящегося к роли, сколько человека, любящего театр и видящего в нём богатые нереализованные возможности. Прежде всего, возможности включения театра в современную жизнь, реанимации театра как форума для обсуждения самых насущных вопросов. Зритель, пришедший на действие под названием «читка пьесы», не столько оценивает актерские способности людей, читающих перед ним и немного уже разыгрывающих пьесу, сколько наблюдает за самим процессом вживания в образ. Зритель здесь почти участник самого процесса рождения пьесы как театрального события через взаимодействие с чтецами-персонажами, через формирования отношения к персонажу и ситуации, в которую он попал. Зритель как бы заглядывает за персонажа, частично видит и самого чтеца, его отношение к тому, что он читает-разыгрывает. Происходит не только популяризация театра как такового, но и меняется его публичный образ – из закрытого и в какой-то степени профессионально-элитарного театр превращается в доступную для всех заинтересованных лиц площадку творческой самореализации.

Читка пьесы как жанр демократичен: участвуют в этом как профессиональные актёры, режиссеры, так и непрофессионалы, просто любители театра. Уже сам по себе синтез работы профессионалов и любителей на одной сцене является важным и уникальным примером, сближающим театр и общество. Постепенно начинает появляться востребованность со стороны различных публичных заведений в предоставлении дополнительных площадок для деятельности новых театров, обусловленная заинтересованностью владельцев подобных мест в формировании определенного контингента среди своих посетителей. Так, одна из последних по времени читок состоялась в кофейне «Дырявый котел», когда посетители, зашедшие выпить чашечку кофе, присоединялись к публике, пришедшей послушать чтение пьесы современного, пока неизвестного автора. Вполне возможно, что мы можем наблюдать формирование определенного социального запроса и ответа на него в виде эксклюзивной социально-театральной практики. Немаловажно и то, что с каждым годом зрителю все больше и больше становится интересен современный театр, поставленные актуальные вопросы нашей жизни в театральной форме. Проект «Вишнёвый шкаф» ставит задачей обновления театральной жизни города и включения театра в актуальную городскую среду.

За несколько часов до смерти Сократ сказал: «Весь я не умру». Эти слова Платон использовал для объяснения своего учения о бес-

смерти души. Общество нуждается в душе, культура общества подобно душе – она бессмертна пока может вспоминать. Театр есть одна из форм культурного анамнезиса, разнообразие которого в театральной форме реализует как культурный потенциал самого человека, так и той среды, в которой он живёт, в том числе, городской среды.

Романова Варвара Дмитриевна

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: romanovarka@yandex.ru*

Шуплецова Елена Жановна

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: el-jane@yandex.ru*

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается эмоциональная составляющая в восприятии городской среды, которая не имеет четких границ, но находится в сознании жителей города.

Ключевые слова: городское пространство; заброшенные индустриальные сооружения; эмоциональное восприятие; город Омск.

Varvara Romanova

*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg*

Elena Shupletsova,

*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg*

EMOTIONAL ENRICHMENT OF URBAN SPACE

This article contains the emotional features of the urban space perception, which doesn't have the clear boundaries. The city residents have got these emotional features into their mind.

Keywords: urban space; desolate industrial buildings; emotional perception; Omsk city.

Как сегодня воспринимается городское пространство? Как вписываются старые постройки, перед которыми порой бессильны городские ведомства для того, чтобы вдохнуть жизнь в заброшенные индустриальные сооружения – полуразрушенные пятна на облике повседневности – и помочь сохранить их облик?

Сегодня в России все больше внимания уделяется эмоциональному восприятию городского пространства. Общество старается уйти от понимания городской среды, как слаженной инфраструктуры, и задумывается о положительном восприятии окружающего пространства, пространстве эмоциональном, находящимся в нашем сознании.

Одним из действенных на сегодняшний день способов эмоционального обогащения городского пространства является включение старых зданий – живых, исторических свидетельств памяти прошлого (многие из которых стали объектами культурного наследия) – в контекст окружения. Их исторический вид предоставляет неограниченные возможности для самовыражения, максимально взаимодействует с окружающей обстановкой, наполняет его чувственным смыслом. Готовность вовлечь «архитектурные развалины» в жизнь и историю города является крайне положительным фактором, этапом культурного роста, стремления обогатить историю своего города.

На сегодняшний день в городе Омске существует крайне мало примеров оживления не востребуемых объектов, пришедших в упадок, которые бы еще отличались идейным решением, дополняющим образ города, хотя заброшенных построек, пригодных для переоборудования, очень много.

Так, авторам, в рамках выпускной квалификационной работы, предстояло запроектировать офис в одной из заброшенных водонапорных башен города Омска. Вообще, «с водонапорными башнями связано большое количество любопытных историй редевелопмента. По всему миру стоят сотни бывших водокачек, которые перестали работать по прямому назначению просто потому, что изменилась технология подачи воды и мощные насосы сделали их ненужными» [3]. Строительство башен в большинстве городов башни велось с расчетом на века и, несмотря на свою утилитарную функцию, производили эстетическое впечатление своим архитектурно-художественным образом.

На сегодняшний день существует немало примеров восстановления заброшенных башен и их превращение в символ города (хотя в России подобные случаи единичны).

В Зеленоградске (в прошлом – Кранц) водонапорная башня была построена в 1904 году. Только с переходом в частные руки, спустя столетие, в 2006 году, началась ее реконструкция. Пространство верхнего уровня, ранее служившее для размещения резервуара, было отдано под гостиничный съют, из которого открывается потрясающий панорамный вид; тело башни стало арт-пространством музея кошек «Мурариум». Башня со смотровой площадкой, вновь вернувшаяся в «строй», стала главной достопримечательностью города [3].

Водонапорная башня Тулузы, построенная в 1828 году, более полувека обеспечивала водой жителей, но в 1870 г. не выдержала нагрузку и ей на смену пришло новое сооружение. В 1974 г. известный французский фотограф Жан Дьезед предложил организовать в башне Лаган городскую галерею фотографии и разместить в ней постоянную экспозицию [1].

В Гамбурге, в Штерншанцен-парке, в 1910 году возвысилась величественная башня, исполнявшая роль водонапорной вплоть до 1956 года. Красивая и пустующая, внесенная в список исторического наследия и любимая жителями и туристами, она стояла без дела среди зелени парка вплоть до 2005 года. Сейчас башня превратилась в популярный отель «Movenpick», в котором сохранили атмосферу старинной башни – атмосферу тишины и некой тайны, что царила в ней почти сто лет [4].

Итак, для разработки концептуального проекта был выбран объект – заброшенная водонапорная башня, построенная в 1914 г., и находящаяся недалеко от железнодорожного вокзала (ранее – станция «Карлушка»). На заре прошлого века кирпичная башенка выполняла крайне важную функцию, обеспечивая паровозы водой, чтобы тысячи путешественников могли продолжить свой путь. На данный момент объект не эксплуатируется: свою основную функцию башня не выполняет, так как с появлением электропоездов, паровозы стали таким же ненужным атрибутом, как и сами башни [2].

Мы переоборудуем заброшенный объект в бюро путешествий «Туда и обратно» и она послужит новому поколению путешественников. Образ, наиболее полно отражающий главную идею, представился нам в виде исторической метаморфозы: девочка в расшитом платье с куклой в руке стоит на перроне и долго смотрит на новую, только что построенную водонапорную башню из красного кирпича. В ее зеркальных окошках отражается паровоз, и мама зовет скорее войти в вагон, пора отправляться в путь! И пусть это всего лишь акварельный

этиюд прошлого века в офисе нового бюро путешествий, но он является началом истории...

Помещение башни не имеет никакой отделки и состоит из четырех ярусов: высота потолков первого, второго и третьего уровней составляет 3,5 м, высота потолка четвертого уровня составляет 2,6 м. Помещение первого уровня не имеет оконных проемов. Дополнительным нюансом планировки являются круглая кирпичная кладка башни, все уровни на виде сверху имеют форму круга. У каждого уровня есть балки-перекрытия. Второй и последующие уровни имеют по несколько оконных проёмов. Все уровни будут задействованы под помещения офиса.

Перемещение по уровням будет осуществляться с помощью малогабаритного с пневматической системой подъема лифта, находящегося в стволе башни. Стенки лифта – стеклянные, что визуально уменьшает его габариты – немаловажный фактор, так как площадь каждого из уровней равна 24,0 м.кв. Решение занять часть площади подъемником было принято исходя из того, что посетителям и сотрудникам было бы довольно неудобно пользоваться винтовой лестницей, а вынести шахту лифта наружу не представляется возможным, так как мэрия города настаивает на сохранении внешнего облика дореволюционных построек.

На первом уровне расположится информационная зона с рецепцией и зоной отдыха посетителей. Второй уровень башни – рабочее офисное пространство, где менеджеры будут работать с клиентами. На третий уровень поднимаются только сотрудники офиса. Четвертый отведен под небольшое конференц-пространство, совмещенное с кабинетом директора.

Мы не ставили главной целью проекта отразить в интерьере грани между прошлым и настоящим, главной целью, прежде всего, оставалось создание функционального и удобного пространства. Но сочетания фактур, обстановка и предметы мебели, по задумке, создают легкий флёр вокруг посетителя. Обстановка не кричит откровенно о своей минувшей истории, а просто вовлекает нас в поток своих мыслей, и все обычное кажется нам совершенно необыкновенным. Образ старой башенки подчеркивают вычурные кресла и диванчики на первых двух уровнях, необработанная кирпичная кладка. Довольно незамысловатая мебель выполнена из натуральных материалов, столики и стулья из дерева, стеллажи и корзины для мусора из металла; при создании интерьера старались не использовать пластик и синтетику. Ос-

нова нашего образа – как можно меньше искусственности в ожившей спустя век водонапорной башенке.

Дизайн-студии и архитектурные бюро разрабатывают смелые варианты реконструкций для мест с неповторимой историей, для мест, которым грозит снос или медленное разрушение. Этим молодое поколение пытается показать, что трансформируя памятники индустриальной архитектуры, они дополняют прекрасную историю давно забытых мест. И с каждым новым памятным местом город становится обогащённым, с каждым восстановленным памятником архитектуры, будь то фасад театра или старая водонапорная башенка, оживляется история города, повышается его эмоциональное восприятие.

Литература

1. Водонапорная башня Лаган. – URL: <http://parisgid.ru/chateau-d-eau-de-laganne/> (дата обращения: 09.04.2016).
2. В Омске продают архитектурный памятник начала XX века. – URL: [http://omskpress.ru/news/44874/arhitekturny_pamyatnik_nachala_xx_veka_prodayut_v_/](http://omskpress.ru/news/44874/arhitekturny_pamyatnik_nachala_xx_veka_prodayut_v/) (дата обращения: 09.04.2016).
3. Кошки в водонапорной башне. – URL: <http://www.ilikeloft.ru/life-style/muzei-teatry/muzey-koshek-v-vodonapopornoy-bashne-zelenogradska.htm> (дата обращения 09.04.2016).
4. Отель «Movenpick» в Гамбурге. – URL: <http://www.booking.com/hotel/de/movenpick-hamburg.ru.html> (дата обращения: 09.04.2016).

Рыбинских Константин Александрович

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: arxu@list.ru

Брагин Виктор Александрович

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: bragin@usaaa.ru

АРТ-ОБЪЕКТЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ СРЕДОВОЙ ГУМАНИЗАЦИИ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье, исходя из аттрактивной оценки, приводится социо-культурологический анализ оптимизирующих свойств арт-объектов Екатеринбурга, в качестве выводов сделаны предложения по гуманизации урбанизированных пространств крупных городов.

Ключевые слова: арт-объект; аттрактивность; оптимизация; средовая гуманизация; город Екатеринбург; влияние; имидж.

Konstantin Rybinskikh

Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),

Russian Federation, Yekaterinburg

Victor Bragin

Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),

Russian Federation, Yekaterinburg

ART OBJECT AS AN EFFECTIVE WAY OF ENVIRONMENTAL HUMANIZATION CITY OF YEKATERINBURG

This article provides a social and cultural description and the analysis of the existing optimization-based means of art objects of Ekaterinburg on the basis of attractive valuation, there are some proposals an effective spatial humanization of the urbanized mega policies.

Keywords: art object; attractive; optimization; spatial humanization; Yekaterinburg city; influence; image.

Увеличение количества средовых арт-объектов на пространствах крупных городов является устойчивой тенденцией. Как правило, для этого в городах создаются специальные пешеходные зоны, парки, скверы и площади перед торгово-развлекательными и спортивно-

культурными центрами. Под арт-объектом понимается объект, искусственно созданный из различных материалов и предметов с использованием различных современных технологий (например, мультимедийных), и передающий творческую идею творца-автора путем визуального взаимодействия с публикой и рассчитанный на эмоциональную реакцию зрителя [2]. Такие арт-объекты предметной среды города Екатеринбурга появляются в рамках фестивалей современного искусства, таких как «Стенография», «Индустриальная биеннале», а также в качестве самовыражения уличных художников. Арт-объекты разрабатываются и изготавливаются за счет городского бюджета в рамках долгосрочного плана благоустройства, с помощью коммерческого финансирования юридическими лицами, а также на собранные личные средства горожан.

Для каждого городского арт-объекта можно определить различные параметры и характеристики. Это могут быть материалы и технологии изготовления, габаритные размеры, объемно-пространственная структура, тектоничность, ландшафтное, цветовое и графическое решения и т. п.

В рамках этого исследования был сделан акцент на анализе эмоционально-чувственной оценки, а именно на привлекательность арт-объектов, т. е. на их притягательность, красоту и оптимизирующие качества, которые эффективно влияют на создание гуманизированной прилегающей среды и эмоционально-комфортных условий для жителей и гостей города.

Существующие арт-объекты Екатеринбурга можно классифицировать по следующим параметрам: постоянно установленные, временные, мобильные и сезонные. К постоянным арт-объектам можно отнести те, которые были установлены в заранее определенных местах и не зависят от городских событий и времени года. Следовательно, сезонными, временными и мобильными являются арт-объекты, которые устанавливаются в городе на короткое время и по истечению этого времени демонтируются.

Для анализа были выбраны постоянные современные арт-объекты, выполненные в различных жанрах и с помощью разнообразных технологий. В ходе исследования с помощью специально разработанного опросного листа было проведено анкетирование 100 молодых людей, жителей города, в возрасте от 18 до 27 лет. Опрашиваемым предлагалось выбрать знакомые им арт-объекты и, по возможности, написать их местоположение.

В результате были определены несколько наиболее знаковых арт-объектов города Екатеринбурга. К ним следует отнести следующие: «Содружество медведей Бадди», «Барометр настроения», «Красная линия Екатеринбурга», «Страна возможностей», «Смотришь в книгу, видишь фигу», «Голубые глаза», «Абажуры», «Работа», «Пир для незнакомцев»; скульптурный комплекс «Старый Екатеринбург» на улице Вайнера, скульптура «Золотой кратер»; памятники Владимиру Высоцкому, британской группе «The Beatles», Компьютерной клавиатуре, Человеку-невидимке и Любопытству, «Камень Любви»; стена памяти Виктора Цоя и стена старика Букашкина; граффити «Сизифов труд», «Небесная краска», «Сгущенка и суп Campbell's», «Mad About Tea».

Исходя из проведенного опроса, ниже представлен список арт-объектов, расположенный с точки зрения эмоциональной оценки.

1. Памятник британской группе «The Beatles».
2. Арт-объект «Красная линия Екатеринбурга».
3. Памятник Компьютерной клавиатуре.
4. Скульптурный комплекс «Старый Екатеринбург» на улице Вайнера.
5. Арт-объект «Барометр настроения».

Памятник британской группе «The Beatles», расположенный на набережной реки Исеть, был установлен 23 мая 2009 года и является первым в России, который посвящен ливерпульской четверке [5]. Рельефная объемная композиция из силуэтов фигур-участников группы была разработана и изготовлена за счет личных средств, собранных членами уральского «Битлз-клуба». Качественно изготовленный чугунный памятник расположен на фоне кирпичной стены. После установки набережная и территория возле памятника были благоустроены. Пространство этого арт-объекта стало актуальным местом отдыха горожан и привлечения в город туристов.

Арт-объект «Красная линия Екатеринбурга» проходит через центр города и впервые была нанесена по асфальту красной краской шириной 20 сантиметров 18 июня 2011 года. Авторами этого арт-объекта являются социально-активные жители Екатеринбурга. «Красная линия» является пешеходным туристическим маршрутом по историческому центру города, что позволяет, прогуливаясь по современному Екатеринбургу, ознакомиться с наиболее важными и интересными памятниками архитектуры [4]. Для получения дополнительной информации об исторических и архитектурных памятниках туристу потребуется смартфон, имеющий выход в интернет и приложение для сканирования QR-кода. В

целом этот проект оказывает общее гуманизирующее и оптимизирующее действие на пространство центра города.

Памятник Компьютерной клавиатуре был создан в 2005 году по проекту Анатолия Вяткина и реализован при финансовой поддержке компании «Атомстройкомплекс». Продюсером выступило культурное агентство «АртПолитика». Памятник представляет собой увеличенную в 30 раз копию клавиатуры – 104 клавиши, изготовленные из бетона, весом от 100 до 500 кг. Общая площадь проекта составляет 64 кв. м. Несмотря на высокую популярность у горожан и гостей города, проект так и не обрел официального статуса памятника или достопримечательности [6]. Данный арт-объект несет положительные оптимизирующие характеристики за счет своих интерактивных свойств, а именно из-за масштаба памятник часто используют для фотографий или как скамью. Гигантская клавиатура повлияла на творчество горожан, которые генерируют новые идеи, продолжающие субкультурную концепцию арт-объекта. Здесь ежегодно проводятся соревнования по метанию компьютерных мышей. С помощью инициативной группы Компьютерная клавиатура поддерживается в хорошем состоянии.

Улица Вайнера – пешеходная зона в центре Екатеринбурга длиной 1,5 км [8]. На протяжении всей улицы установлены металлические скульптуры, изображающие персонажей старого Екатеринбурга: банкира, коробейника, конюха, первого велосипедиста и т. п. Все они символизируют различные социальные группы, в дореволюционное время обеспечивающие процветание города. У каждого арт-объекта есть своя легенда. Первой, 21 июля 2006 года, была установлена скульптура «Коробейник», представляющая собой мужчину-торговца с подносом, на котором расставлен мелкий товар. Горожане придумали местное поверье, что если загадать желание, положить монетку на поднос и потереть флакон, то оно сбудется [7]. Каждая скульптура этого комплекса является точкой притяжения для горожан и туристов, что увеличивает общий уровень эмоционального фона для горожан.

Интерактивный арт-объект «Барометр настроения» находится напротив входа в кинотеатр «Салют». Объект представляет собой большой вертикальный медный цилиндр, в центре которого расположена стеклянная вставка – конструкция из цветных ламп, загорающаяся в зависимости от настроения горожан [1]. Барометр управляется компьютерной программой, которая «сканирует» настроение горожан, находящихся в данный момент в социальных сетях. Компьютерный алгоритм анализирует символы в социальных сетях и самостоятельно присваива-

ет им статус положительных или отрицательных. Проект был запущен 18 декабря 2012 года агентством партизанской рекламы «СтритАрт» совместно с МБУ «Столица Урала». На тот момент «Барометр настроения» являлся абсолютно уникальным; аналогичные измерители настроения позже появились в Германии и Англии. Например, в Лондоне система видеонаблюдения сканирует на улице улыбки людей и транслирует на экран смайлик с тем или иным настроением [3]. «Барометр настроения» имеет ряд оптимизирующих качеств, так как в нем используются интуитивно понятные значения цветов, что позволяет определить общее «настроение» города. В темное время суток арт-объект выполняет также функцию локального уличного светильника.

Исходя из проведенного анализа пяти наиболее аттрактивных арт-объектов, можно сделать вывод, что молодежная среда Екатеринбурга активно реагирует на контекст мировой субкультуры, а арт-объекты, в свою очередь, формируют полимотивацию поведения городских жителей. Стоит отметить, что большинство арт-объектов несут положительные гуманизирующие качества в урбанизированную среду Екатеринбурга, что создает позитивный эмоциональный фон и повышает в целом имидж города.

Несмотря на все положительное воздействие, эффективность такой оптимизации остается на минимуме, так как плохо налажена связь городских властей и творческого кластера горожан. Ликвидация коммуникационного разрыва позволит изменить в лучшую сторону привлекательность города, сделать эмоциональный имидж более выразительным, а также создать эмоционально-комфортные условия для жителей и гостей города Екатеринбурга.

В качестве выводов данного исследования следует специально отметить пути создания будущих арт-объектов с использованием краудфандинга, то есть путем добровольных коллективных инвестиций личных средств заинтересованных горожан.

При создании новых арт-объектов большее внимание следует уделять применению новейших технологий, влияющих на эмоциональное состояние городских пользователей. К числу таких технологий можно отнести мультимедийные стены-экраны, интерактивный световой дизайн, городскую среду, управляемую через интернет-соцсети.

Литература

1. Арт-объект «Барометр настроения». – URL: <http://kudago.com/ekb/place/art-obekt-barometr-nastroeniya/> (дата обращения: 01.04.2016).

2. Арт-объект. – URL: http://www.mustartgallery.ru/monumental_art/85/ (дата обращения: 01.04.2016).
3. Екатеринбургцам измерили настроение. – URL: <http://rg.ru/2012/12/19/regurfo/barometr-anons.html> (дата обращения: 01.04.2016).
4. Красная линия Екатеринбурга. – URL: http://www.ekbredline.ru/o_proekte (дата обращения: 01.04.2016).
5. Памятник группе «The Beatles». – URL: <http://to-name.ru/historical-events/beatles-monument.htm>. (дата обращения: 01.04.2016).
6. Памятник клавиатуре. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_клавиатуре (дата обращения: 01.04.2016).
7. Скульптура Коробейник. URL: <http://traveli.club/places/rossiya/sverdlovskaya-oblast/ekaterinburg/skulptura-korobeynik.html> (дата обращения: 01.04.2016).
8. Улица Вайнера. – URL: <http://traveli.club/places/rossiya/sverdlovskaya-oblast/ekaterinburg/ulitsa-vaynera.html> (дата обращения: 01.04.2016).

Степанов Александр Владимирович

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru*

Степанова Татьяна Михайловна

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru*

ГЕНЕРАЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО МЕТОДА В ПРОЕКТНО-ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается методологическая проблема взаимодействия ведущих методов освоения и преобразования человеком окружающего мира: художественного, дизайнерского, инженерного и архитектурного. Акцентируется роль архитектурного метода как генерализирующего в системе практик данных методов, дается теоретическое обоснование его интегральной роли в целостном культуротворческом процессе.

Ключевые слова: архитектура; архитектурный метод; деконструктивизм; дизайн; художественный метод; метод дизайна.

Alexander Stepanov
*Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),
Russian Federation, Yekaterinburg.*

Tatyana Stepanova
*Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Russian Federation, Yekaterinburg*

GENERALIZING FUNCTION METHOD IN ARCHITECTURAL DESIGN CONVERTS HUMAN ACTIVITIES

This article discusses the methodological problem of interaction leading development techniques and transform a man of the world: art, design, engineering and architecture. The attention is the role of architecture as a method of generalizing the data practices a system of methods, given a theoretical justification of its integral role in the whole process *kulturotvorcheskoj*.

Keywords: architecture; architectural method; deconstruction; design; artistic method; design method.

Существование и функционирование трех ведущих методов отображения и проектного моделирования окружающей действительности – художественного, дизайнерского, архитектурного – методологически целесообразно и необходимо рассматривать не дискретно (раздельно), а в совокупности, взаимодействии, при этом выявляя их системные связи и специфику. Данный вопрос имеет свою историю, концептуальные решения и выводы в сфере философского и культурологического осмысления городской среды и порождаемых ею феноменов.

Так, например, архитектурный метод (самый системный и технологически сложный) много веков, начиная с древности и заканчивая XIX веком нашей эры, демонстрировал свой генерализирующий потенциал и практику. В начале XXI столетия на доминантность в формировании объектно-предметного мира человека стал претендовать дизайн со своим активным, оперативно проявляющим себя методом. В то же время художественный метод в наши дни отчасти потерял привлекательность, как в своем прикладном значении, так и в целом. Хотя следует оговориться, что, несмотря на некоторую уступку своих многовековых позиций, художественный метод постепенно их возвращает, демонстрируя жизнеспособность и развитие своих практик.

Следует также напомнить, что наряду с художественным, дизайнерским и архитектурным методами начинает конкурентно вторгаться в область образно-предметного формирования действительности чет-

вертый метод – инженерный. Данный метод все активнее выходит за рамки своего привычного функционала, связанного с прагматикой того или иного объекта.

В связи с этим становится актуальной проблема интегральности всех этих методов (художественного, дизайнерского, архитектурного и инженерного) не только в практическом, но и в теоретическом аспекте. Это обусловлено необходимостью системного подхода к окружающему миру, т. е. такого подхода, который может дать целостный взгляд на мироустройство, обозначить перспективу гармонизации всех векторов развития преобразующих сил и возможностей человека.

Если попытаться выделить интегральный фактор, влияющий на ведущие методы преобразования действительности, то на основе аналитического рассмотрения объектно-предметного мира можно сделать вывод о «возвращении» на эту позицию архитектурного метода.

Об этом свидетельствует (как основание) творчество многих современных архитекторов, которое синтезирует в архитектурном объекте идеи художественного, дизайнерского, инженерного направлений. В этом плане характерно, например, творческое кредо Захи Хадид (Заха Мохаммад Хадид, 1950–2016), в котором: начальным (импульсным) моментом позиционируется художественное творчество (супрематизм и др.); периодом «оперативного развития» – дизайн и инженерное творчество; а завершением – именно архитектура. В архитектурном творчестве Хадид (параметризм) нашли органичное синтезированное воплощение все ведущие методы формирования человеком окружающей среды.

Термин *архитектура* употребляется сегодня в самых разных смысловых композициях, а именно: архитектура политики, архитектура экономики, системная архитектура, бизнес-архитектура, техническая архитектура, архитектура платформ, архитектура предприятия, архитектура компьютеров и т. д. и т. п. То есть смысл понятия *архитектура*, традиционно сопряженный со строительством зданий, городов и др. получил активное центробежное векторное развитие почти во всех сегментах социума.

В связи с этим аспектом уместно обратиться к творчеству такого выдающегося философа, как Н.Ф. Федоров, для которого термин архитектура был связующим звеном, объединяющим «три формулы» (термин Федорова): научную, художественную и религиозно-нравственную. У Федорова в понятии архитектура соединились «все искус-

ства», «все науки», «все знания», «все миры» со всеми их средствами, физическими, химическими» [3, с.80].

Характерно, что понятие «трехкатегориальности» жизни присутствует и в трудах К.С. Малевича. Но если у Федорова триада представлена наукой, художественностью и религиозно-нравственной категориями, то у Малевича, это категории религиозная, художественная и Гражданская [2, с.159]. Это сравнение, впрочем, обнаруживает больше сходства, чем различия, что свидетельствует об определенном единстве взгляда философа и художника на жизненную материю.

Тенденция стремления современного архитектурного творчества (например, деконструктивизма) к средовому синтезу, включающему в процессы не только привычные, традиционные предметно-пространственные компоненты и отношения, а расширяющему средовую структуру за счет наполнения её «живописно-скульптурно-литературно-архитектурными компонентами» (Ф. Джонсон, П.Кук, П. Айзенман, Ф. Гери, Р. Коолхаас, Д. Либескинд, Б. Тиуми и др) – это не только усложненная модификация «привычной» среды, но и выход за её ограничения, пределы на основе «дисперсного видения» как составляющих компонентов, так и самой целостной системы, стремящейся к своему архитектурному воплощению на основе «тотального» средового синтеза.

Один из векторов метафорической центричности архитектуры имеет традицию, скажем так, «музыкально-пластического» синтеза. Аналогия архитектуры и музыки стала уже банальностью, но, тем не менее, в ней присутствуют то «мифологическое обобщение» и та метафора, которые несут объективный смысл, позволяющий считать данную аналогию определенным научным понятием. Здесь можно вспомнить и многочисленных авторов-адептов этого «понятия-анalogии»: Гете, Шеллинга, Шлегеля, Герреса, Шинкеля, Brentano и др., включая Ле Корбюзье, который писал: «Архитектура и музыка – сестры, и та и другая создают пропорции во времени и в пространстве... Общим присущи материальное и духовные начала: в музыке мы находим архитектуру. В архитектуре – музыку» [1, с. 20].

Моделируя ряд базовых понятий, представляющих свои теоретические взгляды, русский философ П.А. Флоренский видит архитектурную сущность в следующих модальных параллаксах: архитектурная сущность костного вещества человека (Г. Мейер); жилище, дом как «синтетическое орудие», объединяющее всю совокупность наших орудий – все наше хозяйство; жилище, дом как прообраз тела – дома души [3, с. 158–160].

В совокупности все данные факты, концепции и выводы сообщают нам необходимость и обоснованность видения архитектурного метода, как генерализирующего в целостной проектной деятельности человека.

Литература

1. *Геташвили Н.В.* Ле Корбюзье. – М., 2014. – 71 с.
2. *Малевич К.* Черный квадрат: Статьи. – СПб., 2014. – 288 с.
3. Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993. – 369 с.

Егоров Сергей Борисович

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.*

E-mail: sergeyyegoroff@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ МОДЕЛИ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АЙСЕК

В статье анализируется ценностная модель международной молодежной организации АЙСЕК.

Ключевые слова: волонтерство; молодежная организация; диалог культур; ценности.

Sergey Egorov

*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

ANALYSIS OF THE VALUE MODEL PARTICIPANTS OF THE INTERNATIONAL YOUTH ORGANIZATION AIESEC

The article analyzes the value model of the international youth organization AIESEC.

Keywords: volunteering; youth organization; the dialogue of cultures; values.

Феномен волонтерства включает в себя множество разных аспектов, это и бескорыстное желание помочь, внести свой позитивный вклад в общество, т. е. волонтеры демонстрируют рекомендуемые акты поведения. В массовой культуре существуют различные образы, которые способствуют развитию волонтерства и выступают в качестве

катализатора, приобщают все большее количество людей к альтруистической деятельности. Наряду с этим, появляется все больше волонтерских организаций, где молодые люди могут реализовать свои альтруистические идеи, и одновременно с этим получить конкретный опыт полезный в будущей карьере и жизни. Своей деятельностью волонтеры пытаются изменить мир, воплощая в реальность присущую им ценностную картину. В постмодерне «реальность не объективна, не дана нам, она создаваема, и поэтому условна, конвенциональна, изменяема, модифицируема, нити-знаки можно сплести и в другой узор» [6, с. 104], вследствие этого волонтеры видят возможным изменять мир своими действиями, создавать и реализовывать желаемую действительность. Для понимания того, каким изменениям подвергается общество посредством деятельности волонтерства мы проанализируем ценностную модель международной молодежной организации.

В настоящее время по всему миру насчитывается более 10 000 волонтерских организаций, деятельность которых очень обширна. В том числе, среди них есть не только локальные объединения, но и международные. В данной главе мы осуществим анализ документов международной молодежной и некоммерческой организации AIESEC. AIESEC объединяет студентов и недавних выпускников вузов с целью раскрытия, и развития лидерского и профессионального потенциала молодежи по всему миру и внесения позитивного вклада в развитие общества.

Нельзя обойти вниманием, что сводом определенных корпоративных ценностей и идеалов организации является AIESEC way. Он включает в себя миссию организации («мир и развитие человеческого потенциала»), долгосрочную амбицию («вовлечь и развить каждого молодого человека на земле»), стратегию по достижению целей на ближайшие пять лет, а также ценности организации. Именно на более подробном анализе ценностей хотелось бы сделать акцент при характеристике организации – ведь наличие ценностей, которые определяют ежедневное поведение ее участников, дают возможность молодым людям лучше понять и сформировать свои личные ценностные установки, развить в себе ответственность и предприимчивость, способность принимать собственные решения и позитивно влиять на общество.

К организационным ценностям AIESEC относятся:

1) «Развитие лидерства: Мы вдохновляем людей вокруг собственным примером, своими действиями и достижениями. Берем на себя полную ответственность за развитие других.

2) Целостность: Мы стремимся обеспечить наивысшее качество во всем, что делаем. Через творческий подход и инновации, мы постоянно совершенствуемся.

3) Стремление к совершенству: Мы стремимся обеспечить наивысшее качество во всем, что делаем. Через творческий подход и инновации, мы постоянно совершенствуемся.

4) Ответственность за будущее: Мы понимаем, какое влияние наши действия оказывают на организацию и общество в целом. Принимая решения, мы задумываемся о потребностях будущих поколений.

5) Разнообразие: Мы хотим узнать жизнь в самых разнообразных ее проявлениях и взглянуть на нее с разных точек зрения, существующих в нашей многонациональной среде. Мы уважаем и ценим вклад каждого человека.

6) Удовольствие от работы в организации: Мы наслаждаемся тем, что делаем. Создаем такую атмосферу, в которой приятно находиться и работать» [13].

Особенно эффективным способом является отбор участников на основе ценностей, который позволяет вступить в организацию именно тем, кто разделяет уже существующие ценности AIESEC. Подобная система эффективна, потому как каждый, делает то, во что верит. Можно утверждать, что рекрутинг в организации построен по инициационному типу, когда специфическая направленность деятельности и способы ее реализации позволяют постоянно «выбраковывать» одних и продвигать других. Подробный анализ инициационного механизма функционирования культуры описал в своих работах П.Л. Зайцев [3]. В AIESEC существует сильная корпоративная культура, которая направлена на поддержание неформальной атмосферы внутри коллектива, и которая также способствует укреплению ценностной системы в сознании ее участников, и впоследствии влияющая на эффективность на всех уровнях управления.

В современной культуре происходит переход от общества потребления к обществу переживания. Первым данный термин ввел немецкий социолог Г. Шульце. Согласно его концепции, в наше время происходит глубокий процесс трансформации, связанный с изменением, с одной стороны, наших потребительских мотивов, а с другой стороны – со всей логикой социального поведения. Шульце указывает на смену приоритетов с «внешних» на «внутренние». Раньше при принятии решений, например, при покупке той или иной вещи, люди исходили из чисто функциональных причин или же символических – де-

монстрация собственного статуса. Что же происходит в наше время? По мнению Шульце, для людей на первое место выходят эмоции: «Эмоциональная ориентация – это всеобъемлющая установка, которая лишь частично манифестируется в небольших повседневных радостях, в эмоциях, обнаруживающихся в ходе потребления, но простирается намного дальше» [12, с. 42]. Например, AIESEC был создан опрос YouthSpeak [8], который позволяет понять, к чему стремятся молодые люди, какие сложности есть на их пути, каким они видят мир в будущем. В 2016 году было собрано более 162 000 ответов от молодых людей из 120 стран мира, в том числе — около 3000 ответов из России. Молодые люди указали, что ищут «яркой, осмысленной жизни, вместо статусности и признания». В поисках этой «яркой, осмысленной жизни» молодые люди начинают увлекаться различной социально-активной деятельностью, например, волонтерством. Также в последнее время происходит актуализация различных туристических видов деятельности, у молодых людей на первый план выходит желание путешествовать, причем целью путешествий является поиск новых эмоций и переживаний.

Еще одна специфика AIESEC: организация помогает молодым людям самоопределиться с долгосрочными планами. В определении деятельности AIESEC, существуют понятия «платформа», «потенциал»: «AIESEC – это платформа для молодых людей, позволяющая открыть и реализовать свой лидерский потенциал» [9]. Таким образом, деятельность AIESEC является примером реализации идеи «человеческого капитала». Данное понятие стало известно благодаря «чикагской школе» социологии, а именно Т. Шульцу и Г. Беккеру. По сути, это междисциплинарное понятие, основанное на принятии во внимание человеческого ресурса с точки зрения его компетенций, навыков, уровня здоровья, образования и т. п. Нас больше интересует человеческий капитал с точки зрения его ценности для самого индивида. По одному из расширенных определений «чикагской школы»: «определяет человеческий капитал как навыки, способности и умения человека, которые позволяют ему получать доход (the Penguin Dictionary of Economics, 2004). Позднее это определение было расширено за счет учета нематериальных эффектов: человеческий капитал – это знания, компетенции и свойства, воплощенные в индивидах, которые способствуют созданию личностного, социального и экономического благополучия (OECD, 2001)» [10]. По этому определению мы можем судить о том, что AIESEC выступает организацией, где молодые люди могут

получить навыки для того, чтобы обеспечить себе успешное будущее. AIESEC позиционирует себя именно таким образом, вступая в диалог с потенциальными участниками.

Среди участников организации преобладают представители женского пола, особенно в последние 10 лет. Например, в AIESEC в России (совокупность городов России, где представлена организация) соотношение между мужчинами и женщинами составляет 1/3. Стоит отметить, что мероприятия, проводимые организацией, собирают подобную аудиторию, то есть преимущество женского пола очевидно. Подобная активность молодых девушек и интерес к карьерному росту, участие в различных социальных активностях объяснимы теорией «женского лидерства», и, безусловно, в том числе это связано с последствиями «третьей волны феминизма». «Третья волна феминизма, начало которой связывают с 90-ми годами XX века, представляет собой попытку применить к гендерным исследованиям актуальные философские идеи, в первую очередь идеи постструктурализма, а также постколониальную теорию. Дискуссия здесь строится в основном вокруг понятия идентичности. Ключевая тема для феминисток третьей волны – осознание, что на самом деле вопрос не сводится к тому, что есть женщины, а есть мужчины. Вопрос сводится к попытке понять, как именно эти гендерные роли, мужская и женская, конструируются, как мы становимся мужчинами и женщинами. Что заставляет нас быть мужчиной или женщиной? Здесь же возникает вопрос о том, что могут существовать и другие гендерные роли» [5]. Таким образом, в последние десятилетия женщины становятся на одном уровне с мужчинами по количеству занимаемых руководящих позиций, как в политике, так и в различных областях бизнеса. «Феминизм, как стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества и общественно-политическое движение, это стремление выражающее и направляющее, породил в конце XX в. ситуацию, что может определена как «бунт дочерей» и начало заполнения инициационной фабулы принципиально новым содержанием, находящимся вне пространства дома, церкви, работы и даже материнства» [4, с. 242–243]. Если посмотреть на существующую исследовательскую базу феномена женского лидерства, то здесь стоит выделить Дж. Розенер, сотрудницу Школы менеджеров при Университете шт. Калифорния. В своем исследовании, она акцентирует внимание на специфике развития женских компетенций: «первые женщины-управляющие принимали правила поведения характерные для мужчин, и это приводило их к успеху. Однако вторая

волна женщин руководителей высшего эшелона достигает успеха не путем использования мужского стиля, а создавая и разрабатывая свой специфический «женский стиль» управления. Женщины-управленцы «второго» поколения достигают успеха не вопреки, а благодаря свойствам характера и особенностям поведения, считавшимся прежде «женскими» и недопустимыми в руководителях» [11]. Таким образом, мы можем утверждать, что сейчас уже существуют свои собственные эффективные технологии в управлении людьми со стороны женщин-лидеров. Вернемся к теме женского лидерства в AIESEC, многие методики по управленческим практикам, учитывающие специфику пола используются в организации, потому что AIESEC сотрудничает с уже упомянутой компанией BCG (Boston Consulting Group) в вопросах лидерского образования, перенимая некоторые методики. Соответственно, образовательная база организации помогает достигать определенных успехов молодым девушкам, реализуя их идеи по построению успешной карьеры, что в последнее время становится весьма популярным среди молодых людей.

Основополагающей ценностью в деятельности организации является межкультурная коммуникация. Эта идея лежала в основе становления AIESEC – наладить диалог между странами после Второй Мировой Войны, путем простого диалога и культурными обменов студентов, выдвигая идею возрождения культурного климата, как основную для построения бесконфликтного общества. В наше время, основой чертой успешного лидерства (по мнению AIESEC) является способность «мыслить глобально», то есть признавать всё многообразие культур и принимать решения вне зависимости от каких-либо культурных предрассудков.

Идею «диалога культур» разрабатывали разные философы и культурологи, но мы заострим внимание на работах отечественных философов, а именно М.М. Бахтина и его последователя В.С. Библера. Диалог «позволяет сосуществовать в едином пространстве разным логикам, не приводя их при этом к общему знаменателю. Каждая логика своеобразна и в этой своей единичности приближается к производству искусства, поэтому диалог культур, диалог произведений, диалог логик есть пространство, внутри которого возможно со-бытие» [7, с. 89–90]. Одним из ключевых понятий в философии Бахтина является понятие «другой», личность может понять и оценить себя только в соотношении с другим. Как раз для этой личности культура является «формой само детерминации индивида в горизонте личности, формой

само детерминации нашей жизни, сознания, мышления» [1, с. 289]. Человек в культуре свободен выбирать, каким образом себя позиционировать, то есть выработать идею о самом себе. Однако самоопределение осуществляется посредством диалога с Другим, в ходе которого «Я» наполняет свое бытие смыслом. Библер возводит понятие диалога культур в Абсолют познания [2, с. 299], так как благодаря подобной коммуникации мы можем выстроить свою самость. Именно поэтому AIESEC выстраивает и налаживает диалог как основу своего позитивного вклада в общество. Международные стажировки, где молодые люди получают определенный опыт, улучшают свои навыки лидера, подразумевают под собой идею «диалога культур». Важно отметить, что подобные проекты помогают молодым людям лучше понять себя, главный лозунг подобных проектов «создавай себя, изменяя мир». AIESEC всегда выделял основу лидерства – успешную коммуникацию, то есть грамотный диалог способствует укреплению командного духа, позволяет добиваться совместных результатов, служит основой самопознания личности. На глобальном уровне проходит ряд конференций, собирающий представителей всех стран участниц организации, например, в 2015 году такое мероприятие проходило в Индии, где собралось около 1000 представителей AIESEC со 127 стран. Большое количество секций были направлены на установление партнёрств и долгосрочных отношений в области совместных стажировок и обмена опытом. Таким образом, идея «диалога» и «диалога культур» выступает центральной в сущности организации AIESEC, данная идея пронизывает способы принятия тех или иных ценностей, является катализатором для построения эффективной деятельности своих участников и ведет к воспитанию «глобальных лидеров».

AIESEC является полноценной волонтерской организацией, со своими целями и задачами. Как мы можем видеть, существует четкая идеология, основанная на идеях альтруизма. Как мы можем выделить, в сущности деятельности AIESEC заложены определенные тренды современной культуры, которые являются практиками, для осуществления успешной деятельности и стремлению к реализации своего видения.

Любая волонтерская деятельность не имеет под собой материальной мотивации – ее уровень зависит только от идеи и ценностей, которые она под собой несет. Правильное позиционирование и четкость ценностей может со временем изменить цели вступления в волонтерскую организацию – если ранее это были личные цели, то затем

индивид приобщается к общественной значимости своей работы и хочет развивать уже не только себя, но и вносить вклад в развитие окружающих и мира в целом. AIESEC здесь является примером довольно прогрессивной организации, впитывающей в себя современные тренды, позволяющие ей успешно развиваться. В основе ценностной модели организации лежит идея «диалога культур», пронизывающая процессы, идеологию, структуру организации. Волонтеры AIESEC, сами того не осознавая, развиваются по определенной траектории благодаря насыщенному коммуникативному полю, возникающему в результате глобальности и разнонаправленности AIESEC. Возможно, за счет этого мы можем сделать вывод, что участники AIESEC в дальнейшем готовы и хотят приносить глобальные позитивные изменения благодаря такому концентрированному культурному диалогу.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 445 с.
2. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990. – 440 с.
3. *Зайцев П.Л.* Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты: учеб. пособие по курсу «Феноменология религии». – Омск, 2011. – 268 с.
4. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Ч. 1. Инициация. – Омск, 2015. – 272 с.
5. *Мартынов К.* Что такое феминизм? – URL: <https://postnauka.ru/faq/44150> (дата обращения: 24.05.2016 г.).
6. *Оводова С.Н.* Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 101–104.
7. *Оводова С.Н.* Техники анализа текстов культуры: учеб. пособие. – Омск, 2014. – 108 с.
8. Результаты опроса YouthSpeak в России в 2016. – URL: <http://www.slideshare.net/OksanaLitasova/youthspeak-2016> (дата обращения: 05.06.2016 г.).
9. Сайт AIESEC. – URL: <http://aiesec.ru/about-aiesec/#tab-id-1> (дата обращения: 10.04.2016 год).
10. OECD. The Well being of nations: The role of human and social capital. – Paris: OECD. – 2001. – P. 18.
11. *Rosener J.B.* Ways Women lead // Harvard business rev. – Boston, 1990. – Vol. 68. – № 6. – P. 74–85.
12. *Schulze Gerhard.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2005. 589 S.
13. 6 ценностей AIESEC. – URL: <http://aiesec.ru/about-aiesec/aiesec-values/> (дата обращения: 10.04.2016).

ОСВОЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Степанова Инга Николаевна

Курганский государственный университет,

Россия, г. Курган.

E-mail: inga-stepanova@list.ru

ИНФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ И. ИЛЛИЧА

В статье рассматривается концепция «освобождения от школ» И. Иллича, ее утопические и рациональные идеи.

Ключевые слова: информальное образование; «освобождение от школ»; социальные мифы образования.

Inga Stepanova

Kurgan State University,

Russian Federation, Kurgan

THE INFORMAL EDUCATION IN I. ILLICH'S CONCEPT

The article discusses I. Illich's concept of deschooling society, its utopian and rational ideas.

Keywords: informal education; deschooling society; social myths of education.

В последнее время в литературе широко обсуждается проблема информального образования, даются его определения, классификации по видам и субъектам и т. д. Для примера приведем одно из таких определений, в котором информальное (внеинституциональное) образование трактуют как «индивидуальную познавательную деятельность, сопровождающую повседневную жизнь и не обязательно носящую целенаправленный характер» [3]. Понимаемое таким образом информальное образование существовало еще во времена первобытных бесписьменных обществ. С. Даймонд пишет об образовании в этих обществах следующее: «Обучение в таких обществах включено в социализацию. То есть обучение навыкам и отношениям не рациона-

лизировано функционально в особых институтах, оно проходит внутри сети персональных отношений, основывающейся на парадигме родства» [1, с. 34].

Информальное образование противопоставляется формальному, т. е. институциональному. Те же ученые, которые не связывают информальное образование с родственными отношениями, вводят еще ученичество как гибридную форму образования, которая до сих пор сохранилась в современных примитивных обществах, и имеет множество разновидностей в цивилизованных обществах.

Но большинство исследователей информального образования сегодня рассматривают его как дополнительное по отношению к формальному или как определенный этап непрерывного образования взрослых за пределами институционального образования. Никто из них не ставит вопроса о замене формального институционального образования информальным.

Критика школьного образования началась не сегодня. Например, Р. Декарт предпочел с семнадцати лет самообразование, с помощью книг и социализации; Ж.-Ж. Руссо разработал педагогическую программу свободного воспитания («Эмиль, или О воспитании»), с принципами натуроцентризма и педоцентризма; Л.Н. Толстой организовал обучение крестьянских детей в яснополянской школе, в которой не было уроков, школьного расписания, дисциплины, домашних заданий, а вопросы школьной жизни решались путем школьного самоуправления. Но в XX в. отрицание школьного образования приобрело систематический характер. Его критиками были Э. Фромм, М. Фуко, П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон, Г. Маркузе и другие.

На Западе существует так называемая антипедагогика, которая понимает информальное образование как альтернативу институциональному образованию. Она возникла в конце 60-70 гг., когда «в общественном сознании начинают утверждаться радикально критические оценки состояния и будущего европейской культуры вообще, и системы образования в частности» [4, с. 382]. В широком смысле слова антипедагогика охватывает весьма различные направления и учения: неоруссоизм, молодежная контркультура, «теология освобождения», европейская «критическая педагогика», концепция «освобождения от школ» И. Иллича. На последней хочется остановиться подробнее, поскольку в условиях сегодняшнего существования Интернета и социальных сетей его критические идеи получают определенный позитивный смысл.

В концепции Иллича имеется два аспекта рассмотрения образования и школы: критический и позитивный. Он критикует школу за монополизацию образования; за то, что она «поляризует общество», распределяя людей по социальным ролям; отменяет «все гарантии индивидуальной свободы» учеников: «Учитель-моралист замещает родителей, Бога или государство. Он указывает ученику, что правильно и что неправильно, причем не только в школе, но также и в обществе» [2, с. 53]; стала «мировой религией», раздающей пустые обещания спасения: «выполняет триединую функцию, характерную, как видно из истории, для могущественных церквей. Она является одновременно хранилищем социальных мифов, средством узаконения противоречий, содержащихся в этих мифах, и центром ритуальных действий, воспроизводящих и поддерживающих расхождение между этими мифами и реальностью» [2, с. 59]; воспитывает из молодежи конформистов и способствует воспроизводству социальной системы; представляет манипулятивный социальный институт. В результате автор делает вывод о том, что «школа оказывает антиобразовательное влияние на общество».

Возникает вопрос: почему школьная образовательная система, имеющая столь многие недостатки, пользуется поддержкой государства и населения? Ответ на этот вопрос Иллич ищет в создании школой социальных мифов, которые через пропаганду овладевают сознанием и образом жизни людей. Он выделяет четыре основных социальных мифа. Первый представляет миф о согласованных ценностях. Это основанный на вере миф «бесконечного потребления», согласно которому «процесс производства неизбежно порождает что-то ценное, и поэтому производство обязательно рождает спрос. Школа учит нас, что только обучение порождает учение [2, с. 60]. Второй есть миф об измеряемых ценностях, о том, что личностный рост можно измерить универсальным образом в международном масштабе. Третий – это миф об упакованных ценностях: школа разрабатывает образовательные стандарты, учебные программы, учебные планы и выдает документы об образовании, без которых никто не может трудоустроиться. Четвертый является мифом о постоянном прогрессе: школа втягивает людей в процесс непрерывного образования, превращая всю их жизнь в процесс бесконечного потребления образовательных услуг, представляя «ритуал азартной игры», ставками в которой является продвижение по службе.

Но Иллич не ограничивается критикой школы, а представляет проект новых образовательных систем, составляющих четыре сети.

Во-первых, это служба рекомендации образовательных объектов, которая предлагает такой базовый ресурс для учения как предметы (книги, машины, компьютеры, ботанический сад, музейные экспонаты и т. д.). Финансирование сети «учебных предметов» может быть, согласно идеям Иллича, осуществлено двумя различными способами: выделение государством максимального бюджета с его распределением на все участки этой сети или организация для каждого доступа к «учебным предметам». Во-вторых, служба обмена навыками, занятая поисками людей, которые имеют соответствующие навыки и готовы продемонстрировать их на практике. От этих людей не требуется сертификатов, удостоверяющих их квалификацию. Финансирование их услуг должно производиться через «свободные центры навыков», которым выделяют деньги, или обучающимся выдают «образовательную валюту». В-третьих, служба подбора партнеров, представляющая коммуникационную сеть компьютерных программ, имеющих имена и адреса потенциальных партнеров. Финансирование осуществляется через образовательные ваучеры, выдаваемые ученикам и студентам. В-четвертых, служба рекомендации Старших Преподавателей, создающая справочники адресов независимых педагогов, представляющих профессионалов высокого уровня.

В этой образовательной системе отсутствуют стандарты, программы, учебные планы, школьные дисциплины, опека над детьми, обязательные уроки, документация, сертификаты об образовании. Но есть свободный выбор, личная инициатива обучающихся, их заинтересованность в учении, сосубъектные партнерские отношения всех участников образовательного процесса.

В этой системе, как ее описал Иллич, недостатков не меньше, чем в современной школьной системе. Она неявно предусматривает массовую безработицу учителей и институтских преподавателей или их переквалификацию. Не может исключить бюрократизации и мошенничества со стороны тех служб, которые должны будут организовывать ресурсы для образовательного процесса. Отсутствуют возможности контроля за финансированием образовательных услуг. Неясно, как будет и кем оцениваться профессиональный статус Старших преподавателей. Нет никакой уверенности, что при отсутствии семейного и социального контроля вся молодежь захочет учиться самостоятельно и будет делать это добросовестно. Не объясняется, каким образом будет удостоверяться уровень образовательной подготовки молодежи и сколько лет она будет продолжаться и т. д.

По нашему мнению, предложенный проект является в значительной степени утопическим, но рациональные идеи в нем имеются. К их числу относятся критика закрытой школы, которой является современная школа, воспроизводство ею социального неравенства, особенно в условиях сокращения бюджетного финансирования школы (в том числе и высшей школы) со стороны государства, формирование школой личности как типа прометеевского человека, с потребительской этикой и т. д. Более приемлемым является путь демократизации школы, расширения правовых возможностей общественного контроля за ней, сокращения роли субъективного фактора в аттестации обучающихся.

Хорошим примером движения по этому пути является существование дистанционного обучения в вузах, но оно касается в основном студентов-заочников и не получило широкого распространения. Вместе с тем есть страны, например Израиль, где такая программа осуществляется в масштабах всей страны [5]. Если бы существовала такая государственная программа в России, ее можно было поэтапно внедрять в регионах, охватывая различные виды обучения через специальные центры. Система школьного и вузовского образования нуждается в разбюрократизации, а информальное образование в поддержке со стороны государства (образовательные программы на ТВ, так называемая акция «Ночь музеев», каникулярные лагеря с образовательными программами, молодежные конкурсы и фестивали и т. д.).

Литература

1. *Безрогов В.Г.* Учитель-ученик. Институтция и экзистенция // Человек. – 2006. – № 3. – С. 32–47.
2. *Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир (фрагменты из работ разных лет). – М., 2006. – 160 с.
3. Меморандум непрерывного образования ЕС 2000 г. // Общество «Знание» России [Сайт]. – URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html>.
4. *Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб., 2004. – 520 с.
5. *Gruengard O., Gruengard E.* Technology and alienation: the case of distance learning // Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой междунар. конф.: в 4 т. – Т. 1. – Волгоград, 2007. – С. 168–182.

Тарасова Анжелика Геннадьевна

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: tarasova_angel@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассматриваются инновационные технологии в дизайн-образовании. Цель статьи – краткий анализ и обобщение опыта практики, а также обоснование возможности поиска новых теоретических идей, методологических подходов к процессу построения нового образовательного пространства.

Ключевые слова: мультимедиа; инновационные технологии; педагогическая инновация; взаимодействие и подходы к педагогической деятельности.

Anzhelika Tarasova

Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg),

Russian Federation, Yekaterinburg

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN DESIGN EDUCATION

The article examines innovative technologies in design education. The purpose of the article – a brief analysis and generalization of practice and study the possibility of finding new theoretical ideas and methodological approaches to the process of building a new educational space.

Keywords: multimedia; innovative technologies; pedagogical innovation; interaction and approaches to teaching.

В дизайн-образовании все больше и больше порождает необходимость использование новых технологий, мультимедиа и нетрадиционных материалов, диапазон которых неуклонно расширяется, и учитывается при работе современными дизайнерами.

Нехватка в учебном процессе часов, выделенных этой проблематике, приводит к незавершенности образовательного процесса, и архи сложным становлении молодого дизайнера в арт-процесс.

В создании новых методик и практик преподавания, традиционные техники и материалы, в свою очередь, также нуждаются в переосмыслении педагогов в этой области. Каждый должен учитывать имеющийся опыт, так и использовать инновационные наработки. Поэтому перед нами стоит задача проектирования такого варианта обра-

зования, в котором бы личность воспринимала перемены как норму и не переживала «шока настоящего» [1].

Макетирование – одна из сложных профилирующих дисциплин, которая содержит в себе знания о законах композиции, о пропорциях и масштабности, о законах перспективы, материаловедение, бумагопластики и т. д. И все эти знания необходимо воплотить студентам в своих проектах в виде макета, с учетом изображения на трансформирующуюся плоскостную или объемную форму.

Исходя из этого, хочется все предусмотреть в процессе обучения и получить положительный результат. Для этого необходимо менять устаревшие методики. Чтобы решить все эти задачи в высшей школе, необходимо применять инновационные технологии: модульное обучение, обучение в сотрудничестве, «портфолио студента», метод проектов и т. д. Все этих инновации без технологии мультимедиа трудно представить.

Безусловно, они позволят: расширить информационное пространство; увеличить скорость поиска информации; интенсивность обработки полученных знаний. Тем самым приводит к экономии времени, продуктивности, более высокому качеству обучения. Информационная база становится при этом подлинно развивающей, эффективность бесспорна. Каждое отдельное занятие – это сложная процессуальная система, состоящая из компонентов – этапов. На каждом этапе используются элементы информационно-коммуникативных технологий. Целесообразность их использования объясняется тем, что появляется возможность достичь тех результатов обучения, какие нельзя получить без применения этой технологии, как пишет И.В. Роберт [2].

Задача современного обучения – формировать у студентов быть успешным, способным действовать и в условиях динамично развивающегося общества. Педагогическая инновация – это изменение практики повышение количественного и качественного обучения. Все занятия построены на визуальном ряде, используя мультимедийное оборудование, что облегчает подготовку педагога к занятиям, где используется часто наглядность. При этом учитывается, что компьютер не может заменить преподавателя, а лишь дополняет визуально.

Таким образом, формы применения компьютера на занятиях по макетированию можно определить как:

- источник информации;
- поддержка преподавателя;
- организация проектной деятельности студентов;

– в качестве инструмента художественной деятельности использование графических программ.

Чтобы занятия были более продуктивными, в его основу положено следующее:

- проведение занятия с мультимедиа выступлением;
- выполнение заданий и самостоятельной работы студентов, повышающих интерес к изучаемой теме с использованием приемов педагогической технологии;
- для получения глубоких знаний и применения полученной информации использование принципа сотворчества преподавателя и студента.

Современные студенты с интересом используют мультимедиа-технологии для поиска материала, открытия нового, исследовательской работы, творческой деятельности, мотивации и эффективного самостоятельного выполнения заданий (проектов). Используя мультимедиа-технологии в качестве информации и инструмента художественной деятельности, студенты показывают высокий уровень самостоятельности. Использование компьютерных технологий в преподавании макетирования очевидно:

- знакомство с новой темой с сопровождением показа проектов, видеофильмов, фото;
- активизация учебного процесса;
- «погружение» в пространство и время;
- самостоятельная работа.

Учить студентов, используя в своей работе новые технологии – возможно. Сегодня жизнь и развитие общества диктует необходимость использовать новые информационные технологии во всех сферах. Интеграция образования дает возможность преподавателю искать новые формы организации учебно-воспитательного процесса, которые позволяют использовать инновационные технологии.

Современная высшая школа не должна отставать от требований времени, так как главная задача высшей школы – воспитать новое поколение грамотных, думающих, умеющих самостоятельно получать знания граждан. А это значит, что сегодня преподавателю уже недостаточно просто применять компьютер на занятиях, необходимо владеть серьезными методиками и технологиями их применения при обучении и воспитании. А это дает новые возможности для роста преподавателя.

Таким образом, с помощью инновационных технологий усиливается информационное взаимодействие между субъектами информационно-коммуникативной предметной среды, результатом которой является формирование более эффективной модели обучения, повышается мотивация к изучению дисциплины Макетирование.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. – М., 2012. – 447 с.
2. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: учебно-методическое пособие / И.В. Роберт, С.В. Панюкова, А.А. Кузнецов, А.Ю. Кравцова; под ред. И.В. Роберт. – М., 2008. – 312 с.

Шалашова Ольга Николаевна
преподаватель высшей категории,
БПОУ «Омский технологический колледж»,
Россия, г. Омск.
E-mail:sholga19610@yandex.ru.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы развития образного мышления людей «творческих» профессий – модельеры, конструкторы, дизайнеры, художники и т. д. Приводятся определения, понятия. Описываются педагогические приёмы развития образного мышления студентов, выбравших «творческие» профессии.

Ключевые слова: мышление; образное мышление; художественно-образное мышление; художественный образ; изобразительная деятельность; изобразительное искусство.

Olga Shalashova
Omsk College of Technology,
Russian Federation, Omsk

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING OF STUDENTS IN LEARNING VISUAL ARTS

The article discusses theoretical and practical issues of development of figurative thinking of the people of creative professions – designers, constructors,

designers, artists etc. definitions, concepts. Describes pedagogical techniques for developing creative thinking of students who have chosen creative profession.

Keywords: thinking; creative thinking; artistic creative thinking; artistic image; visual activity; visual art.

В современных условиях постоянно изменяющегося во всех сферах общества, повышаются требования к уровню развития личности в процессе образования. Овладение профессиональными компетенциями предполагает адаптацию к сложным условиям жизни, возможность успешной самореализации. Все области науки, производства, управления, педагогики и искусства стали остро нуждаться в людях, предрасположенных к творчеству. Педагогические приёмы и методы преподавателей профессионального обучения направлены на такое проектирование и организацию учебного процесса, которое учитывало бы потребность личности в своей неповторимой индивидуальности, духовности, творческого потенциала. В ряду проблем подготовки молодого специалиста к активной социальной и профессиональной жизни выделяется проблема развития его образного мышления как важнейшей характеристики креативности личности. Деятельность человека и в профессиональной, и в социальной жизни креативна, если она включает в себя новые и уникальные подходы к решению возникающих задач.

Искусство обладает огромной преобразующей силой. Через художественное творчество, художник с помощью воображения, впечатлений от действительности, перерабатывает жизненный материал, строит новую реальность, тем самым воздействует на чувства и мысли человека, совершенствует и оттачивает все способности, в том числе и способность к творческой деятельности во всех сферах человеческой деятельности [1]. Педагогическая деятельность преподавателей профессиональной школы направлена на выявление путей развития образного мышления студентов средствами изучения изобразительной деятельности как основы их творческого потенциала.

Цели развития образного мышления личности становятся все более актуальными в контексте утверждения в «обществе проектно-дизайнерской культуры». Дизайнерское проектирование рассматривается в настоящее время как универсальный тип деятельности современной культуры (О.Генисаретский, В.Глазычев и др.). Особое значение оно приобретает в подготовке широкого круга профессионалов, связанных с дизайном. Развитым образным мышлением должны обла-

дать люди «творческих» профессий – модельеры, конструкторы, дизайнеры, художники, и т. д. В своей деятельности они нередко должны представить «и то, что было, и то, что будет, и то, чего никогда не было и не будет». Без образного мышления наше восприятие действительности не было бы столь разносторонним и глубоким. Естественно, что на практике логическое и образное мышление сосуществуют, дополняя друг друга по степени их выраженности для эффективности того или иного вида социальной либо профессиональной деятельности разная.

Мышление дизайнера – синтетическое, т.к. сам дизайн – явление пограничное между прагматической деятельностью, решающей насущные проблемы и созданием объектов, определяющих стиль и образ жизни людей. Дизайн существует на стыке научного и художественного освоения действительности. С одной стороны, дизайнеры создают материальные и виртуальные модели будущих объектов, что объединяет дизайн-процесс с любым проектированием вещей: инженерным, конструкторским. С другой, – образное моделирование реальности роднит дизайн с творчеством «высокого» искусства. Таким образом, развитие образного мышления обучающихся по специальностям «творческих» профессий, является необходимым условием их будущей творческой деятельности.

Практически во всех исследованиях, посвященных вопросу природы образного мышления, говорится о том, что одним из специфических его качеств является двоякая структура, включающая в себя компонент эмоционально-субъективный и объективно-формальный. Эти два аспекта способны влиять на формирование образного мышления людей занимающихся дизайном.

Связь с универсальным творческим мышлением проявляется в области профессиональной «дизайнерской» методики поиска образов. Логическое и чувственное, рациональное и эмоциональное, содержание и форма – на основе их слияния, выраженных специфическими для каждого вида искусства средствами, создаются образы-характеры, образы-события, образы-детали, передающие определенные эстетические идеи и чувства. В этом деятельность дизайнера сравнима с деятельностью художника. Образ включает материал действительности, переработанный творческой фантазией личности, ее отношение к изображенному. Образная мысль многозначна, она богата и глубока по своему значению и смыслу. Сознание дизайнера отличается тем, что он рассматривает создание образа через призму имеющихся в его рас-

поряжении художественных средств. Это предполагает определенный уровень владения грамотой изобразительного искусства как средством воплощения образа, его выразительного решения. Поэтому одним из важнейших факторов, влияющих на развитие образного мышления будущего специалиста, являются не только практические умения, навыки, но и специфика восприятия студентом действительности, согласованного взаимодействия практического опыта, знаний, умений с фантазией, воображением, эмоциональным настроем и эстетической позицией автора. Развитие художественно-образного мышления – это одна из приоритетных задач образовательного процесса по специализации «дизайн», и решается эта задача в процессе обучения на занятиях, связанных с изобразительной деятельностью.

Содержание и организация учебного процесса должны способствовать синтезу знаний, полученных учащимися на занятиях по разным дисциплинам, таким как рисунок, живопись, композиция и др. На занятиях должен использоваться принцип деятельностного подхода, сущность которого состоит в том, что психика человека неразрывно связана и обусловлена его деятельностью, которая понимается как преднамеренная активность человека, проявляемая в процессе его взаимодействия с окружающим миром. С.Л. Рубинштейном был сформулирован принцип единства сознания и деятельности: «Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [6, с. 465]. Ученый считает, что становясь субъектом деятельности, своей жизни, личность приобретает способность саморазвития, самосовершенствования как в индивидуальном, так и в общечеловеческом ценностном отношении. Изобразительная деятельность студентов на занятии должна быть организована таким образом, чтобы она объединяла процесс эмоционального восприятия предметов и явлений окружающего мира с их образным воплощением на основе использования средств художественной выразительности (цвета, линии, формы, контраста, фактуры) и изобразительных материалов и стимулировала мотивацию студентов к самовыражению средствами изобразительного искусства.

Система практических заданий, позволяющих эффективно развивать образное мышление, предполагает выполнение на занятиях различных формальных и не формальных композиций при использовании разных сфер чувств человека, что способствует формированию и разви-

тию образа. Например, это выполнение композиции на заданную тему (времена года, космос, музыка, страна и т. д.). Знание законов композиции и гармонизации, умение применять эти законы на практике играют важную роль для создания творческой работы. Так же важна смелость идей, неожиданность решений. Одним из основных изобразительных средств выражения художественного образа является форма. Простейшие формы пятна – квадрат, треугольник, круг и производные от них – несут в себе ассоциативные образы, идеи и понятия. Цвет в совокупности с формой дает более богатые по своему содержанию образы. В сочетании с формой он позволяет выражать и передавать тончайшие оттенки переживаний, чувств, эмоций, сложные абстрактные понятия и представления. В процессе таких упражнений, как выполнение композиций из геометрических форм с передачей эмоционального состояния – радости, грусти, восторга, печали или передачи идеи добра и зла, студенты решают сразу комплекс задач: это выбор композиционного построения для создания наибольшей выразительности, средств выражения творческой идеи, определение того, какие материалы и инструменты будут использованы. Усложняя задания, можно предложить создать конкретный художественный образ («Снежная королева», «Гладиатор», «Пьеро» и т. д.). Цвет вызывает множество ассоциаций – холодный, теплый, легкий, тяжелый, тихий, громкий и т. п. На этом основаны задания, цель которых не только создать выразительный образ, но и передать собственное отношение, индивидуальную трактовку темы. На пример в творческой работе выразить цветом и формой какой-либо запах, вкус. Более сложны задания – выполнить композиции на темы «Ванильный торт», «Шум дождя», «Полевые цветы» и т. д. Особое упражнение – создание художественного образа на тему музыкального произведения. Задания подобного типа позволяют реализовать творческую индивидуальность каждого студента.

Выявление и развитие художественно-творческого потенциала личности каждого студента является одним из приоритетных направлений современной педагогики. Развитие творчества – сложная и комплексная проблема. Анализ творческих работ студентов показывает, что каждому студенту присущ индивидуальный характер выполнения творческого задания при выполнении одной и той же темы. Все работы выделяются яркой индивидуальной манерой исполнения. Это значит, что приобретается неповторимый, индивидуальный «почерк» художника, который является доказательством развития художественно-образного мышления студентов.

Литература

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика: учебник. – М., 2002. – 511 с.
2. Словарь по искусству и архитектуре. – URL: <http://www.brainart.ru/vocabulary/04/graphika.php> (дата обращения: 08.05.2016).
3. Возрастные и индивидуальные особенности образного мышления учащихся / под ред. И. С. Якиманской. – М., 1989. – 223 с.
4. *Лилов А.Л.* Природа художественного творчества. – М., 1981. – 479 с.
5. *Киященко Н.И.* Эстетика жизни: учеб.пособ. для учащ. лицеев и гимназий: в 3 ч. М., 2000. – Ч. 3. – 320 с.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб., 2000. – URL: <http://www.psylib.org.ua/books/rubin01/index.htm> (дата обращения: 08.05.2016).

Воробьева Лариса Анатольевна

*заместитель директора казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск.
E-mail: bu_ptpk@mail.ru*

Петрова Людмила Анатольевна

*директор казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск.
E-mail: bu_ptpk@mail.ru*

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ДОСТУПНОГО И НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПСИХОЛОГО-МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ С РАННЕГО ВОЗРАСТА В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлено описание организации системы доступного и непрерывного образования и психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья с раннего возраста в Омской области.

Ключевые слова: раннее вмешательство, межведомственное взаимодействие, семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Larisa Vorobyeva

*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

Ludmila Petrova

*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

THE ORGANISATION OF AVAILABLE AND CONTINUES EDUCATION SYSTEM AND PSYCHOLOGICAL MEDICAL SOCIAL AIDE TO CHILDREN WITH LIMITED HEALTH ABILITIES FROM THE EARLY AGE IN OMSK REGION

The article gives the description of the of available and continues education system and psychological medical social aide to children with limited health abilities from the early age in Omsk region.

Keywords: early interference, interdepartment cooperation, family having a children with limited healths abilities thinking, creative thinking, artistic creative thinking, artistic image, visual activity, visual art.

В соответствии с федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, согласно Федеральным государственным образовательным стандартам для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детей-инвалидов основным направлением общего и специального образования является интеграция детей в единое образовательное пространство.

В связи с этим актуальной проблемой становится системная помощь, абилитация и реабилитация детей с ОВЗ и детей-инвалидов на ранних этапах развития. Такая помощь включает как медицинскую поддержку, так и психолого-педагогическое сопровождение.

Раннее вмешательство (прямой перевод англ. «early intervention») – система помощи детям раннего возраста с нарушениями развития или риском появления таких нарушений и их семьям. В программах раннего вмешательства работают педагоги, логопеды, педиатры, неврологи, терапевты, психологи, а также социальные работники.

Ранняя помощь позволяет реализовывать компетентностный подход в содержании обучения детей с ОВЗ как в период дошкольного, так и в период школьного детства. За счет раннего овладения определенными компетенциями в младенчестве и раннем возрасте, у ребенка появится больше возможностей для овладения спектром академических компетенций [2, с. 7].

В Омской области ежегодно проводятся мониторинги численности детей с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста. Результаты проведенных мониторингов представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Численность детей, впервые признанных инвалидами, проживающих в Омской области

<i>Год</i>	<i>Число детей, впервые признанных инвалидами</i>	<i>в том числе мальчиков</i>	<i>в том числе девочек</i>
2012	940	544	396
2013	948	564	384
2014	1026	608	418
2015	926	565	361

Результаты проведенных мониторингов свидетельствуют о необходимости целенаправленной работы по созданию необходимых условий для достижения цели доступного и непрерывного образования каждого ребёнка, в том числе и каждого ребёнка с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста.

На сегодняшний день формирование доступного и непрерывного образования и психолого-медико-социальной помощи детям с ОВЗ с раннего возраста в Омской области находится на этапе поиска наиболее эффективных путей достижения этой цели:

1. С 2012 года открыт Центр ранней помощи в казенном учреждении Омской области «Центр психолого-медико-социального сопровождения», работает лекотека, консультативные центры, группы кратковременного пребывания.

2. Функционирует 3-х уровневая модель психолого-медико-педагогического сопровождения детей с ОВЗ и инвалидностью.

3. Разработано и находится на этапе согласования Соглашение об организации межведомственного взаимодействия в рамках оказания ранней комплексной помощи детям с ОВЗ, проживающим на территории Омской области, между Министерством образования Омской области, Министерством труда и социального развития Омской области, Министерством здравоохранения Омской области на 2016–2020 годы.

4. По инициативе автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и Институт коррекционной педагогики РАО Омская область вошла в число 3-х пилотных регионов Российской Федерации, по реали-

зации проекта «Система доступного и непрерывного образования детей с ОВЗ с раннего возраста».

Особую роль в системе доступного и непрерывного образования детей с ОВЗ раннего возраста играет казенное учреждение Омской области «Центр психолого-медико-социального сопровождения», потому что он выполняет функции научного и методического обеспечения специалистов Омской области, участвующих в проекте.

Участие казенного учреждения Омской области «Центр психолого-медико-социального сопровождения» (КУОО «Центр ПМСС») в системе раннего вмешательства включает следующие этапы:

1. Создание новых направлений в деятельности экспериментальной группы специалистов по разработке и апробации инновационных технологий ранней помощи, включающих родителей в реабилитационный и образовательный процесс.

2. Усовершенствование деятельности ресурсного центра, обеспечивающего научно-методическое сопровождение процессов ранней помощи, разработку и внедрение инновационных технологий психолого-медико-социальной помощи.

3. Обеспечение дальнейшего функционирования пяти структурных подразделений КУОО «Центр ПМСС» в 32 районах Омской области по вопросам ранней помощи.

4. Обеспечение работы поли – профессиональных бригад по раннему вмешательству в рамках эффективного межведомственного взаимодействия.

5. Организацию системного проведения мониторинговых мероприятий по результатам работы.

Важным содержательным компонентом системы раннего вмешательства является комплексная работа с родителями. Психолого-медико-социальная поддержка родителей направлена на преодоление ими стрессовой ситуации рождения «особого» ребёнка, на концентрацию усилий семьи в отношении восстановления здоровья, развития и образования. «Чем раньше с момента появления «особого» ребенка семья получает специализированную помощь, тем благоприятней прогноз успешной социальной адаптации семьи и развития ребенка. Наиболее эффективно раннее вмешательство, когда возраст ребёнка находится на границах 0–3 лет, а специалисты опираются на идеи позитивного подхода» [1, с. 82].

Таким образом, в пределах программы раннего вмешательства необходимо:

- определение потребностей и ресурсов ребенка и семьи;
- формулирование кратковременных и долгосрочных целей;
- определение круга специалистов для реализации реабилитационных и образовательных программ.

Так как ранняя помощь оказывается специалистами различных сфер жизнедеятельности: образования, здравоохранения, социального обеспечения, то нами создана структура межведомственного взаимодействия, представляющая собой описание функций специалистов различных учреждений. Данная структура межведомственного взаимодействия представлена в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Структура межведомственного взаимодействия по организации медико-психолого-социальной помощи ребенку раннего возраста

Учреждения социального обслуживания		
Учреждения здравоохранения Возраст от 0 до 3 лет	Центры ранней диагностики Возраст от 0 до 3 лет	Дошкольные образовательные учреждения возраст от 3 до 7 лет
1. Выявление детей с факторами риска в родильных домах и при детских поликлиниках. 2. Диспансерное наблюдение в поликлиниках участковыми педиатрами. 3. Проведение скринингового обследования детей первого года жизни (каждые три месяца) и последующее наблюдение детей группы риска каждые полгода с участием узких специалистов детской поликлиники и анализом полученных данных на клиничко-экспертных комиссиях.	Проведение дифференциальной диагностики с целью уточнения структуры нарушения, определения коррекционных мероприятий и направлений дальнейшего психолого-педагогического воздействия. Направления проведения диагностики: 1. Консультативное от 0 до 3 лет. 2. Комплексное психолого-медико-педагогическое обследование от 2 до 3 лет.	Осуществление психолого-педагогической коррекции нарушений в развитии с раннего возраста в условиях дошкольных учреждений, групп кратковременного пребывания и в рамках организации домашнего визитирования.
Семья		

Таким образом, система раннего вмешательства в Омской области формируется с 2012 года. Эффективность функционирования данной системы доступного и непрерывного образования и психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями

здоровья с раннего возраста в Омской области определяется следующие количественными характеристиками:

– снижением численности детей с ОВЗ и инвалидностью в дошкольном возрасте;

– увеличением числа детей-инвалидов, обучающихся в общеобразовательных организациях по основным общеобразовательным программам;

– снижением количества социальных сирот из числа детей с ОВЗ и инвалидностью;

– увеличением численности привлеченных негосударственных (немуниципальных) организаций к решению проблемы ранней помощи семье, воспитывающей ребенка с ОВЗ и инвалидностью.

Мониторинги и анализ научно-методической литературы показывает, что численность инвалидов среди детского населения Омской области в 2015 году в сравнении с 2012 годом снизилась на 819 человек и демонстрируют необходимость в системном оказании ранней психолого-медико-социальной помощи.

Первичные пилотажные исследования эффективности реализации данной системы продемонстрировали некоторые позитивные результаты, которые позволили сделать вывод о необходимости её совершенствования по следующим направлениям:

1. Научно-методического сопровождения специалистов, работающих в различных сферах жизнедеятельности.

2. Укрепление межведомственного взаимодействия на основе новой законодательной базы.

Литература

1. Воробьёва Л.А., Гребенникова Н.Б. Организация системы ранней психолого-медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья в Омской области // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (19). – Март. – С. 79–87.
2. Орлова Е.В. Комплексное медико-социальное и психолого-педагогическое сопровождение в системе ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. – Омск, 2014. – 70 с.
3. Раннее вмешательство: методики оценки развития ребенка и работа с семьей: учебно-методическое пособие / под общ. ред. А.В. Старшиновой. – Екатеринбург, 2010. – 180 с.

Серебренникова Татьяна Игоревна
учитель-логопед казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск. E-mail: bu_rtpk@mail.ru

Гуляева Марина Александровна
педагог-психолог казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск. E-mail: bu_rtpk@mail.ru

Шихова Евгения Павловна
педагог-психолог казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск. E-mail: bu_rtpk@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ ЦЕНТРА МЕДИКО-ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ С СЕМЬЯМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В данной статье описывается эксперимент по внедрению инновационных форм работы с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ, не посещающих дошкольное учреждение.

Ключевые слова: инновационные подходы, инновационный опыт, родители, воспитывающие детей с ОВЗ, дошкольное учреждение.

Tatyana Serebrenikova
*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

Marina Gulayeva
*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

Evgeniya Shikova,
*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

THE INNOVATION EXPERIENCE OF WORKING OF THE CENTER OF MEDICAL PSYCHOLOGY SOCIAL ACCOMPANY OF FAMILYS HAVING CHILDREN WHO DO NOT ATTEND PRE-SCHOOL INSTITUTION

The given describes the experiment of introduction of innovation forms of working with parents having children with especial development abilities who do not attend pre-school institutions.

Keywords: innovations approach, innovation experiment (experience), parents having children with especial development, pre-school institution early interference, interdepartment cooperation.

Одна из самых острых проблем современного образования связана с необходимостью оказания комплексной помощи семьям, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья дошкольного возраста. В Омской области наблюдается рост количества детей дошкольного возраста с нарушением в развитии [2, с. 30]. Так в центр медико-психолого-социального сопровождения в 2013 году обратилось 960 семей, в 2014 году – 1221 семья, в 2015 году уже 1836, что свидетельствует о значительном увеличении количества детей, имеющих затруднения в обучении письму и чтению, социализации в обществе.

Преобладающее большинство семей, обратившихся в центр медико-психолого-социального сопровождения, воспитывают ребенка с нарушениями речи и интеллекта. Более 70% таких детей не посещают дошкольные учреждения.

В Центре психолого-медико-социального сопровождения, как правило, обращаются родители детей, имеющие сниженные показатели готовности к систематическому обучению. Это дети, имеющие определенные нарушения и отклонения в состоянии здоровья, к которым относятся: задержка речевого развития, синдром дефицита внимания и гиперактивности, эпилептический синдром, с умственной отсталостью. Для детей с речевыми расстройствами также характерны нарушения общей и мелкой моторики, нарушение ориентации в пространстве. Все это заставляет подходить к коррекционной работе комплексно, включая воздействие группы специалистов: педагога-дефектолога, психолога, логопеда, воспитателя. Большая распространенность нарушений у особых детей вызывает необходимость поиска новых направлений повышения эффективности коррекционного воздействия. Родители и социальное окружение ребенка играют ведущую роль в социальной адаптации и развитии ребёнка. Однако, родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, часто имеют низкий уровень педагогической компетенции, не имеют опыта взаимодействия с особенным ребенком. Поэтому существует необходимость в поиске новых форм работы с родителями. Инновационный опыт с родителями заключается в том, что специалисты КУ «Центр ПМСС» проводят эксперимент по включению родителей в педагогический процесс.

– Развитие речи и познавательных способностей детей осуществляется средствами совместного творческого взаимодействия с родителями (групповая и индивидуальная работа).

– Специалистами центра проводится целенаправленная работа по повышению уровня знаний родителей в области развития, обучения, воспитания ребенка (консультации), а также по формированию ответственного отношения родителей к выполнению рекомендаций специалистов.

– Большое внимание на учебных занятиях уделяется формированию позитивного эмоционального контакта родителей с детьми.

Главной задачей в работе с каждым ребёнком является: повышение уровня речевого развития детей и подготовка их к обучению в дошкольном образовательном учреждении, обучение конструктивным способам взаимодействия со сверстниками [1, с. 51]. Комплексный характер воздействия специалистов состоит в том, что оно направлено как, на повышение «академического» уровня, так и уровня «жизненных адаптационных компетенций». Для этого используются современные формы организации образовательного процесса, занятия проводятся по подгруппам и индивидуально. Работа с родителями имеет дифференцированный подход, учитывает социальный статус, микроклимат семьи, родительские запросы и степень заинтересованности родителей деятельностью Центра

Коррекционная работа строится на основополагающих принципах:

– комплексности (позволяет оказать помощь ребенку и родителям),
– оптимистического подхода (предполагает организацию «атмосферы успеха» для ребенка, веры в ее положительный результат),

– индивидуального подхода (определяет индивидуальный подход к ребенку и построение коррекционной работы на базе основных закономерностей психического развития),

– последовательности (работа строится от простого к сложному) [3, с. 19].

В работе используются такие инновационные методы в организации коррекционной работы, воспитания и развития, как:

1. Элементы психогимнастики;
2. Элементы релаксации;
3. Дыхательная гимнастика;
4. Пальчиковая гимнастика;
5. Глазодвигательная гимнастика;
6. Биоэнергопластика;

7. Фонематическая ритмика.

Эффективность работы специалистов центра с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ дошкольного возраста, определяется следующими показателям [4, с. 45]:

1. Успешной адаптацией детей к образовательному учреждению;
2. Повышением уровня речевого и интеллектуального развития;
3. Повышением коммуникативных, познавательных способностей и психологическая готовность детей к обучению;
4. Повышением уровня знаний и овладение необходимыми педагогическими навыками родителей;
5. Использованием родителями медико-психолого-педагогических знаний в воспитании и развитии детей;
6. Активное, заинтересованное, творческое участие семей в развитии своих детей и в мероприятиях, организованных сотрудниками центра.

Результаты деятельности центра определяются на основе мониторинга, который проводится на основе диагностики уровня развития детей и опроса родителей. Промежуточный результат описанного выше эксперимента получен нами на основе анализа анкетирования родителей. Так, в начале учебного года 90 % родителей отметили, что они не знают и не владеют методами развития и коррекции собственных детей. В конце учебного года уже 75 % родителей указали на факт освоения знаний о специфических особенностях развития ребёнка и готовности применять эти знания и рекомендации специалистов центра.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что инновационный опыт работы специалистов областного центра медико-психолого-социального сопровождения в работе с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья дошкольного возраста, достаточно эффективен и создаёт благоприятные условия для полноценного личностного развития каждого ребенка.

Литература

1. *Балобанова В.П.* Жизнь ребенка в семье – базовый принцип раннего вмешательства // Передовые практики раннего вмешательства: сборник статей. – СПб., 2012. – С. 14–22.
2. Воспитание детей особой заботы: хрестоматия / сост. И.П. Посашкова и др. – Омск: БОУ ДПО «ИРООО», 2011. – 64 с.
3. *Козлова А.В., Дешеулина Р.П.* Работа ДОУ с семьей. – М., 2004. – 112 с.
4. Программы для дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушениями речи. Коррекция нарушений речи / сост. Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, Т.В. Туманова. – М., 2010. 68 с.

Барац Ольга Викторовна
педагог дополнительного образования казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск.
E-mail: bu_ptpk@mail.ru

Воробьева Лариса Анатольевна
заместитель директора казенного учреждения Омской области
«Центр психолого-медико-социального сопровождения»,
Россия, г. Омск.
E-mail: bu_ptpk@mail.ru

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ МУЗЫКОТЕРАПИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена эффективному современному методу работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста – музыкотерапии.

Ключевые слова: семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, музыкальное воспитание, музыкотерапия.

Olga Barac
*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

Larisa Vorobyeva
*The centre of psychology medical social aide,
Russian Federation, Omsk*

THE EXPERIENCE OF USING OF MUSIC THERAPY ELEMENT AT MUSICAL EDUCATION LESSONS FOR CHILDREN WITH LIMITED HEALTHS ABILITY FROM THE EARLY AGE

The article devoted to the effectives modern of working with children who have limited healths abilities of the early age- music therapy.

Keywords: family having a children with limited healths abilities, music education, music therapy.

Модернизация системы образования в рамках гуманизации социальных отношений направлена на смену ценностных позиций педаго-

гов. В центре внимания педагогической науки и практики становится личность ребенка со всем многообразием его особенностей и ресурсов развития. Исчезновение понятия: «необучаемый ребёнок» определяет основное направление в работе с «особыми» детьми, которое заключается в выборе индивидуального образовательного маршрута и индивидуальной программы развития каждого ребенка. Это требует от педагогов и психологов разработки и реализации инновационных методов и технологий психологического и педагогического сопровождения коррекционных и развивающих процессов каждого ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Важным компонентом реабилитационной работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста является музыкальное воспитание.

Под музыкальным воспитанием понимается развитие способности к восприятию музыки. Музыкальное воспитание осуществляется в различных формах музыкальной деятельности, которые направлены на:

- развитие музыкальных способностей,
- развитие эмоциональной отзывчивости к музыке,
- обучение пониманию и глубокому переживанию содержания музыки,
- формирование музыкальной культуры.

Так как для работы с детьми, имеющими «особые» возможности необходим коррекционный компонент, то мы обратились к эффективному современному методу работы с детьми дошкольного возраста, которым является музыкотерапия. Музыкотерапия представляет собой психотерапевтический метод, основанный на целительном влиянии музыки на психологическое состояние ребёнка.

Музыка воздействует на эмоциональное состояние человека, она веселит, заставляет грустить, погружает в раздумья. Музыкальная деятельность является источником развития глубоких переживаний, обогащает знания и опыт детей, формирует индивидуальность каждого ребёнка. Музыкальные занятия раскрывают творческий потенциал детей, развивают их инициативу, речь, воспитывают художественный вкус. Особенно такие занятия важны для развития детей с ограниченными возможностями здоровья, чьё общение с окружающим миром ограничено.

Применение элементов музыкотерапии на занятиях помогает педагогу решать комплексно ряд задач:

- создания ситуации доверия между ребёнком и педагогом;

- диагностики внутренних переживаний ребёнка;
- усиления внимания к чувствам и переживаниям;
- коррекции эмоционального состояния;
- расширения представлений о мире;
- формирования музыкальных компетенций.

Таким образом, прослушивание музыкальных произведений оказывает как воспитательное, так и коррекционное воздействие на ребёнка.

Занятия по музыкотерапии строятся на основе подбора необходимых мелодий, способствующих позитивному влиянию на эмоциональную сферу ребёнка. Как показала практика, на занятиях по музыкальному воспитанию, произведения: Ф. Шопена «Мазурка» и «Прелюдии», И. Штрауса «Вальсы», А. Рубенштейна «Мелодия» – снимают состояния тревоги и беспокойства у детей с ОВЗ раннего возраста. Уменьшают раздражительность, воспитывают чувства принадлежности к прекрасному миру природы такие произведения как «Контата 2» И. Баха, так и «Лунная соната» «Симфония ля-минор» Л. Бетховена. Гармонизируют общее эмоциональное состояние детей произведения: Л. В. Бетховена «Симфония 6» часть 2, И. Брамса «Колыбельная», Ф.Шопена «Ноктюрн соль-минор»;

Снятию симптомов напряжённости в отношениях с окружающими людьми помогает музыка: И. Баха «Концерт ре-минор» для скрипки, «Кантата 21», Б. Бартока «Соната для фортепьяно», «Квартет 5». Повышает жизненный тонус, улучшает самочувствие, активность, настроение, музыка П.И. Чайковского «Симфония 6» часть 3, Л. Бетховена «Увертюра Эдмонд», Ф.Шопена «Прелюдия 1 опус 28», Ф.Листа «Венгерская рапсодия 2».

Изучив опыт музыкального воспитания детей дошкольного возраста О.П. Радыновой, которая активно использует на занятиях классическую музыку различных эпох и стилей, мы выявили, что детская аудитория прекрасно воспринимает музыку, которая специально для неё не предназначена [3, с. 18]. Опыт Петрушина В.И. состоит в том, что для работы с детьми необходимо подбирать музыку, активизирующую эмоциональную, речевую и двигательную активность [6, с. 35].

Интегрируя идеи этих педагогов, учитывая необходимость комплексного подхода в работе с детьми с ОВЗ раннего возраста, нами разработана программа, включающая шесть основных тем:

- «Наше настроение и чувства в музыке» (изучается влияние музыки на настроение, эмоциональные переживания, чувства);

– «Песня, танец, марш» (изучаются основные понятия о трех жанрах, развиваются творческие способности, поддерживаются проявления самостоятельной деятельности);

– «Музыка о животных и птицах» (формируется понятие изобразительности музыки, развивается стремление к гармоничному взаимодействию с миром);

– «Природа и музыка» (знакомство с музыкальными произведениями созвучными с той или иной картиной природы, временем года или дня, воспитание чувства прекрасного);

«Сказка в музыке» (побуждение к творчеству через задания, связанные с созданием своего образа);

«Музыкальные инструменты и игрушки» (знакомство с различными музыкальными инструментами, побуждение к извлечению звуков).

В данной программе предусмотрены разнообразные формы музыкальной деятельности детей раннего возраста и возможность использовать различные варианты содержания в зависимости от состояния и настроения ребёнка.

Необходимо отметить, что музыкальное воспитание «особенного» ребенка требует объединение усилий педагога-дефектолога, учителя-логопеда, педагога-психолога и педагога дополнительного образования. Каждый ребёнок с ОВЗ имеет специфику и ресурсы своего развития, поэтому музыкальные занятия проводятся как индивидуально, так и в микрогруппах. Комплексный характер занятий состоит в том, что ребёнок включается в различные виды музыкальной и художественной деятельности, при этом педагог наблюдает за процессом восприятия ребёнком музыки. Опыт реализации нашей программы позволил нам выделить перечень наиболее приемлемых для детей с ограниченными возможностями здоровья видов музыкальной деятельности. Заинтересованность и активность дети проявляют в таких видах музыкальной деятельности: песенках – инсценировках, хороводах, извлечении звуков из детских музыкальных инструментов, рисовании под музыку. Многие творческие задания выполняются под музыку, которая сопровождает деятельность ребенка на всех этапах занятия и гармонизирует эмоциональное состояние ребёнка.

К проведению музыкальных занятий привлекаются: логопед, педагог – психолог, педагог дополнительного образования и другие специалисты, поэтому на занятиях используются психокоррекционные приёмы: психогимнастика, пальчиковая гимнастика и логопедические упражнения.

Эффективность реализации программы мы определяли качественными показателями в процессе наблюдения за эмоциональным состоянием и проявлениями активности ребёнка в различных видах музыкальной деятельности. На основании наблюдений и фиксации результатов наблюдений на каждом занятии, нами сделаны следующие выводы:

1. Необходимо включать родителей в процесс музыкального воспитания ребенка.

2. В зависимости от состояния и настроения ребёнка следует использовать вариативный набор, как содержания по выбранной тематике, так и видов музыкальной деятельности на занятиях.

3. Реализация программы даёт наиболее эффективный результат в музыкальном воспитании детей раннего возраста, имеющих нарушения аутистического спектра.

4. Необходимо подключать к реализации программы различных специалистов, обеспечивающих комплексный характер воздействия на процессы коррекции и развития каждого ребёнка с ограниченными возможностями здоровья раннего возраста.

Литература

1. *Зими́на Е.Н.* Основы музыкального воспитания и развития детей младшего возраста: учеб. для студ. высш. уч. заведений. – М., 2000. – 304 с.
2. *Новиковская О.А.* Логоритмика для дошкольников в играх и упражнениях: практическое пособие для педагогов и родителей. – СПб., 2005. – 150 с.
3. *Радынова О.П.* Музыкальное развитие детей. – Ч. 1. – М., 1997. – 606 с.
4. *Радынова О.П., Катинене А.И., Палавандишвили М.А.* Музыкальное воспитание дошкольников / под ред. О.П. Радыновой. – М., 1998. – 240 с.
5. *Соколова Ю.А.* Речь и моторика. – М., 2004. – 48 с.
6. *Петрушин В.И.* Музыкальная психотерапия: Теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 1999. – 176 с.

Научное издание

**ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

**Человек в современном городе:
облик, образ, образование**

Сборник научных статей
по материалам V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Омск, 17–18 мая 2016 г.)

Ответственность за аутентичность и точность цитат,
имен, названий и иных сведений, а также соблюдение
законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов.
Материалы сборника публикуются в авторской редакции.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Е.В. Лозовая*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 14.09.2016. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 11,88. Усл. печ. л. 11,05. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 70 экз. Заказ 122.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск, пр. Мира, 55а